

Каждая минута
на счету.

КЗ94

Семейство Скарзи **Книга первая**

ДИ ГАРСИЯ

Я никогда не планировала в него влюбляться. Стоило подумать дважды.
Вот только сердцу не прикажешь.
Преданность окажется под вопросом. Тайны будут раскрыты...
Кому-то придется умереть.
Часики тикают и, как говорит папочка...
Каждая минута на счету.
Победит ли любовь?

Ди Гарсия «К-394»

Серия: Семейство Скарзи № 1

Жанр: темный криминальный роман, мафия, 21+

Переводчик: Александра Йейл (пролог, 1-11 гл),

Ольга Андреевна (с 12 главы)

Редактор: Даша Мусетова

За обложку благодарим Александру Йейл

Переведено специально для группы - vk.com/dark_eternity_of_books

— П-пожалуйста, не надо, — промямлил пожилой мужчина, как только я отодвинула от его рта руку в перчатке.

— Осторожно, мистер Уильямс, — выдохнула я ему в ухо, продолжая прижимать лезвие к его горлу. — Сдвинетесь хоть на миллиметр, и вам станет сложно дышать.

— Мне нужно время, — взмолился он, дрожа от животного ужаса.

Я мрачно рассмеялась.

Все они так говорили.

— Как раз времени у вас было предостаточно. Мой отец не только дал вам несколько отсрочек, но и не потребовал неустойку, когда вы не уложились в срок. Но вы начали играть с ним в игры, Джон, — я чуть крепче прижала лезвие к его горлу. — Папочке не особо нравится, когда с ним играют.

— Я... п-прошу прощения!

— Да, — проворковала я, — готова поспорить, что просите. К сожалению, извинения не погасят за вас долги, и ваше время истекло. Не сомневаюсь, у вас уже возникли догадки о том, чем все закончится, верно?

— Нет... не надо. Половина денег спрятана у меня дома. Мне... мне просто нужна еще одна отсрочка и...

— Эх, неверный ответ, — я провела лезвием по губам Джона, немного надрезая их в уголках, и откинула его голову к своему плечу. Он смотрел на меня широко распахнутыми карими глазами, блестящими от навернувшихся слез, только и ждавших возможности пролиться. — Почему грустим, мистер Уильямс? Разве вы не чувствуете облегчение от того, что избавитесь от долгов?

Он отчаянно замотал головой.

— Уверяю, вам стоит порадоваться. После того что вы сделали, я предлагаю еще и бонус. Давайте взглянем на ситуацию под другим углом. Если я вас не убью, за вами придет мой брат. А его методы... что ж, они в разы хуже. Теперь давайте поменяем хмурое выражение вашего лица, ладно? Вам ведь хочется выглядеть как можно лучше, когда Сатана примет вас с распростертыми объятиями, — удовлетворенно сообщила я и, проведя острием от одной щеки Джона до другой, нарисовала на его лице идеальную кровавую улыбку.

Как подхлестнула страх, и из горла Джона вырвался надрывный стон — один из самых удовлетворяющих звуков в моем мире. Музыка для ушей, если позволите.

Еще минуту я уделила тому, чтобы полюбоваться творением рук своих. Новое дополнение к его рылу было неглубоким, но в том и суть. Всего лишь моя подпись. Во всяком случае, один из ее штрихов. Еще несколько минут, и я бы рискнула выдать себя, нарушив свои собственные правила.

— Не надо... не делай этого, — снова начал заикаться Джон в очередной слабой попытке спасти свою шкуру.

Я закатила глаза. Мольбы никогда не устаревали. В отличие от моливших ублюдков. Джон Уильямс знал, что оскорбил моего отца — точнее, украл у него — и почему-то решил, будто крокодилы слезы, заикание или оправдания обелят его. Как и все прочие перед ним. Они умоляли, изнашивая мое терпение.

— Все произойдет быстро, — рукой в перчатке я зажала его окровавленный рот. —

Закройте глаза и сосчитайте до десяти.

Джон безмолвно тряс головой.

— Начинайте, — кивнула я без капли сожаления. — Один... два... — подсказала я.

— Три, четыре, — промямлил Джон мне в ладонь, и по его щеке скатилась одинокая слеза.

— Пять. Покойтесь с миром, мистер Уильямс, — тихо сказала я.

Вдавлив лезвие в горло Джона, я медленно прочертила полосу. Пока он задыхался, я в восхищении наблюдала, как яркий алый поток хлынул на белую рубашку, забрызганную темно-красными каплями. Когда голова Джона завалилась набок, я небрежно отбросила тело на кровать, вытерла лезвие о его брюки и, убрав нож в набедренные ножны, вышла из люкса.

Пару минут спустя я села на водительское сидение своего черного GranTurismo и мысленно вычеркнула еще один пункт из бесконечного списка.

Двести девяносто восемь...

Взревел двигатель, и я помчалась на другой конец города. Как только я свернула на магистраль, мое внимание привлекло чириканье телефона. Стянув с рук перчатки, я бросила их на пассажирское сидение и, нажав кнопку на руле, ответила на вызов.

— Дело сделано, — сказала я вместо приветствия, прекрасно зная, кто звонил.

— Превосходно. Отлично сработано, сестричка, как всегда, — похвалил мой старший брат Алессио. — Я как можно скорее пошлю ребят. Ты же знаешь, па порадуется этому пункту.

— Знаю, — ухмыльнулась я, представив себе его лицо. — Скажи ему, что скоро буду.

— Хорошо. Езжай осторо...

Я сбросила вызов, не дав Алессио договорить. Включив радио громче, я вдавила в пол педаль газа, пока у меня в голове во всех деталях проигрывались последние двадцать минут моей жизни.

Наверняка вы хотите знать, кто я.

Что ж, я скажу, если вы умеете хранить секреты.

Меня зовут Иден Скарзи.

Проще говоря, я — воплощение смерти.

Грязная работенка, но кто-то должен ею заниматься, особенно когда мой отец бывает настолько добр, что дает в долг свои с трудом заработанные деньги. Конечно, он устанавливает сроки, и порой заемщики совершенно не ориентируются во времени.

Но каждая минута на счету.

Что происходит, когда истекает срок, спросите вы?

Папочка отправляет меня.

Я — последний человек, чьему стуку в дверь вы порадуетесь. Разве что я не стучу. Я вообще не издаю ни звука.

Неспроста меня прозвали Тихим жнецом.

Глава 1

Еще одно предупреждение, и ты

Ксандер

Лифт прибыл на десятый этаж, и тихий перезвон вырвал меня из пучины тревожных мыслей. Глубоко вдохнув, я вышел на мрачно декорированную лестничную площадку «Железа Скарзи» — одной из крупнейших и уважаемых оптовых компаний по переработке отходов в Нью-Йорке. Я прошел по черному мраморному полу к дверям из матового стекла. На них была выгравирована уменьшенная копия эмблемы, и один ее вид стал отвратительным напоминанием о том, что за этими дверьми меня могли или спасти, или сломить. Честно говоря, я не боялся Винсента Скарзи, хотя, наверное, напрасно. Куда больше меня пугала перспектива услышать отказ. Или хуже — узнать, что время истекло.

Особенно когда времени мне как раз и не хватало.

Еще немного времени.

Времени и денег.

Я собирался поставить свой магазин на ноги и заплатить по счетам, вернув Скарзи не только каждый одолженный цент, но и проценты.

Рядом с дверьми стоял современный стол цвета грифельной доски, за которым сидела поразительная рыжеволосая красавица, виденная мной уже дважды. Выглядела она так, словно прибыла к нам на машине времени из другой эпохи. Как звезда пин-ап, с ярко-красными губами и все такое.

— Привет, я пришел встретиться с мистером Скарзи.

— Да, сэр, — красавица по обыкновению улыбнулась и, кивнув мне, что-то вбила в компьютер. — Он готов вас принять. Пройдите через вон те двери и...

— Да, я знаю. В конце коридора повернуть налево. Спасибо, — я отошел от стола прежде, чем последние рекомендации слетели с ее губ.

Я не собирался грубить, ничуть, но она и сама знала, кто я. Объяснение маршрута больше не было обязательной частью программы. Я собирался следовать установленному порядку, отметить на входе и пойти своей дорогой.

Наверное, меня можно было назвать человеком, шедшим к своей цели.

Рыжеволосая красавица не спорила, даже когда я ухватился за стальную ручку и шагнул в теневой мир переработки отходов. Я назвал его теньвым, потому что обычные люди видят происходящее за закрытыми дверьми только в кино. Если вы считаете этот бизнес честным, значит, ни черта о нем не знаете. Как не знал и я, пока не перебрал партию направленных на утилизацию автомобильных дверей. С другой стороны, я бы не начал копать, если бы не беспокоился об убытках своего магазина, о куче счетов из клиник и об отсутствии доходов от вышеупомянутого магазина для оплаты вышеупомянутых счетов.

Коридор вел в большое помещение с панорамными окнами практически по всему периметру. В отличие от темно-серого покрытия на лестничной клетке, здесь стены были облицованы классическим кирпичом. С высокого потолка свисали стальные трубы разного диаметра. Двумя рядами стояли черные кабинки, в которых трудились сотрудники, считавшие свою работу с девяти до пяти такой же, как и любая другая в Америке с

минимальной заработной платой. Или же они просто закрывали глаза на правду. Я предположил, что так оно и было, поскольку в реальном мире не бывает насколько слепых людей.

Завернув за угол, я прошел по тихому залу, где слышался лишь звон телефонов и шепотки. Следующий коридор вел к впечатляющим дверям офиса Скарзи или, как я называл его, аквариуму с акулами. Снова глубоко вздохнув, я постучал костяшками по гладким обсидиановым дверям, оповещая о своем появлении, и толкнул створки вовнутрь. Я очень надеялся получить еще один чек или отсрочку, чтобы, в конце концов, вытащить себя из порочного долгового круга.

Кабинет Винсента Скарзи не переставал меня поражать. В основном из-за разительных отличий от остального здания и влиятельнейшего человека, сидевшего на огромном кожаном троне за черным столом. Прибавьте то, что весь кабинет был белым, начиная с обоев и паркета, заканчивая мебелью. Вдоль одной из стен выстроились современные книжные шкафы со стальными акцентами. То тут, то там висели причудливые стеклянные светильники. Не считая скупого декора, кабинет напоминал белизной и необустроенностью больничную палату. Единственным всплеском цвета был потрясающий вид на гавань, открывавшийся из панорамного окна позади стола и напоминавший яркий объект живописи.

— Мистер Ройс, — громко поприветствовал меня мистер Скарзи, повернувшись лицом ко мне.

В идеально отутюженном и сшитом на заказ костюме, с острым взглядом карих глаз и припорошенными сединой волосами он идеально вписывался в мои представления о том, как должен выглядеть Сатана. Классическое воплощение зла. Тем не менее, до меня доходили слухи, что его старший сын еще хуже. Я не представлял, как такое возможно, и не горел желанием узнать. Большое спасибо, одного Скарзи мне хватило на всю оставшуюся.

Когда я приблизился к столу и протянул руку, губы Винсента изогнулись в зловещей ухмылке.

— Мистер Скарзи.

Он даже не поднялся на своем кресле, лишь слегка кивнул и пожал мою руку. На краткий миг я отметил, что его хватка стала крепче, чем во все наши предыдущие встречи. Возможно, тихое предупреждение о надвигающейся гибели?

— Будь добр, присаживайся, — мистер Скарзи указал на белые льняные кресла позади меня.

Быстро улыбнувшись в знак уважения, я опустился на ближайшее сидение и вытер вспотевшие ладони о поношенные джинсы.

— Итак, чем я могу помочь тебе сегодня? Внося тебя в расписание, Зена сказала, что дело срочное.

— Я догадываюсь, что ответ будет отрицательным, но я...

— Позволь предположить. Тебе нужно больше денег? — небрежно бросил Скарзи, сложив пальцы домиком.

Повисло молчание.

Проглотив ком в горле, я кивнул, потому что моя гордость, пускай и истертая смущением, не позволила мне признаться вслух. В мертвой тишине Винсент Скарзи рассматривал меня, и чем дольше не отводил пронзительного взгляда, тем чаще и тяжелее билось сердце в моей груди. Вскоре оно буквально заходило, и мне казалось, что его дикий ритм слышал даже мистер Скарзи.

— И сколько тебе нужно на этот раз? — любопытствовал он, выгнув бровь.

— Двадцать пять, сэр.

— Двадцать пять долларов или двадцать пять тысяч? Конкретнее, Ройс. Ты же знаешь, как я презираю неопределенность.

Ублюдок.

Он прекрасно знал, что я имел в виду. Внезапно разозлившись, я невыносимо захотел закатить глаза. Поддался ли я мимолетному порыву? Нет. Я слишком ценил свою жизнь для такого дерьма.

— Двадцать пять тысяч, сэр, — уточнил я, на пределе сил стараясь говорить ровным тоном.

— Ясно, — Скарзи переплел пальцы. — И сколько в таком случае ты будешь должен?

— Больше ста тысяч с учетом процентов.

Озвучив сумму, я чуть не съезжился, но сдержался. Он хмыкнул и, развернувшись на своем кресле, поднялся на ноги. Встав у окна, Винсент скрестил руки на груди и поставил ноги на ширину плеч.

— Сто тысяч — большие деньги, сынок, — сказал он после некоторых раздумий. — Ты уверен, что хочешь повесить на себя столько долгов? Или ты сегодня пришел с взносом?

Твою ж мать.

— Мне очень жаль, но нет, — покачал я головой. — Если бы я мог вернуть деньги, не пришел бы просить еще больше.

Когда он медленно повернулся и посмотрел на меня через плечо, я осознал ошибочность своей тактики. Будь мы лицом к лицу, Винсент Скарзи, несомненно, прожег бы меня смертоносным взглядом. Я был готов ударить себя за глупость. Как ни удивительно, он снова повернулся к окну и продолжил.

— Я скажу тебе, как мы поступим.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Вот оно. Или Скарзи собирался послать меня и велеть в течение пары дней погасить долги, или соглашался снова помочь.

— Я выпишу тебе чек, Ксандер, и сейчас объясню почему, — продолжил он, вернувшись к креслу. — Потому что ты мне нравишься. Ты — волевой молодой человек, которому всю жизнь выпадали дерьмовые карты. А еще ты боец, и я знаю, что если перетасовать колоду, поднимешься выше. И тогда все сложности, включая меня, останутся в прошлом. Станут пройденным этапом. Улавливаешь мою мысль?

Я кивнул, хотя его точка зрения показалась мне неожиданной и странной.

— Если бы ты просил денег, чтобы потворствовать дурным наклонностям, я бы вышвырнул тебя из кабинета и засунул в утилизатор. Но у тебя, Ксандер Ройс, — Скарзи указал на меня пальцем, словно хлыстом, — есть потенциал.

— Хорошо, теперь я потерял ход ваших мыслей, — признался я, совершенно сбитый с толку.

— Я даже сниму проценты с твоего займа.

Я замер, боясь моргнуть. Вдруг его слова были плодом моего воображения? Скарзи ведь не мог настолько облегчить мне жизнь?

— Какая вам с этого выгода? — возразил я.

— О, она есть, — мрачно хохотнул он. — Ничего стоящее в нашей жизни не дается бесплатно, малыш.

Ну конечно.

— Слушаю, — я искренне заинтересовался, что Сатана припрятал в рукаве.

— На самом деле, это скорее ультиматум.

— Продолжайте.

— Я прекрасно осведомлен о ситуации, в том числе и о здоровье твоей матери. Что бы ты обо мне ни думал, у этого старика есть сердце, и я слишком хорошо знаю, как больно, когда болеет любимый человек. Помимо прочего, я спишу половину твоего долга без каких-либо процентов, если заплатишь мне в течение тридцати дней.

— Мистер Скарзи, я не могу... — судорожно начал я, но он погрозил пальцем, прервав меня на полуслове.

— Если думаешь, что не можешь заплатить, у меня есть для тебя предложение.

Наклонившись вперед, я оперся локтями на колени и кивнул, давая понять, что внимательно слушаю. Тем не менее, меня крайне тревожило, что именно мистер Скарзи мог мне предложить.

— Ликвидируй десять человек из моего списка по одному за каждые десять тысяч, и я спишу все твои долги. Более того, оплачу счета твоей мамы в больнице.

Какого черта?

Он ведь не мог иметь в виду...? Или мог?

— Что вы подразумеваете под «ликвидировать десять человек»?

— Подключи смекалку, Ройс. Не сомневаюсь, тебе сразу станет ясно, что я подразумеваю под ликвидацией.

Как только до меня начал доходить смысл его слов, планета на минуту перестала вращаться. Скарзи хотел, чтобы я убивал людей. Хотел, чтобы я, черт бы меня подрал, убивал людей в качестве платы. Он сошел с ума? Был душевнобольным? Я знал, что за закрытыми дверями «Железа Скарзи» происходило много всякого дерьма, но и подумать не мог о расстрельном списке.

Уронив голову на руки, я глубоко дышал, преодолевая волну ужасающей тошноты, нахлынувшей на меня без малейшего милосердия. Я пытался понять, как мне быть. И хоть я знал, что ни за что на свете не соглашусь пачкать руки кровью, голосок на подсознании спрашивал, не проще ли вычеркнуть несколько имен из списка, чем возвращать долг. У меня не было таких денег, плюс Скарзи предложил оплатить счета в больнице, благодаря чему я смог бы вложить каждый пенс последнего займа в развитие магазина и наконец-то вдохнуть полной грудью.

Мои мысли носились кругами, умоляя освободиться от вечного напряжения и истощения, изводившего меня ежедневно. Вместе с тем я не понимал, почему вообще думал принять предложение. Я не был убийцей. Да, я умел постоять за себя и, конечно же, отнял бы жизнь, защищая себя или своих близких, но не мог поступить вот так. Не по заказу. Словно наемный убийца или вроде того.

«Ты сможешь», — подбодрил темный голосок у меня в голове.

Мог ли я?

Действительно?

Нет.

Да.

Нет. Мы говорили о жизнях других людей, не о кошельках и нескольких ударах по голове. Смерть — если точнее, десять убийств — навеки остались бы на моей совести. Десять жизней, которые я бы отнял, чтобы скинуть бремя, нести которое было моим долгом.

и только моим. Я сам впутался в неприятности и должен был поступить правильно, что само по себе непросто. Хотя убийство не назовешь простым занятием.

— Я...я не могу дать вам ответ прямо сейчас, — запинаясь, сказал я, подняв взгляд к лицу мистера Скарзи. — Мне слишком многое нужно обдумать.

— Отлично, — похоже, он был впечатлен и с ухмылкой потер подбородок. — Я даю тебе три дня на раздумья. Семьдесят два часа, чтобы принять решение. Ни больше, ни меньше. Достаточно справедливо? — спросил Винсент.

— Да, но у меня вопрос.

— И какой же?

— Что будет, если я не соглашусь?

— Тогда я буду ожидать от тебя половину суммы в течение тридцати дней. И прежде чем ты скажешь, что у тебя нет денег, задумайся на минутку. Я был очень снисходителен к тебе, Ксандер. За год я частям выдал тебе семьдесят пять тысяч и ни разу не преследовал из-за просрочки. Обычно я так дела не веду, но, как уже сказал ранее, ты мне нравишься.

— Я ценю это, честное словно, но у меня есть еще один вопрос, — я не мог скрыть дрожи в голосе. — Что будет, если я не смогу заплатить вам половину через тридцать дней?

— Тогда ты окажешься в том самом списке, с которым я прошу помочь, — Винсент со вздохом поправил галстук. — Честно говоря, будет очень печально, если мне придется вписать туда и твое имя.

— Почему я? — недоверчиво спросил я и поднялся на ноги. — Почему вам нужна именно моя помощь?

— Потому что я вижу в тебе тот же огонь, что и в себе. С позволения сказать, родственную душу, — Скарзи казался довольным сим фактом. — Ты любишь мать так же жаростно, как я люблю свою семью, и сделаешь для нее все, как и я для своих родных. Но, видишь ли, как бы ты мне ни нравился, я не могу просто списать твой долг, не получив никакой компенсации за деньги, которые никогда не смогу вернуть. Тем не менее, вычеркивание из списка лживых уродов будет для меня равноценной платой, и после десятого ты сможешь пойти своим путем.

Снова повисло молчание, и я начал вышагивать перед столом Скарзи. Встреча проходила совсем не так, как я ожидал.

— Значит, третьего варианта просто не существует, если я не хочу умереть....

— К сожалению, да, но и первый вариант тоже имеет срок годности. Пятьдесят тысяч через тридцать дней, или ты, опять же, попадешь в мой список.

— Черт, — пробурчал я одновременно с просигналившим интеркомом.

— Мистер Скарзи, — раздался мелодичный голос рыжеволосой красавицы.

Придвинувшись на кресле к столу, Скарзи нажал на кнопку.

— Зена, дорогая, слушаю тебя.

— Марчелло и Доменико уже здесь, сэр.

— Ах да, — рассмеялся Скарзи. — Скажи им, что я сейчас подойду. Мы с мистером Ройсом уже заканчиваем. Спасибо, дорогая.

Закончив разговор, он вновь посмотрел на меня и, потянувшись к одному из ящиков, достал чековую книжку. Больше Скарзи не проронил ни слова, пока заполнял чек прямо передо мной, замершим в непонимании, потрясении и...страхе. Потому что да, мне было очень страшно за свое будущее. Если оно у меня вообще было. Расписавшись на чеке, Скарзи поднялся и протянул его мне с все той же зловещей ухмылкой.

— Последний заем, последняя отсрочка, Ксандер. Мы поняли друг друга?

— Да, сэр, — на подкашивавшихся ногах я шагнул к нему и взял чек.

Он указал на дверь, и я знал, что пришло время уходить. Точка. Больше обсуждать и решать было нечего. Скарзи выдвинул требования, и мне предстояло принять решение. То, которое могло или разрушить мою жизнь или убить меня. С каждым шагом я чувствовал, будто к моим ногам привязали цементные блоки, утягивавшие меня в зыбучий песок, угрожавший поглотить с головой.

— Мистер Ройс, — окликнул меня Скарзи, едва я взялся за стальную дверную ручку. Я обернулся через плечо. Мы посмотрели друг на друга с противоположных концов кабинета, и Винсент постучал пальцем по наручным часам. — Каждая минута на счету. Стоит воспользоваться ею с умом.

С этой мыслью я покинул кабинет. Проигрывая в голове последние полчаса своей жизни, я терзался от мучительной тошноты. Каждая минута и впрямь была на счету. Если точнее, каждый из трех оставшихся дней. Но то, как мне примириться с судьбой, оставалось за пределами моего понимания. Поступил бы я правильно или свернул на дорожку, по которой никогда не планировал идти? Независимо от моего выбора, я собирался поддержать маму любой ценой. Если для этого придется поставить на кон собственную жизнь, так тому и быть.

Глава 2

План атаки

Иден

— О, черт, Лука! Пожалуйста, жестче! — захныкала я, когда лучший друг моего брата брал меня сзади, одной рукой прижимая к себе за плечи.

— Говоришь, жестче, Лепесток? — прорычал он и, схватив меня за волосы, повернул мне голову. — Ты же знаешь, что я не шучу.

Он впился в мои губы карающим поцелуем и начал брать резче прежнего, головкой члена задевая все нужные точки внутри. Каждый толчок возносил меня выше, пока у меня не задрожали ноги. Лука шлепнул меня по задку, и я со стоном откинула голову ему на плечо.

— Да! — по моей коже разошлось великолепное жжение.

— Тебе нравится все это дерьмо? — он шлепнул меня снова.

— Черт, да, — прошипела я, упиваясь удовольствием, принесенным болью.

Мрачно посмеиваясь, Лука опустил руку мне между ног и, прижав пальцы к клитору, медленно потер его кругами, заставляя меня задыхаться.

— Иден, что бы сказал твой брат, если бы узнал, как сильно ты любишь мой член? Если бы узнал, что ты позволяешь мне грубо трахать твою маленькую тесную киску?

— Это его не касается, — выдохнула я, стискивая его в себе.

— М-м, ты права. Не касается. Кроме того, вряд ли он хочет знать, что твое влагалище полностью принимает член, и что ты разлетаешься на части с моим именем на губах, как сейчас. Ты кончишь для меня?

Я кивнула, не в силах говорить под натиском оргазма, готовая кончить именно так, как сказал Лука.

— Давай, Лепесток. Кончай, — прорычал он, быстрее натирая длинными пальцами мое припухшее средоточие нервов.

Секунду спустя я взорвалась и, сжав его внутри, крепко зажмурилась, в своей эйфории увидев звезды. Лука не отставал, продолжая брать меня даже на пике кульминации, пока не вонзился глубже и не удержал, с громким шипением наполняя горячей спермой. Мы рухнули на его постель, и он прижал меня спиной к своей груди. Оба тяжело дышали, пресыщенные тремя долгими актами без антракта.

Несколько минут спустя Лука вместе со мной перекатился и притянул меня ближе, пальцами впиваясь в мое бедро.

— Я только что адски кончил и уже снова тебя хочу.

— Дуня Кулакова тебе в помощь, — ухмыльнулась я, оттолкнув его. — Мне пора.

— Какого хрена? Куда? — приподнявшись на локте, Лука не сводил с меня голубых глаз, в то время как я уже подняла с пола свои трусики и надела их.

— У меня десять часов. Помнишь?

— Ты злюка.

— Если только чуть-чуть, — рассмеялась я, — но ты в курсе, что я не одна такая. Мальчики не лучше.

— Ты злее их всех.

— Нет, — хохотнула я, натягивая через голову тонкий черный свитер. — Алессио куда злее, и ты прекрасно это знаешь.

— Он — организованное зло. Ты же просто садистка.

— Да пошел ты, Лука.

— Как я и думал. Ты ведь меня отшила, — рассмеялся он, зачесав назад темные, взмокшие от пота волосы.

Щелкнув пальцами в знак согласия, я схватила сумочку и пошла к двери.

— Я тебе позвоню.

— Ты всегда так говоришь, но в итоге мне приходится звонить самому, — закричал Лука мне вслед.

Закрыв за собой дверь, я хохотнула, признав справедливость его утверждения. Он был прав. Так уж у нас повелось с самого начала. С тех пор как два года назад он сделал первый шаг на благотворительном гала-концерте против рака молочной железы в память его бабушке. Мы несколько раз переспали, прежде чем я дала понять, что дальше секса не зайду. Конечно, даже тут были правила. Никаких свиданий, никто ни у кого не ночует, не привязывается и ничего не ждет. Знаете, базовые принципы секса по дружбе. Те самые, которые Лука охотно принял. Сначала все шло гладко, но судя по его поведению в последние встречи, он покинул судно. Не мог ведь Лука считать нашу связь хорошей идеей? Хотя бы потому, что мы слишком долго кувыркались за спиной Алессио, и внезапное признание приравнялось бы к самоубийству. Ни за что на свете брат не одобрил бы наши отношения, неважно, тайные или нет. Тем не менее, минимум раз в неделю я отвечала на звонки Луки, потому что...ну, потому что он хорошо трахался.

Пять минут спустя я была уже за рулем и направлялась к комплексу, более известному как резиденция моего отца. Обычно, оставляя Луку, я ехала к следующему несчастному ублюдку, проживавшему оставшиеся минуты до последнего вздоха, но — к моему величайшему разочарованию — следующий пункт списка не подразумевал спектакля одного актера. Если существовал хоть малейший риск остаться в меньшинстве, папочка не отпускал меня без сопровождения, то есть, без братьев. Я нежно их любила — искренне — но предпочитала работать в одиночку. Стоило мне подумать о необходимости следить за ними на задании, как у меня портилось настроение, спасти которое не могли даже множественные оргазмы, полученные благодаря моему маленькому грязному секрету.

Замедлившись у больших кованых ворот, ограждавших «Железо Скарзи» от остального мира, я махнула охраннику в будке и проехала по слабо освещенной дороге мимо ржавых погрузочных контейнеров, прослуживших не один десяток лет. Днем между ними было видно гавань, но сейчас на город опустилась ночь и скрыла пейзаж. Словно ничего вокруг не существовало. Парение в небытие.

Подъехав к десятиэтажному белому зданию, я увидела машины своих братьев, стоявшие одна к одной, и по обыкновению припарковалась возле самых дверей. Я заглушила двигатель, выскочила из машины и поспешила по вестибюлю мимо охранников, даже не посмотревших в мою сторону. Пускай они работали в ночную смену, но знали, что я не любила болтовню, поэтому избавили меня от необходимости говорить и пропустили к лифту.

На десятом этаже стальные двери с перезвоном открылись, и я вышла в практически голый холл со стенами цвета угля и мраморным полом. Широкий коридор вел к дверям из

матового стекла и украшен был металлическими рамками с черно-белыми панорамами города, навеки запечатленными на пленке. Возле окон вдоль стен стояло несколько светлых кожаных диванов с маленькими стеклянными столиками рядом с ними, создававшими иллюзию комнаты ожидания. Чисто, просто, но изящно, что помогало держать марку перед всеми, кто вел с папой дела.

Пройдя мимо пустующей стойки регистратора и проскользнув между стеклянными дверьми, я не услышала ничего, кроме стука своих каблуков. Лишь в конце длинного узкого коридора тишину нарушили три низких, очень знакомых голоса. Стоило мне появиться на пороге, как все замолкли, и три пары практически одинаковых шоколадно-карих глаз осмотрели меня с макушки до пят.

— Сестренка, — уже громче поприветствовал Алессио.

— Братик, — я подошла ближе, проведя ярко-красным полированным ногтем по ряду ящиков.

— Где ты была? — потребовал он, скрестив руки в точности, как наш отец.

— Не думаю, что это ваше дело, но я была с другом.

Джио — самый младший из нас — приглушенно хохотнул, за что схлопотал злобный предупреждающий взгляд от Алессио.

— А что? — понимающе ухмыльнулся Джио.

— Повезло тебе, что я тебя люблю, — я уселась рядом с ним.

— Ты меня не тронешь, — закинув руку на спинку моего стула, он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Только то, что мы с тобой родня, не помешает мне выколоть тебе глаза, пока ты спишь.

— Продолжай убеждать себе, сестричка.

— Мы можем сосредоточиться? — рявкнул Маттео напротив нас. — Меня ждут дела.

— Под делами ты подразумеваешь теплое тело, которое быстро опьянеет и согреет твой член? — отрезала я.

Из всех моих братьев он был самым неразборчивым. Маттео не признавал отношений, кроме секса на одну ночь, что было отвратительно. Я не хотела, чтобы мой брат был тем парнем. Тем самым, который польстит девушке, купит ей несколько напитков, отрахает до потери пульса и, не попрощавшись, уйдет до наступления утра.

— Заткнись, Иден, — прорычал Маттео, скривив губы.

— Перестань трахать все, что движется, и я заткнусь.

— Вы оба, хватит, — деловито пресек Алессио. Бросив на стол перед нами папку, он встал, ожидая от нас полного и предельного внимания.

— Что это? — потянулся к ней Джио.

— Проект поместья ЛеРу. Черные метки — посты охраны. Красные — камеры видеонаблюдения.

— Где ты это достал? — недоверчиво спросил Маттео.

— У меня свои источники, — ухмыльнулся Алессио, высоко подняв голову.

Я обернулась посмотреть на Джио, державшего в руках папку с проектом дома Гаспара ЛеРу. Богатый француз заключил с моим отцом масштабную сделку, но не смог выполнить условия. Папочка итак долго держал его внизу списка и надеялся, что тот, в конечном счете, заплатит, но все посулы французика оказались не более чем пустыми обещаниями.

— Ха, он удвоил меры безопасности, — сказала я, обратив внимание на проект, сплошь

усеянный черными точками.

— Именно, — хмыкнул Алессио. — На прошлой неделе к нему заглянули Ричи, Мигель и Фрэнк. Думаю, он понял намек.

— У ЛеРу есть деньги, так почему он не заплатит вместо того, чтобы прятаться? — спросил Джио.

— Братишка, речь идет о миллионах, — отрезал Алессио. — Папино терпение лопнуло, и теперь Гаспар заплатит ему, только в белых тапочках.

— Ладно, значит, у нас два варианта, — я откинулась на спинку стула. — Я ликвидирую его сама, например, прокравшись в дом, или можем подкараулить у ворот. Джио отключит камеры видеонаблюдения снаружи, я остальные внутри.

Три взгляда тут же обратились ко мне, пригвоздив к месту.

— Ни в коем случае, сестренка. Поместье защищено еще и зелеными ограждениями, через которые нам придется перебраться, и ты не пойдешь туда одна. Это самоубийство, — сказал Алессио, и мальчики быстро закивали.

— В таком случае, Богом клянусь, вам троим лучше не отставать от меня, — расстроено вздохнула я. — Я не могу нянчить вас и одновременно пробираться мимо новых сторожевых псов ЛеРу.

— Ты забываешь, что мы занимались этим задолго до того, как па разрешил тебе взять в руки нож. Иден, мы в состоянии сами о себе позаботиться, — процедил Маттео.

— И кому из нас, кроме Алессио, первому разрешили работать в одиночку? — возразила я, скрестив руки на груди.

Повисла тишина, нарушенная лишь Джио, не сумевшим сдержать стон.

Мы с Маттео прожигали друг друга взглядами, пока я краем глаза не заметила, что Алессио, привлекая к себе внимание, опустился в кресло во главе стола.

Он поочередно осмотрел нас, сдвинув брови с тем же недовольством на лице, какое бывало у папочки, если мы его расстраивали.

— Когда закончите препираться, мы продолжим.

Джио моментально закрыл рот, и через секунду мы снова сосредоточились на насущных проблемах. Наверное, потому что Алессио был не только старшим братом, но и наследником семейной империи. Он действительно был копией отца, начиная с внешности, заканчивая характером, но, по-моему, гораздо хуже. Ему были чужды как милосердие, так и раскаяние. Алессио был неуязвим для них, возможно, из-за долгих лет наблюдения за папочкиными делами. В результате он обзавелся собственными уловками в заключении сделок, сделавшими его адски пугающим и самым опасным. Иными словами, Алессио стал реинкарнацией Сатаны.

— Как я уже говорил, — продолжил он, — мы должны держаться вместе.

— Это мы уже поняли, но как нам узнать, где наш французский пирожок? Поместье огромно, — осторожно сказал Джио.

— Никак, — покачал головой Алессио. — Вот почему операция будет отнюдь не такой простой, как думает наша милая сестренка. Мало того что нам придется разбираться со службой безопасности, так еще и обыскивать каждый угол имения в описках самого ублюдка.

— Какие гарантии, что он не сбежит? — спросил Маттео.

— Не сбежит. Когда мы вычеркнем из уравнения его качков, он не посмеет и носа из дома высунуть без сопровождения.

— Выходит, ЛеРу просто спрячется? Наверняка он знает, что мы придем и будем его искать.

— Я понял, к чему ты клонишь, — Алессио покрутил пальцами, — но как только не отключатся камеры, он не узнает, кто вошел в дом или вышел.

— Логично, — согласилась я, осмотрев своих братьев.

Они задумались, и повисла тишина, пока Джио порывисто не указал пальцем на проект.

— Но как мы попадем внутрь? Не можем же мы войти через главный вход.

— Вот тут, — указала я на торцевую сторону имения. — Заросли будут нам на руку. Они достаточно высокие, чтобы, затаившись в них, незаметно ликвидировать охранников, расчистить путь и перебраться на другую сторону. Придется бежать по газону, но там забор ближе всего к дому, и если план точен, комната наблюдения должна быть сразу у входа.

— Как насчет того, чтобы выбить предохранители? — спросил Джио.

— Отключение света нас же и погубит, — покачал головой Маттео и, наклонившись вперед, оперся локтями на колени.

— Он прав. К тому же, в этом нет необходимости, — добавила я. — Мы будем вне зоны видимости. Да, придется пробираться с черного хода, но мы справимся, если ликвидируем охранников по одному.

— Их слишком много для нас четверых, — Джио посмотрел на нас, и тревога омрачила его красивое лицо. — Лес, ты уверен, что па дал тебе зеленый свет?

Мы все с интересом уставились на нашего старшего брата.

— Иначе мы бы сейчас здесь не сидели, — кивнул он.

Двадцать минут спустя мы разработали план нападения и приготовились к операции. Я вышла с Джио на улицу, чтобы начать сборы, пока Маттео наверху ждал, когда Алессио переоденется и снимет свой обычный наряд — костюм с галстуком. Как только мы оказались на холодном августовском воздухе, Джио выгащил пачку сигарет, закурил и затаился.

— Тебе действительно пора бросать, — я не могла скрыть отвращения.

— Ну, когда я перестану бояться, что все мои родные могут умереть в любой момент, тогда, возможно, желание курить пропадет само собой, — сказал Джио, выпустив изо рта большое облако дыма.

Нажав кнопку на брелке, я открыла багажник своей машины.

— Никто не умрет, — заверила я, и мы обошли моего четырехколесного зверя. — Как только войдем в дом, ты поколдуешь, и все пройдет лучше, чем думает Лес.

— Не знаю, Лепесток, — Джио снова смачно затаился. — У меня плохое предчувствие.

— Оно у тебя всегда, — посмеялась я. — Спокойно, Джи.

— Я серьезно. Что-то не так, — он выдохнул еще одно облачко. — Операция слишком масштабная. Разве ты не думаешь, что па пошел бы с нами или как минимум послал бы подкрепление?

— Ты ведь знаешь, что папочка больше не пачкает руки, да и кого, по-твоему, он мог с нами послать? — застегнув на бедрах португепю, я вложила в ножны несколько ножей и убрала два пистолета в набедренные кобуры.

— Равенна.

— Да, конечно, братишка. Лука и Лиана натренированы гораздо хуже нас, и их всего двое.

— Два человека, умеющие стрелять и способные прикрыть нас в случае необходимости.

— Папа никогда не попросил бы Марчелло послать его детей к нам на помощь, особенно Лиану, — покачала я головой, закрепив на бедрах патронташ на 5.56 калибр.

— А что с Лианой? — эхом разнесся в тишине ночи голос Алессио. Они с Маттео подошли к нам, оба вооруженные.

— Он спросил, почему па не послал подкрепление, — передав Джио единственный нашедшийся в багажнике бронежилет, я посмотрела на своего старшего брата.

— И ты хочешь в качестве прикрытия Лиану? — глумился Маттео. — Она — двадцатипятилетняя Мать Тереза.

— Я просто спросил, брат, — Джио вернул мне жилет. — Слишком много дерьма, чтобы разгрести вчетвером.

— Если решил вести себя как баба, лучше останься здесь. Нам и без тебя проблем хватает, — пробурчал Маттео, закатив глаза.

— Эй! — оттолкнув Джио с пути, я подскочила к своему придурочному брату и ткнула его пальцем в грудь. — Отвали от него. Ты прекрасно знаешь, что ему все это не по душе. Или перестань говорить гадости, или сам оставайся здесь.

— Бога ради! — взревел Алессио. — Прекратите, оба!

Мы замерли, глядя друг на друга в тусклом свете фонарей. Маттео поднял руки в знак поражения, и я вернулась к Джио. Он успел вооружиться, но по-прежнему был встревожен предстоящей операцией. Больше не проронив ни слова, мы сели в наш семейный черный внедорожник. Алессио занял место водителя, и мы отъехали с парковки. Благодаря его авторитету, мы не расслаблялись, за что в тот момент я была ему признательна, поскольку Джио сидел на заднем сидении вместе со мной и с каждым светофором выглядел все более утомленным. Потянувшись, я взяла его за руку, ободрительно сжав ее в знак поддержки. Джио посмотрел на меня, и его слабая улыбка пронзила меня до самого сердца, сказав мне все громче любых слов. Мне очень не хотелось видеть брата таким, но говоря откровенно, мы в нем нуждались. Мы были семьей, и Гаспар ЛеРу нас обманул. Пришло время напомнить французу, что со Скарзи лучше не связываться.

— Дыши, — одними губами прошептала я, и Джио кивнул, после чего принялся снова смотреть в окно. Тоже сосредоточившись на дыхании, я наблюдала, как за стеклом проносился Манхэттен. Я смотрела на освещенные здания и фонари, вспоминая наш план. Разумеется, если бы отец не был уверен, никогда не отпустил бы нас на миссию одних, но внезапно мне подумалось, что Джио мог быть прав.

Глава 3

Выбор

Ксандер

Чек Скарзи прожигал дыру в моем кармане точно так же, как и в мыслях. У меня голове крутились десятки мыслей все время, пока я спускался на лифте до первого этажа «Железа Скарзи», забирал у службы безопасности свой шлем и шел — растерянный и взвинченный — к своему мотоциклу. К своему матовому черному GSX-R1000. К своей девушке. Нуар, как я любил ее называть.

Надев шлем, я ударил ногой по педали и под тарактенье мотора задался вопросом, где мне за тридцать дней достать пятьдесят тысяч, или как прожить до конца дней своих без вины или раскаяния за убийство. Ни один из вариантов не был проще или предпочтительней другого, но учитывая мою нищету, я уже был ходячим мертвецом...

Разве что я мог бы спастись, заключив сделку и продав душу дьяволу.

Наверное, я знал, каким будет мое решение, но мне дали три дня на раздумья. Я собирался смаковать каждую секунду своей свободы до последней, прежде чем дать Скарзи тот или иной ответ.

Обеспокоенно вздохнув, я снял мотоцикл с подножки и поехал по грунтовой дороге между старыми ржавыми погрузочными контейнерами. Даже в шлеме я уловил в воздухе ноты соли из гавани, мелькавшей слева в зазорах и чуть не ослепившей меня через лицевой щиток бликами на поверхности воды. Хоть солнце и было в зените, полосуюя по глазам яркими лучами, приближение осени было бесспорно. Чем быстрее я ехал к железному забору, тем сильнее холод щипал мои костяшки. Тогда я порадовался, что утром надел кожаную куртку, иначе по пути в магазин успел бы замерзнуть.

Полчаса спустя я доехал до «Ройса» — моей гордости и радости, к сожалению, изо дня в день все стремительней шедшей ко дну. Мне не хотелось думать, как разочаровался бы отец, более двух десятилетий назад вложивший в покупку магазина каждый накопленный цент. Расстроено покачав головой, я тяжелой рукой толкнул дверь, и в пустом устаревшем торговом зале раздался звон колокольчика. Помещение украшали лишь грязно-белые стены и выцветшие плитки на полу, уложенные в шахматном порядке. Когда-то здесь висели картины ретро-автомобилей, но я забрал их домой после того, как однажды остался ночевать в магазине, и меня попытались ограбить два панка.

Услышав перезвон, Зак — единственный сотрудник, которому я еще мог платить — выглянул из кабинета. Он улыбнулся мне, но когда я протиснулся за стойку и молча прошел мимо, почти сразу поник.

— Все хорошо, босс? — осторожно спросил Зак.

Бедный ребенок. Я постоянно подкидывал ему причины для беспокойств. Конечно, не намеренно, но от меня опаляющими волнами исходило напряжение, а он не был идиотом. Рухнув в потертое офисное кресло, я потер ладонью лицо и посмотрел на Зака.

— Да, все хорошо. Просто устал под конец недели. Пока меня не было, никто не звонил?

Покачав головой, он сел за свободный стол на противоположном конце кабинета.

— Разумеется, — сказал я. Стоило догадаться.

Если я оставлял Зака за главного, никто никогда не звонил. Черт, никто никогда не звонил, даже когда я был в «Ройсе», то есть, каждый проклятый день каждой проклятой недели. У нас и случайные посетители были редкостью, не говоря уже о назначенных встречах, вышедших из моды еще в прошлом веке. Вопреки всем моим усилиям, бизнес не развивался. Я пытался снижать и повышать цены, предлагал скидки, прибежал к маркетингу и заказал тридцатисекундный рекламный ролик, стоивший мне руки и ноги. «Ройс» не мог конкурировать с гигантами вроде Mavis и Goodyear, особенно если учесть, что располагался он в сердце Бронкса. Наше здание выглядело готовым обрушиться в любой момент.

— Тогда давай закрываться, — я встал. — Нет смысла сидеть и плевать в потолок. Все равно уже почти шесть.

— Смысл есть. Например, вдруг... — начал Зак, но я поднял руку и перебил его.

— Все хорошо, правда, — заверил я, стоя на пороге. — Даже если закроемся на два часа раньше, доходы не упадут. Зато упадут, если не закроемся.

— Я могу пойти домой, — тихо предложил Зак, прекрасно понимая, что осталось недосказанным.

Заботясь я только о деловом аспекте, уволил бы Зака давным-давно, но у меня было сердце. Для мальчика, недавно окончившего школу, он был трудолюбивым, ответственным и знал свое дело. Поэтому я платил ему минимальную зарплату и вносил в рабочий график. Для меня оставалось загадкой, почему Зак не уволился и не нашел высокооплачиваемую работу, но я был рад, что хоть кто-то верил в успех моего бизнеса и в меня самого.

— Зак, мы оба пойдем по домам. Сегодня пятница. Все равно вечером к нам никто не зайдет.

Он неохотно отодвинулся от стола и вышел из кабинета, после чего я выключил свет и запер двери. Как и в конце любого рабочего дня, Зак открыл кассовый аппарат. Но не было никакой необходимости соблюдать установленный порядок, ведь с тех пор как утром я пришел сюда, выручки практически не прибавилось.

— Что ты делаешь? — спросил я, обойдя стойку.

— Достāju наличные, — вскинул Зак взгляд, держа несколько двадцатидолларовых купюр.

— Сегодня кто-нибудь заходил?

— Только старик, которого ты упоминал с утра, — покачал он головой.

— Заказал замену масла, да?

— Да.

— Тогда я позабочусь обо всем завтра, когда приду утром. Незачем перебирать мелкие купюры. Запри кассу и заberi свои вещи.

Зак снова помедлил, и я заподозрил, что он каким-то образом связал сокращенный день с неизбежным увольнением. Я почувствовал себя подавленным. Несколькими месяцами ранее я признался ему, почему урезал его часы, и тогда же кое-что пообещал. Теперь я понял, что гарантировать Заку работу вне зависимости от обстоятельств было несправедливо и даже нечестно. Но, во-первых, мне не хотелось, чтобы он занервничал еще больше. Во-вторых, я никогда не нарушал слова. Если бы ради магазина мне пришлось продать свою последнюю рубашку, я бы продал без вопросов.

Однако когда жизнь вносит свои коррективы, красивые слова теряют вес.

— Развлекись на выходных, — приобняв Зака за плечи, я притянул его к себе и

встряхнул. — Увидимся в понедельник, договорились?

Ничего не сказал, он кивнул, и мы нога в ногу вышли на холодный августовский воздух. Пока я закрывал магазин, Зак помог мне запереть два бокса, вяло помахал и, склонив голову, направился к своей машине, засунув руки в карманы. Парень явно переживал, и у меня свело живот от чувства вины. Увы, я ничего не мог поделать, кроме как прекратить самобичевание и посмотреть Заку вслед. Оставалось надеяться, что нас ждали лучшие дни. Но я не особо на них рассчитывал.

Когда его машина исчезла из вида, я прошел за дом, где припарковал Нуар, по пути гадая, каково было бы закрыть магазин навсегда. Конечно, Зак мог бы найти другую работу. Черт возьми, я бы направил рекомендации, куда бы он ни попросил, но чем закрытие магазина было чревато лично для меня? Для мамы?

К слову, о маме...

Запрыгнув в седло, я поправил шлем и посмотрел на часы. Было почти пять, и я весь день не получал от нее вестей. Чем она занималась? Неделя прошла хорошо, и хоть мама поправлялась, но ходила еще слишком шатко, чтобы быть за нее спокойным. Я взял за привычку навещать ее как можно чаще, что она ненавидела и любила в равной мере. Конечно, мама всегда мне радовалась, просто не переносила чрезмерную опеку. Даже в минуты слабости она хотела быть самостоятельной и независимой. Да, вполне понятно, но я знал, как в действительности ограничена ее независимость. Мама годами заботилась обо мне, самоотверженно ставя меня на первое место, и теперь настал мой черед.

Она жила в четырех кварталах от магазина и примерно в десяти минутах езды от моего дома. Я решил заглянуть к ней сейчас, чтобы не возвращаться потом, когда она захочет спать. Проехав по своему обычному маршруту, я легким движением руки заглушил двигатель и прошел по мощеной дорожке, выложенной папой еще в моем детстве. Сад потерял былую яркость и пышность, но дом в стиле ранчо был добротным. Чтобы порадовать маму, я каждые несколько месяцев обновлял клумбы и делал прочие мелкие дела.

Достав ключ, я открыл синюю дверь и, шагнув в дом своего детства, по привычке скинул ботинки. «Никакой обуви в доме» — обязательное правило, которое потом распространилось и на мою квартиру.

— Мама, — позвал я, проходя в спальню через гостиную и кухню.

Все было как раньше, начиная с потертого паркета, закачивая устаревшими цветочными орнаментами на обоях. Кухня с желтыми стенами, древними приборами, темными шкапами и оригинальным декором наводила на мысли о пятидесятых. В былые времена, когда магазин еще приносил прибыль, я предлагал отремонтировать несколько комнат, но мама отказалась, объяснив тем, что вещи хранили воспоминания, с которыми она не готова была расстаться. Я не стал на нее давить. В конце концов, если ей хотелось сбечь воспоминания о моем отце, я бы только помог.

Маму я нашел читавшей книгу в отцовском кресле-шезлонге, которое она недавно попросила перенести в спальню, объяснив тем, что сидеть веселее, чем лежать. Прислонившись к косяку, я скрестил руки на груди, и мама удивленно вскинула на меня взгляд добрых карих глаз.

— Что читаем? — любопытствовал я, заметив, как быстро она закрыла книгу.

— О, ничего. Просто, гм, роман, — мама покраснела и спрятала книгу между своим бедром и подлокотником.

— Роман, значит? — тихо посмеиваясь, пошевелил я бровями. — Больше похоже, что

ты по самые уши увязла в какой-то очень грязной любовной истории.

— Ксандер Ройс! — закричала она, и я поднял руки, изображая раскаяние, но не скрывая веселья. — Что ты здесь делаешь? Еще только четыре тридцать.

— Сокращенный день, — как можно беспечнее пожал я плечами. — Как твое самочувствие?

— Немного устала, но прекрасно справляюсь. На плите чили, если решишь остаться на ужин.

— Я уже уловил аппетитный запах, — от одной лишь мысли о мамином чили у меня заурчало в животе. — Умоляю, скажи, что он почти готов? Умираю с голода.

— Будет готов с минуты на минуту. Осталось еще разок его помешать и отварить рис. Я так увлеклась книгой, что совершенно забыла про гарнир. Дай мне несколько минут, и я...

— Я все сделаю, — пройдя в комнату, я поцеловал маму в полную щеку и вернулся на кухню.

В последнее время поиск рисоварки или любой другой утвари стал миссией не из легких. Почти каждый месяц или чаще вещи оказывались на новых местах. Нет, мама не сходила с ума. Просто она скучала, что заканчивалось вечными перестановками всего подряд. К счастью, мебель и прочие тяжелые предметы остались на своих местах, но я вечно боялся, что мама переутомится. Я не мог присматривать за ней днем, и она отказалась от визитов медсестры. Так что я ничего не мог поделать. Я поставил себе галочку купить кое-какие вещи, которые могли бы занять маму без риска для здоровья. Книги и кроссворды, клубки шерсти для ее коробки с вязанием, возможно, наборы для вышивки.

Пять минут спустя я нашел рисоварку, включил ее и искал в кладовой рис, когда на кухню вошла мама.

— Верхняя полка слева, — беспечно подсказала она.

Я посмотрел вверх и, конечно, нашел искомое. У меня перекувыркнулся желудок. Поежившись, я взял пачку и закрыл за собой дверь.

— Как рис оказался там?

— Его туда положили.

— Как именно, мама? Я точно знаю, что ты слишком низкая, чтобы дотянуться до полки, поэтому до сих пор на ней стояли только сезонные заготовки и корзины.

— В гости заглянула Шелли с нашей улицы и помогла мне переставить вещи, — не глядя на меня, мама открыла кран и брызнула на губку немного жидкого мыла.

— Я знаю, как предусмотрительна Шелли, и вряд ли она вообще в курсе. Очень надеюсь, что ты не вставала на табуретку.

— Конечно, нет... — на секунду мама затихла, энергично оттирая несчастное пятнышко на тарелке. — Я взяла стремянку.

Милостивый Боже.

Я хотел рассмеяться над будничным выражением ее лица, но в то же время от ее признания у меня в горле застыл вдох.

— Ты не...

— Да.

— Мама, ты не можешь, — осторожно упрекнул я и каким-то чудом обнаружил мерный стаканчик на прежнем месте в шкафу.

— Конечно, могу. Ксандер, я поднялась всего-то на две ступеньки. Я дееспособна и, кроме того, небольшая разминка лишней не бывает.

— Ты не должна заниматься спортом и напрягаться. Доктор Гарднер велел тебе отдыхать после последнего...

— Да, я в курсе, — огрызнулась мама и, закрыв кран ударом ладони, выключила воду. — Мне пятьдесят, а не девяносто пять, и я отказываюсь валяться овощем.

— Мама, я и не прошу тебя лежать весь день, но ты сама знаешь, что перенапрягаться во время приема лекарств — не лучшая идея. Иногда ты бываешь хрупкой...и вдруг снова что-нибудь случиться? Я не хочу рисковать.

Между нами повисла напряженная тишина, которую я бы даже назвал оглушительной. Мама была упряма, неизменно и до крайности, но я не имел права сердиться, раз уж характером пошел в нее. Как бы то ни было, мною тут же завладело разочарование. Мама знала, почему доктор велел ей ограничить физическую активность. И знала, что я избегал разговоров о смерти, делавших страшный диагноз еще более реальным. Ударился ли я в отрицание? Нет. Я знал, что рак был настоящим, за шесть коротких месяцев перечеркнувшим десятилетия жизни. Мама могла никогда не повеселиться на моей свадьбе, не подержать на руках внуков и правнуков. Понимание было болезненным, но сроки — вот с чем я не мог смириться. Доктор Гарднер дал ей два года — ничтожно мало. И никаких гарантий. Мама могла умереть раньше или превзойти ожидания, но нам рекомендовали готовиться к худшему.

— Ксандер, конец неизбежен, — тихо сказала она, будто прочитав мои мысли. — Все мы рано или поздно уйдем, сынок.

— Знаю... — склонив голову, я крепко зажмурился, стараясь стереть из разума нежелательные картины, — ...но химиотерапия помогла, и новые лекарства тоже, не считая небольших побочных эффектов. Значит, я смогу побыть с тобой еще немного. Звучит эгоистично, но я не готов тебя отпустить.

— К такому невозможно подготовиться, — протянув руку, мама прижала ладонь к моей щеке и приподняла мне голову. — Мы никогда не будем готовы потерять любимых. Мы — люди, а люди не так устроены. Нам нужно смириться, что одних забирают раньше других. Мне пришлось смириться со смертью твоего папы, хоть и было сложно. От меня ничего не зависело.

— Пожалуйста, только не сейчас, — прошептал я, накрыв ее ладонь своей. Я тоже нелегко пережил потерю отца, но в те времена был еще ребенком. У меня осталась мама, и вся жизнь была впереди... — Хотя бы еще чуть-чуть.

— Я пока никуда не уйду, — слабо улыбнулась она. — Я чувствую себя хорошо и с каждым днем становлюсь сильнее. Кто знает, вдруг я всех удивлю и проживу еще пять лет?

— Очень на это надеюсь, — но я знал, как быстро летят годы, и у меня сжалось сердце. Хотя пять лучше двух.

— Я не сдамся, Ксандер. Твоя мама сильная. Я боец и таким же вырастила тебя. Теперь я собираюсь надрать раку зад и дожить до появления хотя бы одного внука.

— Тогда завязывай со стремянками и табуретками, — тихо рассмеявшись, я притянул маму в объятия и прижал к себе так крепко, будто она могла исчезнуть в любой момент. — Прибереги силы для борьбы, договорились?

— Хорошо, — кивнула мама у моей груди и погладила меня по спине. — Хватит о грустном. Так с чем мы будем чили?

— С рисом, мам, — напомнил я.

— Как насчет того, чтобы заменить его кукурузными лепешками, сыром и сметаной?

Знаешь, вроде супа тако? — мама посмотрела на меня, приподняв бровь.

— Звучит отлично.

В конце концов, она была моей мамой. Не той, которая болела раком и увядала у меня на глазах. Просто мамой. Мамой, несколько раз в неделю кормившей меня ужином. Любившей меня, даже когда я падал на самое дно. Не подозревавшей, что я должен был принять судьбоносное решение, по сути, не имея вариантов. Мамой, ожидавшей, что сын ее переживет...в чем я не был уверен. Я не знал, как поступить, зато знал, что должен был выбраться из переплета живым. Если не ради себя, то ради мамы. Моей мамы.

Глава 4

Операция «ЛеРу»

Иден

— Я никогда не смогу попасть в цель с этого дерева даже из снайперской винтовки, — вытянув шею, я запрокинула голову и снова осмотрела дуб, которому было несколько десятилетий. — Мне нужно на крышу.

— И как, черт возьми, ты собираешься туда попасть, Иден? Мы не можем просто открыть ворота и пойти по своим делам, — прислонившись к одному из толстых стволов, Маттео скрестил на груди татуированные руки.

После отъезда из офиса он не переставал ворчать, и я уже начала уставать от его словесного поноса. Скорее всего, вы уже решили, что мы с ним постоянно ссорились. Да, в некотором роде. Мы с Маттео часто сталкивались лбами, но так было не всегда. Хотите верьте, хотите нет, в былые времена он поддерживал меня во всем. Только когда Маттео начал трахать все, что дышит, наши теплые отношения сошли на «нет».

— Тебя никто не спрашивает, Маттео, — закатила я глаза. — Закрой рот.

— Заставь меня, — с рычанием шагнул он ко мне, но Алессио перехватил его и бросил на нас злобный предупреждающий взгляд.

— Нам нужен отвлекающий маневр. Приманить охранников к воротам, чтобы Лепесток перебралась через забор и пробежала по газону, — сказал Джио с земли, где сидел, затягиваясь своей отвратительной сигаретой.

— Я согласен насчет отвлекающего маневра, но она не может пойти туда одна, — покачал головой Алессио, расставив ноги шире. — Ветер не станет проблемой, но для стрельбы все равно нужна настройка.

— Ты прав, — согласилась я. — Каждый выстрел должен попасть в цель, иначе мы никогда не выберемся оттуда.

Маттео кивнул, Джио тоже под капюшоном толстовки, и Алессио задумчиво потер подбородок.

— У меня идея, — он достал из кармана сотовый и, несколько раз проведя пальцами по экрану, поднес трубку к уху. Пока он ждал ответа, я заинтересованно выгнула брови. — Брат.

После первого же слова я поняла, кому звонил Алессио. Мое сердце дико заколотилось, угрожая в любой момент лишить меня самообладания, как и всякий раз, когда он при мне говорил с Лукой. Глубоко дыша и преодолевая маленькую паническую атаку, я практически слышала смех Джио и чувствовала его веселье. К счастью, он не сказал ни слова и, поднявшись с земли, подошел ко мне. Джио встал рядом и обнял меня за плечи для моральной поддержки. Он единственный знал о моей маленькой грязной тайне, и я хотела, чтобы так было и впредь.

— Честно говоря, я припозднился. Кажется, мы не учли кое-какие детали нашей вылазки, и мне нужна твоя помощь.

Боже, пожалуйста, нет.

— ЛеРу...да...тот самый. Нет, мне просто нужен отвлекающий маневр, чтобы мы с Иден могли подняться на крышу, — Алессио слушал — ладно, слушали все мы — после чего

продолжил. — Да, отлично. Мы пока приготовимся. Буду должен, брат, — поспешно попросившись, Алессио сбросил вызов и вернул телефон на его законное место. — Итак, новый план, — посмотрев поочередно на нас троих, он потер руки. — Лука сейчас с Арло, Камилло и остальным парнями. Примерно через двадцать минут они проедут мимо и обстреляют ворота, что и послужит отвлекающим маневром.

— Но разве ЛеРу не настороже? — почти сразу засомневался Маттео.

— Нет, охранники отвлекутся на происходящее за воротами, дав нам с Иден время пробраться на крышу. Численность сторожевых псов Гаспара сократится, и пока половина будет разгребать бардак, Лепесток из пистолета с глушителем легко обезвредит остальных.

Алессио не ошибся. Мне было ненавистно, что он впутал в нашу операцию Равенна, но без их помощи мы бы не осуществили наш план. Тем более, эти ребята знали свое дело. Марчелло Равенна баловался теми же делишками, что и наш папочка, поэтому натренировал своих детей и племянников не хуже, чем нас. Разве что их учили самообороне, в то время как нас...ну, вы поняли.

— Должно сработать, — сказала я, — но нужно приступать немедленно. Время поджимает, и мы можем занять позиции, не дожидаясь Луки.

Прекрасно понимая, что делаем, мы с братьями разбились на пары и взобрались на деревья возле серой каменной стены. Мы ждали и ждали, пока двадцать минут спустя я не услышала громкий визг шин, и к дому на высокой скорости не свернуло несколько машин. Даже сквозь завесу густых крон я отрывочно видела большие ворота поместья и охранников, теперь в полной боеготовности осматривавших улицу. Некоторые даже выбежали из поместья с оружием наголо. Они знали, что угроза уже нависла над ними.

Но не подозревали, что ею были мы.

Прогремели первые выстрелы, и как только в поле зрения появилась черная «avalanche» Камилло, из нее посыпались градом пули. Мы сорвались с места.

— Вперед, вперед, вперед, — подгонял Алессио у меня за спиной. Отработанными движениями мы перебирались с ветки на ветку, и вскоре высокая стена оказалась прямо перед нами.

Когда он сообщил, что путь чист, я выдохнула и, прыгнув вниз, приземлилась в полуприседе. Алессио не отставал. Вместе мы упали на траву и по-пластунски проползли к кустарникам, ставшим нам укрытием. Пока мы издали наблюдали за начавшимся безумием, от знакомого волнения в моих венах вскипела кровь. Выстрелы грохотали, как салюты на День независимости, но вскоре стихли бы и они. Нужно было скорее браться за дело. Быстро переглянувшись, мы с Алессио кивнули друг другу и бросились бежать по территории имени, по пути высматривая малейшее движение.

Добравшись до затененного края сада, мы прижались спинами к кирпичной стене.

— Ты первая, Лепесток, — велел Алессио, пытаясь отдышаться. — Хочу, чтобы ты была наверху, если здесь разверзнется ад.

Даже оставаясь вне его поля зрения, я кивнула и наблюдала, как он ловко закинул рейферный крюк. Характерный металлический стук означал, что зубцы зацепились за широкие перила балкона над нами. Я и глазом моргнуть не успела, как на мне закрепили свободный конец веревки. Вскинув взгляд, я потянула за толстую черную веревку, проверяя, надежно ли она закреплена, и когда крюк не сдвинулся с места, выдохнула от облегчения. Хоть я и не имела ничего против восхождений, но они были сильной стороной Алессио, не моей. Я предпочитала лестницы. Очевидно, здесь у меня не осталось выбора.

— Держись обеими руками, — напомнил брат. — Медленно перебирай ногами и не отпускай.

И снова я кивнула, привстав на выступ и поднявшись над землей. Сам подъем был простым. Вернее, проще, чем мог быть под таким углом, но лишь пока я не добралась до балкона. Веревка заканчивалась, над моей головой замаячил крюк, и у меня не оставалось выбора, кроме как забраться на перила. Я без проблем ухватилась за них, но у меня соскальзывали руки.

— Черт, — прошипела я, вцепившись в белый камень так крепко, что побелели костяшки.

Тут же словно наяву услышала я голос папы, посоветовавший не паниковать и описавший мои следующие шаги. Алессио очень старался помочь, едва слышимо говоря со мной. Но я решила сосредоточиться на папином голосе. Подтянуться я не могла и просто висела, значит, мне нужен был своего рода толчок вверх. И было не так много способов это сделать.

«Терять нечего».

Глубоко вдохнув, я взмахнула ногой и, приложив максимум сил, закинула ее на перила. Я спрыгнула на каменный пол, и по моему лицу расплылась широкая триумфальная улыбка. Будь папочка здесь, он бы мной гордился, и я пару раз вильнула задом в быстром победном танце. Отвязав с талии веревку, закрепленную Алессио на добротный узел, я сбросила ее вниз, где он ждал двумя этажами ниже. Прошло не больше минуты, как за перилами появился темный силуэт моего брата, с легкостью подтянувшегося и перепрыгнувшего через них. Как я и говорила, опытный грейфер. Почему-то в исполнении Алессио трюк казался простым, хотя на деле таковым не был.

— Выпендрейник, — прошептала я, пока он откреплял крюк и наматывал веревку на руку.

Все, что я получила в ответ — широкую улыбку. Да такую, что при виде нее чуть не ахнула. Алессио никогда не улыбался. Точнее, улыбался, но скупно и далеко не каждый день. Даже простой изгиб губ был для него редкостью. Я бы соврала, сказав, что не скучала по его улыбкам. Потому что да, мне их очень не хватало. В детстве я вила из Алессио веревки. В те времена он смотрел на меня с лучезарной мальчишеской улыбкой, словно в моей власти было остановить планету и заново заставить ее вращаться. В свою очередь, я считала, что он сделает то же самое для меня. Когда я не цеплялась за папу, цеплялась за Алессио. Шли годы, папа раскрыл реалии семейного бизнеса, и мой брат повзрослел, но не в лучшем смысле слова. Свет, раньше ярко пылавший в нем, постепенно угасал, и когда я подросла достаточно, чтобы понять причины, от Алессио осталась только затвердевшая оболочка с почерневшим сердцем.

— Готова? — прорвался сквозь воспоминания голос Алессио.

— Да, — тихо отозвалась я, поняв по выражению его лица, что он вернулся к своей норме.

Бесчувственный.

Отстраненный.

Замкнутый.

Еще минут пять у нас ушло на то, чтобы подняться по округлому навесу балкона на крышу и присесть за декоративными перилами, украшавшими фронт здания. Увидев, что творилось под нами, я чуть не открыла рот. Мини-зона боевых действий, благодаря Луке и

его кузенам. Газон усеивали тела. Во дворе повисла жуткая тишина, нарушаемая лишь обычными шумами города и редкими вскриками охранников. Чего не понимали уцелевшие, так это того, что сами были в пяти минутах от падения на землю. Благодаря твердой руке, зоркому глазу и глушителю я завалила последних пятерых, слушая доносившиеся из-за спины четкие указания Алессио. Когда последний охранник повалился на землю и обмяк, мы замерли на холоде ночи и ждали, что из дома выбежит подкрепление, но нет. Вероятно, потому что остальным приказали при любом раскладе оставаться возле ЛеРу. Как бы то ни было, даже самые натренированные телохранители не шли ни в какое сравнение с моей семьей.

Мы с Алессио благополучно спустились на землю, где нас уже ждали братья. Я тут же посмотрела на Джо, выглядевшего готовым схватить меня и никогда не отпускать. В чем ничуть он не отличался от остальных братьев. Конечно, у нас частенько возникали разногласия, но я была их младшей сестренкой, и как бы они ни отрицали, все равно волновались, если мне приходилось пачкать руки. Пока Алессио и Маттео кратко обнялись и похлопали друг друга по спине в типичном мужском жесте «отлично сработано, брат», Джо подошел ко мне и притянул меня в свои руки.

— Ты надрала всем зад, Лепесток, — прошептал он, чуть не раздавив меня, и поцеловал в макушку.

— Спасибо, Джо, — улыбнулась я, сжав в кулаках футболку у него на спине.

— Мы готовы? — спросил Маттео, вынудив меня оторваться от Джо и сосредоточиться на следующем этапе операции.

К счастью, первый этап прошел без инцидентов. Теперь нам осталось проникнуть в дом, отключить систему видеонаблюдения и окончательно покончить с французом.

Взлом и проникновение через черный ход были коронным номером Маттео, и все вышло проще, чем я ожидала. А чего же я ожидала? Я и сама не знала. Возможно, что стоит нам открыть двери, как взвоят сирена. Или что на нас набросится свора охранников. Нет, ничего подобного, но когда мы проскользнули в библиотеку возле просторной гостиной, мое нутро снова скрутило от животного страха. Усилием воли я совладала с эмоциями, не имея времени на лишние чувства. Мне нужно было мыслить здраво. ЛеРу не сдался бы без боя, и мы должны были приготовиться к козырям в его рукавах. Даже если до сих пор он не знал о нашем присутствии, конечно, догадался бы в ту же секунду, как Джо отключил бы камеры.

Библиотека Гаспара была классической, декорированной в разных оттенках темно-оранжевого цвета и золота. Интерьером она напоминала старые отели и гостиницы где-нибудь в сельской местности, предлагающие комплекс «номер и завтрак». Вдоль стен от пола до потолка тянулись книжные стеллажи, не считая одной, завешанной мониторами, где уже усердно трудился Джо. Я с любопытством прошлась по комнате, водя пальцем в перчатке по корешкам сотен книг. Уильям Шекспир, Оскар Уайльд, Дафна Дюморье, Шарлотта Бронте, Чарльз Диккенс... и прочие, бывшие также в нашей семейной библиотеке. Я прекрасно помнила, как в детстве пробиралась туда, потому что папочка любил растянуться на диване и читать до поздней ночи. Я частенько забиралась к нему на колени, и он читал мне вслух, тем самым убаюкивая, даже если история была не лучшей сказкой на ночь.

Дойдя до последнего стеллажа, я улыбнулась воспоминаниям и посмотрела на своих братьев, рассредоточившихся по библиотеке. Алессио стоял на страже у двери, как охранник у ворот Букингемского дворца, Маттео сидел на старинном стуле по центру комнаты, листая

книгу, пока Джио по-прежнему колдовал над системой видеонаблюдения. Приблизившись к мониторам, я обратила внимание на пустые пивные банки, смятые пакеты из-под чипсов и грязные салфетки, разбросанные по всему столу возле инструментов. Охранники ЛеРу были преданны своему делу, куда уж очевиднее.

— Они не знают, что такое мусорное ведро? — я с отвращением сморщила нос.

— Похоже, нет, — скучающе протянул Маттео. — Но ты-то знаешь. Иден, почему бы тебе не помочь ребятам и не заняться уборкой?

— Заткнись, — процедила я, бросив пустую банку ему в голову. Она срикошетила и упала к его ногам на коврик со сложным мелким рисунком.

— Иден, какого хрена?

— Ты еще легко отделался. Скажи спасибо, что у меня под рукой не было чего потяжелее.

— Да, да, конечно. Лает, но не кусает.

— Bravo, старший брат. Я рада, что ты не стесняешься характеризовать себя.

— Что ты хочешь сказать? Что я сла...

— Упаси Господь, мне еще раз придется затыкать вас, — прорычал Алессио, и в комнате снова воцарилась тишина.

Я бы поспорила с ним, если бы выражение его лица не было в точности, как у папы.

— Итак... — объявил Джио, привлекая наше внимание. Пару секунд спустя все мониторы одновременно отключились, и он выбрался из-под стола. — Сделано.

— Впечатляет, братишка. Думаю, сегодня ты установил рекорд, — похвалил Алессио.

Джио лишь улыбнулся, начав собирать свои инструменты. И улыбнулся он не мило. Фирменная дерзкая ухмылка Скарзи, знакомая мне слишком хорошо. Та самая, которую я много раз видела в зеркале.

— Мы готовы? — сжав плечо Джио, я направила к Алессио и пересекла библиотеку.

Кивнув, он прижал палец к губам, жестом приказывая молчать. Алессио отпер дверь и, приоткрыв ее, выглянул в коридор. Через узкий зазор я видела, что там по-прежнему было темно и устрашающе тихо.

— Путь чист. Мы должны быть максимально осторожными и бдительными. Если наверху у Гаспара были камеры, все охранники в доме только и ждут нашего появления с тех самых пор, как Джио отключил систему. По словам моего осведомителя, ЛеРу проводит много времени в своем кабинете...

— А его кабинет прямо над нами, — закончил Джио фразу Алессио, и тот кивнул в знак согласия.

— Именно, брат. Мы должны быть готовы абсолютно ко всему.

— Мы и будем готовы, но нам надо поспешить и не убирать оружие далеко. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, — добавила я, щелкнув затвором одного из своих пистолетов.

Братья последовали моему примеру. Алессио переглянулся с нами напоследок и вышел в коридор. Убедившись, что в поле зрения нет ни души, он кивком позвал нас за собой.

Мы тихо крались по дому, минуя просторную гостиную, кухню и столовую для официальных приемов, до двойной лестницы с фронта. Я шла последней, чтобы на нас не напали сзади, и каждые несколько секунд оборачивалась, твердо сжимая приклад. Добравшись до верхней ступени, мы пошли вдоль стены, и Алессио заглянул за угол, после чего поднял два пальца, жестом сообщив, что путь чист.

Не считая того, что чист он не был...

Не сделали мы и трех шагов к кабинету ЛеРу, как в коридор хлынула толпа из десятка охранников, и ад вырвался на свободу. Не было времени ни думать, ни искать укрытие. Стреляй или умри. Мимоходом я заметила, что Маттео встал предо мной, и Алессио попятился, прикрывая Джио. Тридцать секунд, и шестеро охранников упали на пол. У меня заходило сердце, видение размылось по краям, и я сосредоточилась исключительно на оставшихся четырех мужчинах, угрожавших моей семье, пока не услышала это...

От воя у меня за спиной мой палец замер на курке, и в голове взвыла тревожная сирена. Я резко повернулась в направлении звука и чуть не упала от ужасающей сцены.

Мой брат.

На полу.

С ужасающей скоростью терял кровь вместе с жизнью.

— Джио! — закричала я во власти страха, холодной волной прокатившегося по спине и пронявшего меня до костей.

— Лепесток, не отвлекайся! — крикнул Алессио, встав перед Джио прямо на линии огня с яростью на лице и без капли страха.

А потом у меня на глазах подстрелили и второго моего брата.

Округлив глаза, Алессио приоткрыл рот от мучительной боли и осел на колени около Джио, все еще вывшего в муках. От вида раненых братьев на мои глаза навернулись слезы, но как бы я ни хотела прийти им на помощь, вспомнила о Маттео. Я не могла допустить, чтобы подстрелили еще и его.

Выхватив из набедренной кобуры второй пистолет, я бросилась прямо в гущу боя, стреляя по-македонски. Маттео удалось сбить с ног одного из охранников, перед тем как я одним...двумя...тремя прицельными выстрелами ликвидировала еще троих.

— Не смейте, — процедил Алессио сквозь стиснутые зубы, едва мы с Маттео шагнули к нему. — Идите. Достаньте. ЛеРу. Я перевяжу Джио.

— Мы не оставим вас, — рявкнул Маттео.

— Нет, оставите, потому что мы не можем бросить Джио. Вы вдвоем более чем способны прикончить французского выродка и без нашей помощи.

— Алессио, — взмолилась я, едва сдерживая рвотный позыв при мысли о том, чтобы бросить братьев.

— Никаких «Алессио», Иден! Вы с Маттео уходите, сейчас же! — взревел он. Не успела я запротестовать, как Маттео схватил меня за руку и решительно потащил в конец коридора.

— Итак, наш план. Выбиваем двери и стреляем. Просто нахрен стреляем. В кого-нибудь да попадем, слышишь меня?

Было непривычно видеть, как Маттео принимал решения в отношении наших семейных «дел», но стоило мне посмотреть на него и увидеть ярость в его глазах, как все встало на свои места. Неважно, одобрял ли он то, что делал папочка в обход закона, поскольку сейчас речь зашла о нашей семье, двое из которой были ранены...

И никто не смел трогать нашу семью.

У дверей кабинета мы решительно переглянулись и, вместе распахнув их ударом ноги, нацелили пистолеты в противоположных направлениях.

Но там никого не было.

Ни Гаспара.

Ни охранников.

Никого.

Окно позади стола было распахнуто настежь, и белые занавески развевались на внезапно налетевшем ветру.

— Какого черта? — закричал Маттео.

Подбежав к окну, я выглянула наружу, но не обнаружила ничего, кроме темного звездного неба и тишины ночи...

Глава 5

Как в дурмане

Ксандер

Единственным преимуществом отсутствия спроса было то, что утомление и тревога не влияли на мою работу. Из недостатков — кроме очевидного денежного аспекта — у меня появилось слишком много свободного времени на размышления и анализ каждого аспекта своей жизни. Недолгий сон и неприличное количество кофе тоже не пошли на пользу. Мой разум был перегружен. Думать я мог лишь о том, что прошло уже двадцать четыре часа со встречи с Скарзи, но я так ничего и не надумал. Хотел я того или нет, должен был принять решение, и все потому, что искал помощи.

В надежде сменить направление мыслей я открыл спортивную колонку в газете и, поднеся кружку к губам, глотнул очередной чертовой порции черного кофе, только чтобы с отвращением ее выплюнуть. Он остыл. Снова. Конечно, ведь я подогревал эту несчастную кружку в микроволновке раза четыре, что весьма отразилось на вкусе. Поднявшись с табурета, я прошел в заднюю комнату и вылил кофе в раковину, наблюдая, как гуща в водовороте жижи стекала к сливу, словно грязный смертоносный торнадо. Только я собирался заварить новую порцию, как у меня заурчало в животе. Лишь тогда я вспомнил, что после вчерашнего ужина с мамой ничего не ел. Конечно же, в холодильнике было пусто, но я все равно решил взглянуть, не найду ли каким-нибудь чудом перекус, чтобы продержаться до закрытия магазина и возвращения домой.

Сливки для кофе.

Наполовину съеденный сэндвич Зака трехдневной давности.

Три банки «Пепси».

Шарик из фольги.

Две заплесневелые клубники...

Как и я говорил, пусто.

Вдалеке зазвонил мой сотовый, резко поставив точку в поисках способа утолить голод. Со вздохом я выбросил подгнившие ягоды в мусорное ведро, быстро ополоснул кофейник и подошел к телефону, чтобы ответить на звонок. Номер на экране не был мне знаком. Скорее всего, очередной коллектор надеялся заставить меня заплатить часть денег, которые я задолжал многим компаниям.

«Придурки», — подумал я как раз, когда сотовый затих, но в тот же миг затрезвонил рабочий телефон магазина.

— «Авто Ройса», с вами говорит Ксандер. Чем могу помочь? — бодро ответил я.

— Ксандер, милый, это Нэнси.

— Здравствуйте, миссис Хендрикс, — улыбнулся я, опустившись на табурет. — Чем могу вам помочь?

— Не знаю, как сказать тебе, но машина скорой помощи только что увезла твою маму в медицинский центр Линкольна.

— Что? — мои глаза едва не выскочили из орбит, сердце чуть не остановилось. — С ней все в порядке?

— Состояние стабильное, это я точно знаю.

Не совсем то, что я хотел услышать, но уж лучше стабильное состояние, чем его альтернатива.

— Что случилось? — спросил я, сжав переносицу и пытаясь подавить моментально всколыхнувшийся страх.

— Ну, я приехала на обед, как мы с ней договаривались, и поначалу все шло прекрасно. Но через некоторое время я заметила, что твоя мама задыхалась тяжелее обычного. Я сразу помогла ей прилечь и дала кислородную маску, но лучше не становилось. Я просто не смогла уйти, и что-то показалось мне...неправильным.

— Я очень благодарен вам, миссис Хендрикс, — у меня задрожал голос. — Удивительно, что она вообще позволила вам что-то для нее сделать. Вы же ее знаете.

— О, поверь мне, знаю. Твоя мама отказалась вызвать скорую, но интуиция никогда меня не подводила, поэтому я все равно сделала по-своему. К счастью, я не стала затягивать, потому что когда врачи прибыли замерить ее давление, оно било через край, и если бы мы подождали еще немного, ситуация могла стать фатальной.

Меня чуть не стошнило каждой каплей кофе, выпитой мной с самого пробуждения на рассвете. Все было как в тот раз, когда маму положили в больницу.

— Вы сказали, что ее увезли в госпиталь Линкольна? — прокаркал я, посмотрев на часы в углу монитора.

— Да, милый. Они уже должны вот-вот туда прибыть. Я сейчас поеду к ней. Знаю, ты работаешь, но не беспокойся, я буду держать тебя в курсе. Не сомневаюсь, все будет замечательно.

— Вы не обязаны тоже ехать в больницу, — сказал я, обогнув стойку и направившись к парадной двери. — Я уже выхожу. Спасибо, что побыли с мамой. Знаю, воевать с ней, разозленной и упрямой — не лучший способ провести день.

— Без проблем, милый, — тихо рассмеялась Нэнси. — Ты же знаешь, я нежно люблю твою маму, в каком бы настроении она ни была.

— Прошу прощения, — крикнул я через плечо по пути к отделению неотложной помощи, буквально прорвавшись на полной скорости через группу медсестер.

Меня тошнило, я был в холодном поту и морально не готов столкнуться со штормом, разразившимся за последние полчаса. Почему снова? Почему жизнь упорно пыталась отнять у меня все? Что за тридцать лет своей жизни я сделал такого ужасного, чтобы меня снова и снова забивали камнями? Знаю, знаю, вам, скорее всего, хочется накричать на меня и убедить, что мама заболела не по моей вине. Да, понимаю, но я не мог не задаваться вопросами.

«По крайней мере, она еще жива», — оптимистично заявил тихий голосок у меня в голове, напоминая, что даже посреди шторма боли был лучик света. За сегодняшний лучик я должен был поблагодарить миссис Хендрикс. Если бы не она, я бы, скорее всего, зашел навестить маму после работы и нашел ее мертвой. Болезненная мысль? Возможно. Такова суть чудовища, которое мы зовем реальностью.

Я знал Нэнси, сколько себя помнил. Она жила в трех домах от нас и много раз оставалась посидеть со мной, если родителям требовалась помощь. Святая женщина, очень

любящая, щедрая, и когда в начале прошлого года я рассказал о маминном диагнозе, она довольно тяжело восприняла новости. Также миссис Хендрикс пообещала нам помогать всем, чем сможет. Что сегодня и сделала.

«Я пока никуда не уйду. Я чувствую себя хорошо и с каждым днем становлюсь сильнее. Кто знает, вдруг я всех удивлю и проживу еще пять лет?»

Машинально шагая по больничным коридорам, я тряхнул головой, пытаюсь выбросить из нее вчерашние слова мамы. С тех пор как я вышел из магазина, снова и снова вспоминал их, пока они не начали меня изматывать. Глаза жгло, но я сдержал слезы, заставив себя быть сильным, даже если боялся сломаться в любой момент. Мне лишь нужно было увидеть маму собственными глазами и узнать, сколько времени у нее осталось. Насколько ужасно считать дни, отмерянные своей матери? Рак был той еще тварью, не бравшей пленных и не знавшей пощады. Да. Мучения — несправедливые и совершенно изнуряющие — были угнетающим витком спирали, успевшей стать моей жизнью. Я к ней привык и в некоторой степени даже смирился. Но все равно пытался изменить все, что только мог. И что было в моих силах.

Добравшись до входа в отделение неотложной помощи, я обратил внимание на приемную слева от меня. Если точнее, на голос, при звуке которого остановился так резко, что начищенный пол скрипнул под моими подошвами.

Скарзи.

Я бы где угодно узнал его грохочущий баритон. Один вид этого человека, стоявшего в двадцати шагах от меня, нервировал во всех отношениях. Я избегал его, словно чумы, и оттягивал нашу неизбежную встречу, но именно он стал первым, встретившимся мне в момент, неудачнее которого не придумаешь. Я прошел вдоль стены, чтобы меня не заметили — поскольку Господь свидетель, со Скарзи случилось бы потребовать ответа немедленно — и посмотрел на него. Он сидел между татуированным парнем и миниатюрной блондинкой. Даже издали было видно, что лицо Винсента искажилось от беспокойства, окружавшего его ореолом и почему-то соответствовавшего моему состоянию. Я задался вопросом, что привело сюда Скарзи, поскольку доброй стороне меня было ненавистно видеть чужие страдания, но чем дальше я смотрел на него, тем острее понимал, что он не заслуживал сочувствия. Винсент Скарзи не заслуживал ни доброты, ни, конечно, жалости.

Укрепив решимость, я влетел в отделение неотложной помощи, молясь всем счастливым звездам, какие у меня были — если еще осталась хоть одна — больше не сталкиваться со Скарзи. По крайней мере, пока не увижусь с мамой.

— Здравствуйте, — запыхавшись, обратился я к медсестре средних лет за стойкой регистрации. — Мою маму привезли к вам на машине скорой помощи. Она уже прибыла?

Хоть я и проскочил в обход трех человек в очереди, женщина улыбнулась и повернулась к своему компьютеру.

— Как зовут вашу маму?

— Карла Ройс.

— Привезли минут десять назад, — кивнула она, пощелкав по клавиатуре. — Из-за тяжелого состояния и высокого давления ее сразу же увезли в отделение. Пока мы разговариваем, наши специалисты проводят обследования, поэтому, к сожалению, вам придется поехать домой, но как только ее переведут в палату, я сразу же вас вызову.

— И здесь нет ни приемной, ни какого-нибудь другого места, где можно подождать? — встревожился я, ничего не желая сильнее, чем быть ближе к маме, даже если не знал, где она.

— Боюсь, дальше вам не пройти, мистер Ройс, — серьезно заявила медсестра. — У нас есть приемная, но я не могу пустить вас в отделение, пока вашу маму официально не госпитализировали. Обещаю, как только меня уведомят, я лично провожу вас к вашей маме.

Мне невыносимо хотелось возражать и настаивать, но это было бессмысленно. Медсестра всего лишь следовала правилам, придуманным не ею. Так уж было заведено, и я не мог винить ее за то, что она делала свою работу. От горя и тревоги у меня потяжелело на сердце, но все же я поблагодарил добрую женщину со всей возможной искренностью и отправился на поиски свободного места, чтобы сходить с ума и молиться о чуде.

Глава 6

Первосортный ублюдок

Иден

Выпрыгнув из машины мистера Равенны, я со всей возможной скоростью побежала к дверям папиной работы. Джио мчался за мной, пытаясь обогнать меня, но я была быстрее. Что он ненавидел. Ненавидел, что я была быстрее него — мальчика — ведь они считают себя самыми быстрыми. Но не всегда. Иногда встречаются девочки вроде меня, супер-пупер быстрые. По мнению Алесслио, все потому, что я — Скарзи, а Скарзи лучшие во всем. Папочка же считал, что я просто особенная маленькая девочка.

Забежав в большое белое здание, я дала пять охранникам, улыбавшимся мне искренне и широко, после чего еще быстрее побежала к лифту.

— Первая! — завопила я и, большим пальцем нажав на кнопку с большой белой стрелкой, обернулась.

— Так не честно, Лепесток, — проворчал Джио, скрестив руки на груди. — Ты вечно побеждаешь.

Меня всегда забавляло, когда он злился, и я рассмеялась. Мой брат считал себя обязанным побеждать и мнил себя старше, хотя на самом деле мы были ровесниками. Нам обоим исполнилось восемь, и мы родились в один год. Более того, в один день. Порой люди считали нас двойняшками. Но мы ими не были. Мы даже внешне отличались. Я была голубоглазой блондинкой, а Джио — кареглазым брюнетом. Я сердилась, если папу спрашивали, двойняшки ли мы, потому что ему становилось неловко. Он не любил пояснять, что Джио родился утром, а я ночью. Также папочка не любил говорить, что мать не хотела меня, а мама Джио умерла, когда нам было по два года.

Серебристые двери открылись, и мы заскочили в кабину, перепрыгнув через порог. Чтобы брат больше не сердился, я позволила ему нажать цифру «десять», и вместе мы наблюдали, как закрывались двери. Лифт стремительно полетел вверх, и как только остановился на нужном этаже, я выскочила из кабины, крича через плечо:

— Кто последний добежит до папиного офиса, тот неделю отказывается от десерта!

— Лепесток... — папин голос прорвался сквозь марево, выдернув меня в реальность. Папочка перебирал пальцами мои волосы, как и последние два часа. Обычно его нежные поглаживания убаюкивали меня, но стулья в приемном отделении не предназначались для отдыха. Они были жесткими и узкими, с потертыми подлокотниками, мешавшими удобно сесть. Мне даже не удалось устроиться на одной из скамеек без спинки, положив голову к папе на колени. Несколько раз я проваливалась в сон, но не настолько крепко, чтобы действительно выпасть из реальности. Как бы то ни было, я все равно слишком волновалась за братьев, чтобы спать.

Посмотрев через плечо, я поймала взгляд выжидавшего отца, отметив, что его блестящие карие глаза поблекли, и мешки под ними говорили об истощении.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил он.

— Все хорошо. Куда больше я беспокоюсь за них, как и ты, — призналась я.

— Бывало и лучше, — нежная улыбка на его губах не отразилась в глазах.

— Знаю. У всех нас бывало. Как думаешь, скоро нам позволят их увидеть?

— Кто знает, — пожал папа плечами. — В последний раз, когда я спрашивал, врачи собирались перевести Алессио в палату, а Джио все еще был в операционной.

— Бога ради, — пробормотала я, уронив голову на руки.

Воспоминания обо мне и братьях на линии огня перед тем, как упал Джио, атаковали мой разум, разбивая сердце до мучительной боли. Из раза в раз я задавалась вопросом, что мы могли сделать иначе — что могла сделать иначе я — чтобы лучше защитить братьев. Оглядываясь назад, я пришла к выводу, что ничего. Нас превзошли численностью, ясно и просто. Какими бы меткими и быстрыми мы ни были, десять громил при любом раскладе пересиливали нашу четверку.

— Я никогда не должен был посылать туда тебя и твоих братьев, — практически беззвучно сказал папа рядом со мной.

Уловив в его голосе мучительный страх, я отняла руки от лица и подняла взгляд. Папа сидел, опершись локтями на колени и низко склонив голову в горе.

В раскаянии.

При виде его очевидного отчаяния у меня сдавило грудь и заболело сердце, ведь я знала, что вне зависимости от моих или чьих-либо еще слов, он вечно будет винить себя в цепи событий, приведших нас сюда, особенно если воплотится худший сценарий.

Что вполне могло произойти...

В то время как Алессио довольно быстро поправлялся, получив всего два огнестрельных ранения, Джио повезло куда меньше. Команда ЛеРу пустила в него много пуль, в частности шесть, и только три из них прошли навылет. Остальные три застряли в разных частях тела — две в груди, одна возле поясницы — и хоть прошли в считанных миллиметрах от внутренних органов, но все равно повредили нервы. Проблему усугубила серьезная кровопотеря, поэтому потребовалась срочная хирургия.

Ситуация была критической, окрашенной всеми оттенками ужаса, и невозможность увидеть Алессио или Джио забивала гвоздь в наш проклятый гроб.

Но я верила в своих братьев, особенно в Джио. Он всегда был бойцом, даже когда сам того не хотел.

— Па, — позвал Маттео напротив, поглядев на нас глазами цвета шоколада, и мы одновременно посмотрели на него. — С ними все будет хорошо.

На этот раз он сказал правильные слова в нужный момент. Будь он Джио или Алессио, я бы обняла его, но наши отношения не позволяли. В данный момент мы с Маттео по сути были незнакомцами. Я знала о нем лишь то, что он рисовал убийственные рисунки и слишком много спал.

— Я согласна, — слабо улыбнулась ему я. — С ними все будет прекрасно. Алессио — сильный ублюдок, а Джио — боец.

Прошло несколько секунд, прежде чем наш отец кивнул, и в то время как его согласие должно было меня успокоить, я видела, что оно было продиктовано смирением. По его лицу я видела, что он хотел согласиться, но страх перед неизвестностью пересиливал способность верить. Насколько я знала своего отца, он считал это своей кармой.

Возможно, так оно и было. То есть, карма моей семьи определенно должна была иметь бесспорную предельную силу, чтобы сломить нас, но Гаспар ЛеРу сам напросился. То, что

мы пришли за ним, было его кармой, не нашей, и пускай он спасся, но не мог вечно скрываться от нас. Однажды ЛеРу вышел бы из темного угла, куда уполз, и вот тогда я собиралась быть рядом, чтобы закончить дело. Убить его.

Внезапно в моем заднем кармане завибрировал телефон, напомнив о времени и о планах на вечер. Подавив тревогу, я повернулась к своему отцу, сидевшему неподвижно, смотревшему в пустоту и погрузившемуся в свой собственный мир.

— Пап, мне нужно идти, — тихо заговорила я.

— Fiore, ты не должна... — он побледнел задолго до того, как наконец-то посмотрел на меня.

— Нет, должна, — я взяла его за руку. — Еще один ублюдок. Хватает и того, что один сбежал от нас.

— Иден, ты и твои братья для меня дороже любых денег. Я не могу позволить тебе...

— Я пойду, — спокойно заявила я. — Обещаю, я очень скоро вернусь. Джеймс Харт не займет много времени. Первосортный тупица.

Настороженно наблюдая за мной, папа свел брови, но, в конце концов, вздохнул и кивнул, слегка сжав мою руку.

— Ладно. Иди. Просто будь...осторожна, малышка, пожалуйста.

— Как всегда, — я поцеловала его в щеку и сжала в объятиях на секунду дольше, чем обычно. — Я быстро. Если что-нибудь изменится, ты...

— Ты же знаешь, что да, — самые твердые его слова с тех пор, как мы прибыли в больницу.

Напоследок сжав папину руку, я еще раз поцеловала его в щеку и, поднявшись, скрылась в ночи, надеясь, что по возвращению меня будут ждать хорошие новости.

Тихий жнец, печально известный серийный убийца Нью-Йорка с 2009 года. Один из самых разыскиваемых преступников Америки, известный тем, что вырезал на лицах своих жертв улыбки и перерезал им горло.

Им была я.

Эта мысль всегда меня забавляла.

Полиция не знала, что я была женщиной. Черт, она вообще почти ничего не знала. За исключением того, что я снова нападу. Неожиданно и беспорядочно. Стоило признать, что придумывать почерк было не лучшей идеей, но тут от меня в буквальном смысле ничего не зависело. Я должна была. Словно где-то во мне щелкал переключатель, и за несколько секунд я превращалась из Иден — ангельской соседской девчонки, чей отец владел «Железом Скарзи» — в нее, мое альтер-эго. Ей было необходимо оставлять отметки, как мне было необходимо ее процветание. Убийство не считалось полным, если я не отмечала свои жертвы перед тем, как лишить их жизни. В конце концов, они были моими, и пускай я не могла прокричать о них, но гордилась своей работой и хотела, чтобы мир знал. Даже не особо одобряя мою маленькую шараду, папочка в итоге закрыл на нее глаза, поскольку я всегда справлялась с задачей.

Всегда справлялась и всегда буду справляться.

Когда он только начал заниматься со мной, никто из нас не думал, чем все закончится. Папа тренировал меня, потому что я сама хотела и не боялась, но скорее учил защищаться,

чем нападать. Только когда я преуспела в каждом аспекте, он наконец-то признал правду.

Я наслаждалась процессом.

От и до.

В первую очередь мыслями об убийстве. Я жила ради них. Ради острых ощущений от слежки, адреналина при нападении и ради удовлетворения, приходившего, когда очередной вороватый ублюдок выпускал дух в моих руках. Как и в случае с Алессио, семейный бизнес яростно бурлил у меня в крови. Однако план состоял в том, чтобы не оставлять следов, и зачастую папочкины головорезы превосходно справлялись, убирая за мной. Вы спросите, зачем им убирать за мной беспорядок? Потому что так хотел папочка. Хотел, чтобы я сосредоточилась на том, как войти и выйти, вместо ликвидации тел. Мы отлично сработались, и об успехе нашей командной работы говорил список без вести пропавших жителей штата Нью-Йорк. Тех, о ком больше никогда не слышали и кого не видели. К сожалению, иногда папочкины ребята работали недостаточно оперативно, и тела находили невинные граждане. Так и появлялись нераскрытые дела, связанные с Тихим жнецом. Алессио иногда хвастался своим безупречным послужным списком без каких-либо следов, но я всегда напоминала, что весь город боялся меня, а не его.

Наверное, от оранжевого комбинезона и камеры смертников меня спасала скрытность, ловкость и сознательность, благодаря которой я никогда не оставляла улики, способных вывести на мою семью. Я всегда надевала перчатки и подвязывала волосы. Предпочитала ножи, если огнестрельное оружие не оставалось единственным вариантом. Даже прибегнув к стали и пороху, я всегда возвращалась с лезвиями. Бесшумные инструменты с доказанной эффективностью. Хотя, наверное, все серийные убийцы такие, верно? У всех нас есть особый ритуал, который нужно выполнить, прежде чем покинуть место преступления. Меня отличало от них то, что я не слетала с катушек. Я мыслила трезво и не чувствовала потребности слепо убивать. Я была убийцей, личным папочкиным киллером и справлялась с теми, кто того заслуживал. С людьми, считавшими нормой обидеть кого-то или причинить боль ради собственной выгоды. С ворами, хищниками, наркоманами — ну, вы поняли.

Вроде Джеймса Харта.

Он был полнейшим придурком во всех отношениях, как я и сказала папочке. Пришел к нам более двух лет назад со слезливой историей о том, что его уволили из корпорации без малейшей на то причины, в то время как его жена не могла работать, поскольку сидела с двумя маленькими детьми. А еще ждала третьего. Очевидно, из-за несправедливого увольнения Харту сложно было найти новый источник дохода, и все его накопления стремительно убывали.

Будучи добрым человеком, папочка без долгих раздумий занял ему немалую сумму. И не один раз, а несколько из восхищения семьянином. Оказалось, что слизняк был холост, без детей и уволен после судебного процесса по обвинению в сексуальном домогательстве. Также он страдал определенной — то есть, большой — склонностью к азартным играм. Сигналом поднять Харта вверх в моем списке стало то, что мистер Эндрюс, наш семейный адвокат, раскрыл нам его истинную личность.

Видимо, азартные игры отупляли, поскольку едва поняв, в какое дерьмо угодил, Джеймс принял гениальное решение сбежать. Однако он совершил фатальную ошибку, выбрав гостиницу в восьмидесяти километрах от своего прежнего жилья, чтобы продумать основной план. Почему? Потому что я уведомила каждый отель в тройном радиусе и попросила

сообщить мне, если номер бронирует некто под именем Джеймс Харт. Администраторы согласились, считая, что я действовала от лица правительства. Забавно, как легко было убедить их, что я из ФБР. Случайный номер значка и заготовленные реплики работали гипнотически.

Сидя в своей безопасной машине на другой стороне улицы, я наблюдала за парадными дверьми «Марриотт», выжидая свою цель. Харт мог прибыть в любой момент, и я хотела застать его врасплох. Тем не менее, я была здесь не одна. Папочкины ребята тоже приехали и ждали во внедорожнике с тонированными стеклами, припаркованном прямо передо мной. Сегодня они сопровождали меня не только для уборки. Для безупречной ликвидации мистера Харта мне требовалась небольшая помощь.

К слову о мистере Харте...

Я удовлетворенно улыбнулась, наблюдая, как перед отелем остановилось такси, из задней двери которого вышла моя цель, посмотревшая вправо и влево. Когда машина уехала, Харт вошел в отель с большой сумкой, и я выбралась из своей машины. Перебежав улицу, я последовала за ним внутрь. Пока он флиртовал с молодой женщиной за стойкой регистрации, я опустилась на ближайший диван, откуда продолжила слежку.

Двадцать минут спустя после тщетных попыток заманить девушку в свой номер, мистер Харт получил отказ и, зарегистрировавшись, пошел к лифту, не имея ни малейшего представления о том, что ждало его.

Три...

Два...

Один...

Как по команде, в кармане моих джинсов завибрировал телефон, и я прочла сообщение, подтверждавшее, что план начал официально приходить в исполнение.

Ричи: Все готово. Иди. Но поторопись. У тебя максимум пятнадцать минут.

«Не беспокойся, малыш Ричи. Пятнадцати мне хватит».

Вернув телефон в карман, я встала и со всей возможной беспечностью прошла по тихому холлу, чувствуя, как у меня ускорился сердечный ритм от понесшегося по венам адреналина. Мистер Харт нажал на кнопку со светящейся стрелкой, и пока мы поднимались на пятнадцатый этаж, не удостоил меня ни взглядом, ни словом.

— Вы здесь по работе? — легко спросила я, казалось бы, дружелюбно.

— Что-то вроде того. А вы? — тихо промурлыкал он.

— Я тоже. Совершенно секретно. Честно говоря, дожидаться не могу. — Совершенно секретно, да? — хохотнул Харт, проведя рукой по своим темным сальным волосам. — Вы из полиции или типа того?

— Хуже, — едва сдержала я смех, и Джеймс выгнул бровь. — Я — ваш худший кошмар, — плавным движением, которого он явно не ожидал, я толкнула его к металлической стене, рукой придавив ему горло. Я протолкнула дуло Харту в глотку так, что его чуть не вырвало. Он дернулся всем телом, и в его глазах вспыхнул страх, пробиравший до самых костей. Не отводя взгляда, я почувствовала, как мои губы изогнулись в улыбке чеширского кота. — Сюрприз, мистер Харт. Ваша кровать, наконец, вас настигла и забронировала вам местечко на верхней строчке моего очень престижного списка. Хотите знать, что за список? — проворковала я.

Он изо всех сил замотал головой.

— Тот, где вы проглотите одну из моих хорошеньких маленьких пуль за то, что разыграли моего папочку. Хотите сказать последнее слово?

— По, по, — все, что я сумела разобрать из просьбы мистера Харта, пытавшегося заговорить, несмотря на дуло во рту.

— Прошу прощения? Что-что? — забавлялась я и, достав лезвие из кобуры, двумя быстрыми движениями нарисовала на лице Харта улыбку.

— По, ох.

— Да, я не совсем понимаю. А даже если бы понимала... — я соприкоснулась с ним носами. — Я не жалею отморозков. Спокойной ночи, Харт. Увидимся в аду.

Я нажала на курок, и кровь забрызгала стальную стену за головой Харта. В считанные секунды свет начал затухать в его глазах, принесся мне некое удовлетворение. Однако ни удовольствие от смерти, ни покой не были полным, пока я не вычеркнула из списка имя ЛеРу. У меня возникло предчувствие, что ждать осталось недолго, потому что Гаспар был не из тех, кто надолго остается в тени.

Ксандер

Сидя в шумной приемной медицинского центра Линкольна и теряя рассудок, я выбрал первый вариант. Раньше я был преисполнен решимости тянуть с решением до последней минуты, но когда вопрос встал ребром, просто не смог. При виде Скарзи в той же приемной, что-то щелкнуло у меня в голове и показало, что помимо преследовавших меня тревоги и страха, я страдал еще и паранойей. Не потому, что знал о присутствии Скарзи, скорее терзало беспокойство о том, что сделал бы он, если бы узнал о моем присутствии. Потребовал бы ответа? Отменил бы сделку и оставил мне только вариант С, который можно было даже не рассматривать. Я не мог рисковать, особенно когда речь шла о мамином здоровье, поэтому все обдумал и взвесил, приняв окончательное решение. Не сказать, что оно успокоило мои нервы, поскольку с его принятием я столкнулся с другим испытанием, — а именно добыть пятьдесят тысяч долларов за один месяц.

— Мистер Ройс, — вырвал меня из беспокойных размышлений голос, который я смутно помнил.

Быстро повернувшись на звук, я поймал взгляд медсестры, помогавшей мне по прибытию сюда.

— У вашей мамы все отлично, — тепло улыбнулась она. — Пока что ее сканирования еще только просматривают, но она уже перевезена в палату. Не знаю, сколько времени она пробудет здесь, но уже готова принять посетителей.

Слышать, что у мамы все хорошо, было облегчением, но я бы не расслабился полностью, не увидев ее собственными глазами. Схватив с соседнего стула свою куртку и, вскочив на ноги, поспешил за медсестрой — представившейся Джейд — к лифту и на второй этаж. Во время нашего короткого путешествия по коридорам она вела светскую беседу, и в иное время я бы ответил ей, пока не оставила меня перед палатой мамы, нежно сжав мое плечо.

Глубоко вдохнув, я повернул ручку и проскользнул в тихую комнатку, где чуть не разрыдался при виде мамы. Она сидела в постели и смотрела телевизор, словно в любой другой совершенно обычный день. Мама выглядела самой собой, за исключением разве что темных волос с проседью, растрепанных после поездки в карете скорой помощи и осмотра. Ни трубок, ни катетеров, ни кислородных масок — она выглядела абсолютно здоровой. Заметив мое появление, мама перевела усталый взгляд карих глаз туда, где я стоял у двери.

— Привет, малыш, — мягко поприветствовала она, и уголки ее губ приподнялись в улыбке.

«Господи, спасибо...»

Бросившись к койке, я чуть не рухнул на нее, схватив маму в объятия и не скрывая ни капли мучений, испытанных мной после звонка Нэнси.

— Ты перепугала меня, мама, — признался я, прилагая все свои силы, чтобы не расклеиться. — Знаю, это не твоя вина, но я так испугался, что...

— Тс-с, я знаю, знаю. Теперь все хорошо, я в порядке. Мы отделались небольшим испугом.

— Я бы не назвал его небольшим.

— Но лишь испугом. Все могло закончиться гораздо хуже. Нам нужно искать плюсы и

жить моментом, Ксандер, не заикливаясь на будущем, над которым мы не властны. — Отстранившись, мама с утомленным выражением на лице встретила мой взгляд и, как всегда делала, погладила меня по щеке. — Дыши. Взгляни на меня, все замечательно. Я же сказала тебе, что пока никуда не собираюсь, и не шутила. Тем не менее, Ксандер, однажды настанет время, когда тебе придется отпустить меня. Не говорю, что будет легко. Господь свидетель, отпустить твоего отца было сложнее всего, что я когда-либо делала в жизни, но я верю, что ты сможешь.

— Разве обязательно говорить об этом прямо сейчас? — Я сглотнул комок, вставший у меня в горле из-за чрезмерных эмоций. — Знаю, чем все закончится, просто хочу наслаждаться временем, которое нам осталось, не омрачая его тенью смерти. Ты же знаешь, живи моментов и все такое.

— Справедливое замечание, — усмехнулась мама.

— Я хочу кое-что узнать...

Мама хмыкнула и, потянувшись к стандартному розовому пластиковому больничному кувшину на прикроватном столике, сделала глоток, взглядом пригвоздив меня к месту.

— Что произошло сегодня?

— Ну, Нэнси приехала на обед, как мы и планировали на выходных. Мне жутко захотелось китайской кухни, поэтому мы оформили заказ в той небольшой лавочке в паре кварталов от нас. — Мама вернула кувшин на его законное место. — Когда мы, наконец, сели за стол, я уже запыхалась, но списала все на то, что спешила накрыть на стол и дать чаевые курьеру. Но чем больше мы ели, тем тяжелее мне становилось, чего не упустила Нэнси. Думаю, об остальном она уже тебе рассказала.

Я кивнул и, обдумывая мамин рассказ, посмотрел в окно за ее спиной, за которым начало садиться солнце. Меня сбивало с толку и тревожило, что сервировка стола для двух человек и поход до парадной двери дома так повлиял на маму. Я не понимал, как она умудрилась сделать перестановку в кухне и переставить в гостиной коллекции без инцидентов, в то время как простые бытовые дела привели ее прямоком в больницу.

— Рассказала, — ответил я, наконец. — Напомни мне сердечно отблагодарить ее, когда она придет сюда.

— Нет, — понимающе улыбнулась мама. — Напомни мне отблагодарить ее, когда она придет.

— Договорились, — фыркнул я себе под нос.

Тук-тук.

Мы с мамой повернулись к двери, ожидая увидеть упомянутую женщину, но вместо нее в палату вошла крошечная брюнетка с широкой улыбкой.

— Миссис Ройс, меня зовут Джейд, и до конца дня я буду вашей медсестрой, — прощепетала она, в то же время написав свое имя на маркерной доске вместе с датой, номером палаты, фамилией врача и несколькими прочими деталями.

Повернувшись к нам, она закрыла маркер колпачком и, положив его на место, сразу же посмотрела на меня глазами цвета виски. Джейд еще мгновение удерживала мой взгляд, после чего невозмутимо и заинтересованно оценила меня ниже. Вероятно, медсестра действовала преднамеренно, но все же едва заметно покраснела, пока пробиралась к монитору прямо возле маминой кровати и сядила на табурет. Я не оставил без внимания, как с каждым шагом она покачивала бедрами. Язык тела говорил громче всяких слов и передал ее сообщение четко и ясно.

Я с радостью и сам оценил Джейд, отслеживая изгибы и округлости ее тела. Даже светло-синяя медицинская форма не скрывала, что она была хороша. Очень хороша. Непринужденная естественность, и ее красоту не скрывала ни косметика, ни что-либо еще. Также Джейд относилась к моему типу женщин — светлокожая голубоглазая брюнетка, притом соблазнительная. Должно быть, я разглядывал ее слишком откровенно, потому что мамин прославленный стальной щипок застала меня врасплох, вынудив посмотреть на нее.

Я отдернул руку, избегая еще одного возможного щипка, и преувеличенно ойкнул.

— Манеры, Ксандер, — прошептала мама, скрестив руки на груди.

— В чем дело, миссис Ройс? — спросила Джейд, замерев возле клавиатуры для ввода данных.

— О, ни в чем, просто напомнила своему сыну о ценном уроке.

Улыбнувшись, Джейд покачала головой и, мельком глянув на меня, подо двинулась ближе на своем табурете.

— Прошу прощения, я повела себя некрасиво. Меня зовут Джейд, — снова представилась она и протянула мне руку, которую я пожал.

— Ксандер.

— Приятно познакомиться, Ксандер. Ладно, — она откатилась обратно к мониторам, — вот что мне известно на данный момент. Доктор Гарднер уже едет. Он хочет просмотреть результаты сканирований и узнать, какие отклонения выявлены, если выявлены вообще. Также он хочет оставить вас на ночь в больнице и убедиться, что инцидент не повторится.

— На ночь? — недоверчиво спросила мама. — Это смешно, я отлично себя чувствую.

— Знаю, миссис Ройс, — от сочувствия выражение лица Джейд смягчилось, и она поджала губы, — но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Теперь, когда вы немного отдохнули, давайте измерим ваше давление, чтобы я могла обновить данные. Чем чаще мы будем проводить контроль, тем выше вероятность, что утром вас сразу же выпишут. Что скажете?

Хоть мама и кивнула, было более чем очевидно, что ее не устраивала ночевка в больнице. Не сказать, что я мог ее винить. Больничные койки были неудобными, а еда настолько мягкой, что такую впору давать ребенку.

— Ксандер, милый. Можешь сделать мне одолжение? — спросила мама, пока Джейд закрепляла на ее руке манжету для измерения давления.

— Зависит от того, о чем ты попросишь, мама, — наклонившись вперед, я прикрыл ладонью рот. — Не думаю, что при всем желании смогу вытащить тебя отсюда.

— Я учту, — рассмеялась она, закатив глаза. — А пока что не мог бы ты принести мне воды, но положить в кувшин побольше льда?

— Будет сделано. Скоро вернусь.

Схватив со стола розовый кувшин, я поцеловал ее в щеку и протиснулся мимо Джейд по пути к двери — ее вина, не моя — после чего осмотрел коридор в поисках ледогенератора. Коридоры напоминали улицы города-призрака, где был и небольшой зал, заполненный всевозможными вкусами, не включенными в меню пациентов, что превратило мой поиск в трехминутное испытание. Я уже взялся за ручку двери, когда она распахнулась, и до меня донеслось хихиканье Джейд, сопровождаемое хриловатым маминым смехом. Не поймай я Джейд за талию, она бы налетела на меня, залив нас обоих ледяной водой.

— Аккуратнее, — упрекнул я.

Опустив руку на мое предплечье, она посмотрела мне в глаза, и уголок ее рта

приподнялся будто бы в довольной улыбке.

— Я тебя не сразу увидела, извини, — изобразила Джейд раскаяние, потому что мы оба прекрасно знали, что она меня видела.

— Все в порядке, никто не пострадал. Я ведь цел и невредим, да?

— Это точно, — согласилась Джейд. — Хочешь знать, что не цело и невредимо? — Я наморщил лоб, заинтересовавшись. — Мой номер. Позвони мне, если есть желание попробовать кусочек, — промурлыкала она и, вытащив из кармана листок, вложила его в мою руку, легко чмокнув меня в щеку.

С этими словами Джейд отпустила меня и пошла по коридору, оставив любоваться тем, что я бы назвал сочной маленькой задницей. Из-за мелкого нетерпеливого ублюдка в моих джинсах в голову тут же ворвались фантазии о том, как я бы снял с нее медицинский костюм и проверил, насколько сочной она может быть. Но как бы хорошо ни выглядела Джейд, хотел ли я пойти на свидание? Я не любил ходить на свидания в основном потому, что они часто вели к отношениям, на которые у меня не было времени. С другой стороны, она ничего не говорила про свидания. Попробовать кусочек, как небрежно бросила Джейд, не нанесло бы ущерба, если не строить планы на будущее, верно?

Иден

Месяц спустя...

Ксандер Ройс, номер триста девяносто четыре.

Да, я знаю, куча людей. Примерно шестьдесят пять в год, пять в месяц, если подсчитать. Иногда число поражало нас всех, особенно Алессио. Он занимался бизнесом много лет, прежде чем папочка признал, что ему нужна моя помощь. А нужна она была только потому, что Алессио не играл ни по чьим правилам, кроме своих собственных. Он убивал куда меньше меня, но мы с ним и работали по-разному. В то время как мой брат наслаждался каждым пунктом из списка ужасающими способами, я быстро ликвидировала цель и шлак следующей. Чем быстрее, тем лучше.

Как я вообще могла так небрежно говорить о смертях, словно не испытывала ни малейших угрызений совести?

Все просто, друзья мои. Я их и не испытывала.

Такой уж я была рождена и воспитана. Я не знала, как быть другой, и не планировала в ближайшем будущем менять ни себя, ни свой образ жизни. Кроме того, никакие перемены все равно бы меня не спасли. Моя судьба была давно предрешена, и никакие молитвы или епитимии не спасли бы мою почерневшую душу. Для людей вроде меня просто не существовало искупления. Я знала, куда попаду после смерти. У меня был билет в первый класс и первый ряд. Боялась ли я? Нет. По моему возвращению домой сам Сатана предусмотрительно спрятался бы за своим тронном.

Итак, хватит праздных разговоров обо мне и о том, где я, вне всяких сомнений, провела бы вечность. Давайте вернемся к мистеру Ройсу.

Холост, тридцать лет, с провальным бизнесом и больной матерью он стал одной из самых сложных целей, попадавших в мой список за долгое время. Обычно папочка много раз щадил таких людей, но чем дольше я читала досье, тем больше понимала, почему Ксандер Ройс стал моей целью. Судя по всему, отец заключил с ним выгодную сделку. Он снял с долга проценты, снизил его до половины суммы, которую нужно было вернуть в течение тридцати дней на баланс. Судя по тому, что мистер Ройс угодил в мой список, вы уже догадались, что он не успел к сроку.

Какая жалость.

Скрипнув зубами, я посмотрела через лобовое стекло своей машину на «Автомобили Ройса» по другую сторону улицы. Переулок казался заброшенным, и пускай скудные зеленые насаждения у главного входа выглядели ухоженными, само здание было на грани разрухи. Возможно, я была сукой из-за своих мыслей, но вот и причина упадка в бизнесе. Кто захочет отремонтировать свою машину в заброшенной лачуге, если можно проехать несколько кварталов до Goodyear or Mavis?

Только два блока из четырех были открыты, в них маячил молодой человек, делавший уборку в конце рабочего дня. Работал он дотошно и, казалось, не спешил в ближайшее время покинуть магазин, тщательно протирая все инструменты, которые затем раскладывал по местам в большом мастерском ящике. Разобрав рабочий стол и разложив документы, парень

с улицы закрыл двери блока и быстро забежал в магазин.

«Теперь ждать осталось недолго», — подумала я, посмотрев на часы, и изучила остальное досье мистера Ройса.

Конечно же, несколько минут спустя лампы в небольшом здании начали гаснуть одна за другой, и парнишка появился снова, но теперь уже в сопровождении мужчины, который, как я предположила, и был моей целью. Но я не была уверена, пока он не обернулся, показав мне свое лицо. Насколько я знала, мистер Ройс воспользовался одолженными деньгами, чтобы платить сотрудникам зарплату. Кем бы они ни были, быстро и сообща заперли здание и, попрощавшись по-товарищески, но все же профессионально, моя потенциальная цель отправил парнишку домой. Единственная машина на парковке — потрепанная «Хонда Цивик» 94-го года — медленно выехала от «Автомобилей Ройса» на дорогу прямо навстречу мне и вскоре исчезла из вида в полутьме раннего вечера.

Поблизости раздался знакомый рокот мотоцикла, привлекая мое внимание к магазину. При мысли о «Сузуки» в гараже у меня дома, на моих губах заиграла нежная улыбка. Прошло некоторое время с тех пор, как я брала ее на прогулку, и уже успела соскучиться по ней. Но куда больше я скучала по Джио, ведь гонки по городу были нашей с ним любовью. Казалось неправильным кататься без него. В какой-то момент я даже подумывала продать мотоцикл в свете того, что перспективы моего брата казались мрачными, но, по словам врачей, он постепенно поправлялся и смог бы снова жить нормальной жизнью.

Нам оставалось лишь надеяться, верно?

Как только я безмолвно помолилась высшим силам, которые могли бы услышать мою просьбу, мистер Потенциал — Ксандер Ройс — выехал из-за здания на черном «Джиксер 1000». От шока я чуть не открыла рот. Мотоцикл был точной копией моего собственного. Был этот мужчина Ксандером или нет, я не могла не признать, что у него хороший вкус, и вид его на мотоцикле радовал глаз. Было бы очень жаль, окажись он очередным безумцем, принявшим папочкину доброту за слабость. Было бы очень жаль, если бы мне пришлось убить его...

Тряхнув головой, я бросила папку на пассажирское сидение и мысленно приготовилась к предстоящей миссии. Правила слежки были четкими, простыми и не требовали много ума. Оставаться в тени, не подходить слишком близко и не терять концентрацию. Я ждала, когда мужчина поедет по дороге, чтобы завести машину и последовать за ним, но он даже не отъехал от обочины. Нет, мужчина поставил мотоцикл на подножку, заглушил двигатель и, сняв шлем, достал сотовый телефон из кармана кожаной куртки.

Он отвечал на звонок? Seriously?

Похоже на то, и нетерпеливая сторона моего характера злилась, особенно когда секунды все тикали, а разговор не заканчивался. Я внимательно наблюдала за мистером Ройсом, стоявшим с телефоном у уха и мотоциклом между ногами. Судя по тому немногому, что я видела, он и был мистером Ройсом, но мне нужно было убедиться. Я должна быть уверена на сто процентов, потому что ликвидация неправильной цели была бы не только пустой тратой времени, но и ошибкой новичка, которую мне припоминали бы вечно. Прищурившись против ярких лучей заходящего солнца, я со своего места сосредоточилась на мужчине, мысленно упрощая его поднять голову. Знаю, глупо, ведь он не был чертовым телепатом, но все же я повторила просьбу много раз подряд.

«Посмотри вверх, пожалуйста, посмотри».

И, словно сработала какая-то черная магия, он действительно посмотрел.

Закончив разговор, мужчина вернул телефон в карман и поднял голову, посмотрев в обе стороны опустевшей улицы. В тот миг я как следует разглядела его и была уверена, что вздох, слетевший с моих губ, услышал весь квартал. Посмотрев на папку, брошенную мной на сидение, я дрожащими руками открыла ее, и мой взгляд заметался с прикрепленной фотографии к мужчине, сидевшему на своем мотоцикле. Это был Ксандер Ройс, вне всяких сомнений. Снимок не воздавал ему должного, как и любые описания. Он был высоким, смуглым и потрясающе красивым. Я смотрела на него, смотрела и смотрела, сбитая с ног его привлекательностью, пока он не надел шлем обратно на голову и не помчался по дороге, чем застал меня врасплох.

Повозившись с ключами, я завела двигатель и свернула с пустой парковки в том же направлении, что и поехал мистер Ройс, наплевав на первое правило, словно его вовсе не существовало.

«Сосредоточься», — напомнил мне зловещий и не такой уж тихий голос в моей голове.

Глубоко вдохнув, дабы прояснить мысли, я сбавила скорость, чтобы не приближаться к цели, но в то же время не отставать и не потерять ее из виду. Причины, по которым Ксандер не вернул деньги, оставались за пределами моего понимания, но пока я следовала за ним, дыша так, словно пробежала марафон, у меня возникло скверное предчувствие, что он не станет легкой мишенью. Один его вид зажег во мне нечто, что я не могла описать словами. Некомфортное ощущение. Нет, оно было тревожащим и, мягко говоря, необычным для меня...

Оказалось, мистер Ройс несколько не отличался от остальных завидных холостяков Нью-Йорка, чем откровенно меня озадачил. Учитывая его финансовое положение, я полагала, что он из тех, кто проведет вечер пятницы дома, возможно, пригласит пару друзей, заказав вскладчину пиццу и пиво.

О, как же я ошибалась.

Когда Ксандер подъехал на «Джиксере» к зданию середины века, оформленному как современное ранчо, я припарковалась перед домом на противоположной стороне улицы и откинулась на спинку сидения, надеясь за несколько минут придумать план. Я попробовала и эпично провалилась, как и по дороге сюда. Моя концентрация слетела до нуля из-за красивого лица Ксандера, впечатавшегося в мою память, терзавшую меня выдающейся сексуальностью щетины на волевой челюсти и угольно-черными волосами, которые я заметила даже издалека. Заметила широкие плечи, мускулистые руки, узкую талию под кожаной курткой и длинные ноги. Плотские желания разрывали меня, затмевая умение сосредотачиваться на насущных проблемах, и внезапно все показалось вторичным по сравнению с потребностью быть рядом с Ксандером.

— Тьфу ты. — Я сжала переносицу, пока в моей голове пронеслся десяток неуместных мыслей.

Какого черта со мной случилось?

Очевидно, случился Ксандер Ройс, но я не хотела это признавать. И мог ли кто-нибудь меня винить? Просто казалось нелогичным, что человек, которого я только встретила, мог так сильно на меня повлиять. Было что-то еще в этом...странном ощущении. Возможно, недосып? Или переутомление? Голод?

Дзинь!

Щебетанье телефона прервало мой внутренний конфликт, привлекая внимание к экрану телефона, лежавшего в подстаканнике. Я ничего не могла сделать, кроме как закатить глаза.

Лука: Лепесток...ты там?

Вздыхнув, я размышляла, отвечать или нет. Если бы не ответила, он наверняка написал бы снова или, того хуже, начал бы звонить до победного. Я не могла позволить себе отвлекающие факторы, а Лука однозначно меня отвлекал, поскольку я уже знала цель его сообщения...

— Можно у тебя кое-что спросить? — пошевелился рядом со мной Лука, все еще тяжело дыша после нашего ночного randevu.

Ранее вечером я помогала папе разобрать некоторые документы, после чего провела дома несколько часов, но мой разум никак не мог успокоиться. В последние дни нам не давало покоя предстоящее восстановление Джио и Алессио. Поэтому я позвонила Луке, который был более чем рад предложить мне снять напряжение, несмотря на мой звонок в два ночи.

— М-м? — Я перекатилась набок, обратив внимание, что часы показывали уже почти четыре. Скоро мне пора было уходить...

Пока он кончиками пальцев меня поглаживал, я расслабилась в полудреме.

— Пойдешь со мной на свидание в следующие выходные?

От его вопроса я замерла на месте, хотя удивляться тут было нечему. Я уже какое-то время догадывалась, что этот день скоро настанет.

— Лука, я...не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет? — изумился он, сведя темные брови.

Прижав его простыни к груди, я со вздохом села, запустив руку в свои всклокоченные волосы.

— Ты знаешь почему, — спокойно пояснила я.

— Вот почему я считаю свидание прекрасной идеей. Ему не нужно знать, что мы с тобой трахались.

— Ты с ума сошел? — резко повернулась к нему я. — Это будет первым, о чем он подумает, если я скажу, что мы идем на свидание. Ты же знаешь Алессио. Кроме того, мы договорились, что не будет никакой привязанности, помнишь?

Вздыхнув — что больше напоминало фырканье — Лука приподнялся. Простынь соскользнула на его бедра, открывая для любования все точеное совершенство. С самого первого дня секс с лучшим другом моего брата был ошибкой, но чтоб меня, сложно было отказаться. Закусив губу, я подняла глаза и, встретив выжидающий взгляд Луки, обратила внимание на его довольную ухмылку.

— Договорились, но неужели ты на самом деле думала, что наши отношения ни во что не выльются?

До удара по самооценке осталось три...два...

— Думала, — честно ответила я, поскольку наша связь никогда ни во что не переросла бы. По крайней мере, для меня.

Веселье и удовлетворение, украшавшие его лицо, исчезли, сменившись быстро вспыхнувшим гневом. Я чувствовала, как он исходил от Луки волнами, оскорбленного моей честностью.

— Почему? — недоверчиво спросил он. — Нам было бы так хорошо вместе, Лепесток.

— Очень сомневаюсь. — Отвернувшись от него, я свесила ноги с края его кровати.

— Почему? — надавил он.

— Потому что, Лука.

— Потому... что?

— Потому что я никогда не почувствую к тебе ничего больше. Никогда не чувствовала и не чувствую.

Излишне говорить, что тот вечер не закончился хорошо. Лука не слишком хорошо воспринял отказ и практически вытолкнул меня из своего дома, чем лишь еще больше оттолкнул. Прискорбная ситуация, и я очень не хотела испытывать эти чувства, но он сам был виноват.

Неохотно я провела пальцем по экрану и открыла переписку.

Я: Да. Как дела?

Лука ответил моментально.

Лука: Ты свободна сегодня вечером?

Я: Нет.

Лука: Работа?

Я: Да.

Три небольших точки мигали так долго, что я уже начала думать, что Лука писал Библию. Несколько раз они исчезали, затем вновь появлялись, исчезали, отчего мое поначалу умеренное разочарование превратилось в кипение. Когда Лука наконец-то ответил, я уже была готова скрутить ему шею, как полотенце при отжиме.

Лука: Когда мы уже поговорим о том, что произошло той ночью?

Я: И о чем же там говорить? Ты спросил, я отказалась.

Лука: Но почему? Иден, мы трахаемся уже два года. Неужели ты ничего ко мне не чувствуешь?

Господи Боже, только не снова.

Я: Лука, я не собираюсь сейчас углубляться в обсуждения. Мне нужно поработать, и такие вещи не обсуждают в мессенджере. Позвоню тебе позже на неделе, и мы поговорим.

Лука: Не удивлюсь, если ты используешь работу как предлог, чтобы уйти от темы, но как скажешь, классно. Но я не стану ждать твоего звонка, затаив дыхание. Ты знаешь, где меня найти, когда, наконец, наберешься храбрости. Удачного вечера.

Наберусь храбрости? Он сейчас серьезно? Расстроено рыкнув, я бросила телефон на пассажирское сидение, не утруждаясь отвечать на гневное послание. Лука хотел вести себя как незрелый мальчишка? Да будет так. Пускай варится в собственном соку. У меня не было на него времени, к тому же я не чувствовала себя обязанной объясняться. Особенно если учесть, что мы были любовниками без обязательств, и все. Ни меньше, ни больше, о чем Лука был прекрасно осведомлен. Очевидно, у него в процессе возникли чувства, но, во-первых, я их не разделяла, и, во-вторых, было несправедливо с его стороны набрасываться на меня из-за этого. Я не меньше него имела право на свои собственные эмоции.

Посреди мысленной дискуссии о том, как справиться с фиаско Луки, я краем глаза уловила движение. Посмотрев на дом, обнаружила мистера Ройса, шедшего к мотоциклу и выглядевшего еще аппетитнее прежнего. Он принял душ и переоделся в черную рубашку с

темными джинсами. Взлохмаченные волосы были идеально уложены, и в полутьме темные пряди блестели, словно все еще были влажными. У меня чесались руки от потребности коснуться их и его всего, каждого дюйма. Сжав бедра, я наблюдала, как Ксандер сел на свой мотоцикл и, надев шлем, легким движением руки завел двигатель, оживший со знакомым рокотом.

Какого черта? Куда он собрался?

Наверное, на самом деле это было неважно. Не сказать, что у меня был четкий план. Если честно, я еще не придумала ни одного, слишком озабоченная и мысленно пускавшая на кое-кого слюнки. Теперь я могла лишь следовать за ним — снова — и надеяться, что его пункт назначения позволит мне закончить работу.

И хоть мне сначала так не показалось, место не могло подходить лучше...

Ксандер вывел меня в город, к одной из тех парковок с предоплатой, где не было обслуживающего персонала. Плюс для меня, только если бы она пустовала, но сегодня здесь яблоку было негде упасть. Неудивительно, учитывая, что стоянка располагалась на углу Вест-Стрит 50, недалеко ото всех модных ночных заведений. Наблюдая за Ксандером краем глаза, я свернула к одному из немногих свободных мест в задней части стоянки и выключила фары, пока он спешил к компании парней, производивших впечатление его приятелей. Они пожали друг другу руки, стукнулись кулаками, обнялись и похлопали друг друга по спинам, как добрые приятели. Точно проблема, потому что мне нужно было, чтобы Ксандер оказался один.

Я глубоко вздохнула, достигнув своего лимита расстройств для одной ночи. Казалось, все шло наперекосяк, и на одну, но очень долгую секунду я даже подумала, что сегодня просто не мой день. Стоило ли мне поехать домой и завтра попытаться снова?

«Нет, еще рано уходить», — призвала она. Мое альтер-эго, неутомимая жестокая сука. Еще бы она не хотела продолжить, как было запланировано изначально, несмотря на все неудобства, которые принесла нам ночь.

Чем дальше я думала, тем больше убеждалась в ее правоте. Я уже слишком далеко зашла. Нет смысла тянуть дальше необходимого.

«Точно, теперь подключи очарование. Восхити его. Сведи с ума. И затем...»

Я лихо выгнула бровь, впечатленная предложением и открывшимся благодаря нему более чем интригующим перспективами.

Была ли я сбита с толку? Позвольте вам подсказать.

Скорее прельщена.

Я нечасто прибегала к этой тактике, но если уж решалась, то исполнение было безупречным. Чтобы довести дело до конца, нужно правильно выбрать цель. Мужчина должен соответствовать моим стандартам, чтобы я почувствовала с ним некоторого рода связь, хотя бы минимальную. О стариках не могло быть и речи. Возможно, для кого-то возраст был всего лишь цифрой, но не для меня. Меня не устраивала дряблая кожа и вялые члены.

Я не считала соблазнение одной из своих тактик и, как уже сказала, редко прибегала к нему, но оно было одним из простейших способов выполнить мою работу.

Почему?

Потому что удовлетворенного мужчину легко подчинить.

Знал ли папочка о моей маленькой уловке? Конечно, нет, иначе у него бы крышу снесло. Но братья узнали благодаря моей маленькой команде зачистки и, можно не

уточнять, что они не одобрили. Тем не менее, не им было одобрять или осуждать мою жизнь и карьеру, потому что, в отличие от них, я всегда ставила во главу угла главное правило Скарзи, ведущее меня в направлениях, наиболее подходящих для каждой конкретной цели.

Во что бы то ни стало. Так меня обучили. Я всегда убирала цели, начиная с пули в глотке, заканчивая теми немногими счастливыми, которые умерли счастливыми.

Быстро.

Тихо.

Эффективно.

Именно эффективность была ключевым моментом вне зависимости от выбранного мною метода. Мы были не просто на публике, а в общественном месте. У меня не было иных вариантов, кроме как соблазнить мистера Ройса и убедить уединиться. Что не стало бы сложной задачей.

«Первым делом самолеты, ну а девушки потом», — проповедовали мужчины, но миром правили именно киски.

Выскочив из машины только со своим телефоном, удостоверением личности и кредитной картой, натянувшей мой лифчик, я пошла позади Ройса с компанией и прочих людей, пока они не встали в конец длинной очереди перед только открывшимся ночным клубом «Lucid».

«Клуб? Серьезно?» — сначала подумала я, но тогда поняла, что там будет темно, шумно и просторно, значит, найдется много мест, где я могла разлучить Ройса с его приятелями.

Чтобы не стоять прямо позади него, я вытащила телефон и держалась чуть в стороне от очереди, делая вид, будто вызывала своих собственных воображаемых подруг, опаздывавших на нашу вечеринку в городе. Я была молода и не выделялась, якобы готовая выпить и танцевать всю ночь напролет. Совсем как Ройс с компанией.

Когда мимо меня прошло минимум десять человек, я закончила свое выступление, достойное «Оскара», и встала в очередь, пристально следя за своей целью, понятия не имевшей, что не выживет после того, как его мир столкнется со мной.

Для относительного нового клуба, вызвавшего временный ажиотаж на Манхэттене, очередь продвигалась довольно быстро. У людей быстро просматривали удостоверения личности и одного за другим пропускали в клуб. Вытянув шею, чтобы выглянуть из-за огромного ублюдка передо мной, я подметила, что настала очередь Ксандера с друзьями. Мне пришлось временно потерять его из виду, но я не волновалась, каким бы большим не был «Lucid». Я умела где угодно находить свои цели, особенно эту.

Меня охватило волнение от соблазнительных видений того, как вечер мог заиграть новыми красками. Ошеломленная, я двигалась на автопилоте вперед, и когда наконец-то настала моя очередь, уже с головой увязла в своем личном порно.

— Следующий! — рявкнул вышибала, разрушив нарисовавшуюся у меня в воображении картину мистера Ройса, связанного и в моем милосердии.

Я посмотрела в лицо охранника, протянувшего ладонь в общепринятом жесте, требуя показать ему мое удостоверение личности.

Быстро изучив фотографию и дату рождения, он достал розовый неоновый браслет и, надев его мне на руку, отошел в сторону, пропустив в клуб. Я чуть улыбнулась ему и, спрятав карту обратно в лифчик, прошла в затемненное помещение. С таким названием как «Lucid» (прим.: с английского «ясный», «светлый», «яркий»), интерьер был подходящим. Белые блестящие стены и пол, да и почти вся мебель, кроме прозрачных барных стульев. Две

стойки — одна на первом этаже и другая на втором специально для тех, кто решился заплатить возмутительную цену за VIP. Обе большие и, как казалось на первый взгляд, отлиты из первоклассного стекла. Единственным цветным акцентом была подсветка полок, где стоял алкоголь, менявшаяся с одного цвета радуги на другой каждые тридцать секунд или около того.

Пробираясь через компании людей, я прошла к стеклянной стойке, непринужденно покачивая бедрами, и села на один из свободных стульев, поманив наманикюренным пальцем бармена на другой ее стороне. Он понимающе кивнул, пообещав подойти через минуту, на что я игриво подмигнула ему, быстро осмотрев посетителей за стойкой. Если уж я собралась обольстить мистера Ройса и убить, мне нужно сначала выпить.

А потом... я заметила его, сидевшего неподалеку и смотревшего на меня карими глазами. Я не знала, куда делись его приятели, но оказалась перед необходимостью приступить к реализации плана чуть раньше, чем ожидалось. Ройс был один, и мне стоило воспользоваться моментом. Посмотрев на него сквозь накрашенные ресницы, я одарила его завлекательной улыбкой и когда отвернулась, мою шею залил румянец. Самый настоящий. Стопроцентно чистый и неподдельный румянец похоти, поощривший Ксандера перейти к действиям, как и было задумано. Да начнется игра.

Глава 9

Ясность

Ксандер

— Не стоит так улыбаться незнакомцам, — заметил я, заняв свободный стул возле белокурой богини. — Они могут неправильно истолковать твои намерения.

«Вот и сходил за выпивкой», — предполагалось, что я просто заплачу за свое пиво, после чего поднимусь в VIP зону, где собрался Джексон с ребятами, но теперь они стали совершенно неважны.

Незнакомка покорила меня в тот же миг, как подошла к бару, и когда посмотрела на меня холодными голубыми глазами, я обнаружил, что не мог или не хотел отводить взгляд. Однако именно сексуальная улыбка красавицы привлекла меня так, что я без колебаний подошел ближе.

— Кто сказал, что я улыбалась тебе? — распутно изогнула она алые губы в улыбке.

— Румянец, появившийся на твоих щеках, когда я подошел к тебе.

И вот снова он окрасил ее светлую кожу так соблазнительно, что я практически мог почувствовать тепло своими ладонями. Я неторопливо окинул взглядом блондинку, начиная с черных туфель на каблуках, подчеркивавших аппетитные ноги, темно-серого платья, облегавшего тело как вторая кожа, и заканчивая ясными омутами, пленившими меня вновь.

— Кроме того, не думаю, что у девушки вроде тебя пунктик по части папочек, — добавил я, легким кивком указав на группу пожилых мужчин, сидевших за стойкой позади меня.

— Верно подмечено, мистер...?

— Ройс. Ксандер Ройс.

— Что ж, мистер Ройс, — она подперла подбородок рукой, — как вы сказали, я не поклонница папочек, но мне любопытно, что вы подразумевали под девушкой вроде меня.

— Великолепная и уверенная в себе женщина, которая, конечно же, может выбрать любого мужчину, какого только пожелает. — Глотнув пива, я за стаканом скрыл усмешку.

— Ах, значит, вы один из них, — хихикнула она. — С лестью вы далеко не пойдете, сэр.

— Никакой лести. Просто констатирую факт. И я уверен, что любой присутствующий мужчина согласится со мной.

— Хотите проверить теорию?

— Во что бы то ни стало, мисс...?

— Равенна, — насмешливо бросила она, озорно блеснув светло-голубыми глазами. — Иден Равенна.

Разумеется, ее имя было экзотическим и соблазнительным.

— Итак, мисс Равенна, продолжайте. Я не произнесу ни слова.

И тот же самый момент выбрал бармен для своего появления у нашего конца стойки с тряпкой в руке. Увидев, что я держал в руке бутылку, он посмотрел на Иден и улыбнулся.

— Могу я принести вам напиток?

— Джин с тоником, пожалуйста, — попросила Иден, указав на бейдж бармена. — Мартин, не мог бы ты ответить на один небольшой вопрос?

— М-м, конечно. — Парень заинтересованно посмотрел на меня и на нее.

— Ты бы назвал меня великолепной и уверенной в себе женщиной, которая...как ты сказал, Ксандер? — уточнила Иден, повернувшись ко мне.

— Которая может выбрать любого присутствующего мужчину, — ответил я, забавляясь и пряча улыбку за горлышком, когда глаза бармена немного вылезли из орбит.

Иден внимательно наблюдала за ним, не двигаясь, не моргая и ожидая ответа, словно он мог вылечить рак или накормить голодающих детей. Несчастный парень был настолько сбит с толку, что я едва сдерживал смех.

— Да, гм, думаю, что так, — наконец согласился он, начав натирать тряпкой и без того чистую стойку.

— О, нет. Ответить нужно да или нет... — начала Иден, но я решил вмешаться, чтобы не смущать парня еще больше.

— Спасибо, что подыграл, дружище. Просто принеси даме ее напиток. — Как только Мартин был вне пределов слышимости, я повернулся, всецело увлеченной женщиной рядом со мной. — Ты — зло.

— Да, но ты должен признать, что его реакция была бесценна.

— Согласен, и он доказал, что моя теория верна, поэтому что я получу?

Пожав плечами, Иден выхватила у меня бутылку и сделала большой глоток.

— Как насчет того, чтобы ты назвал свою цену, и я сказала, приемлема ли она?

Хитрая лисица.

Побарабанив пальцами по стойке, я воспользовался долгожданными переговорами, чтобы внимательней рассмотреть Иден. В клубе было темно, но я все равно ее видел. Ангелоподобная, но все же сексуальная, она, вне всяких сомнений, была самой красивой женщиной из всех, которых я встречал в своей жизни. Приходя сюда, я не собирался ни с кем знакомиться, но пять минут с ней и ее острым язычком, как мне не хотелось ничего, кроме еще пяти.

— Останься и выпей со мной, — предложил я после коротких раздумий.

— Я бы выпила, — Иден сделала еще глоток, — но ты будешь должен мне танец.

— Договорились, но сначала я хочу вернуть свое пиво, — возразил я, выхватив из ее руки «Корону».

— Справедливо. Признаю, я заинтересована, вот только...

— Да? — наморщил я лоб.

— Почему такой красивый мужчина пришел в клуб один?

— Могу задать тебе тот же вопрос.

Мартин вернулся, на этот раз с бокалом в руке. Кривовато усмехнувшись мне, Иден вытащила из декольте несколько купюр и, подмигнув, протянула их бармену. Она сразу же размешала напиток и, подняв стакан, сделала большой глоток.

— Я и не одна. Мои друзья слишком пьяны, и я не хотела играть в DD, поэтому ушла. Скорее всего, они считают, что я сейчас уже на полпути домой.

— Какой ты хороший друг, — пошутил я.

— Знаю, — она повела плечом, — но я всегда DD. Сегодня вечером я не в настроении играть няню.

Да, сущая правда...

— Могу себе представить. Со мной то же самое.

— Серьезно?

— Я здесь по просьбе соседки, — кивнул я, залпом допив остатки пива. — Ее младшему сыну только исполнился двадцать один, и она попросила присмотреть за ним и его приятелями.

— Какой ты хороший сосед, — поддразнила Иден.

— Ага. Ну, мы только приехали сюда, и не пройдет много времени, как парни будут в стельку. Здесь я не в своей тарелке.

— А где в своей?

— Где угодно, только не здесь, — рассмеялся я, жестом заказав у Мартина еще одну «Корону».

Час спустя мы с Иден выпили уже по третьей и болтали под оглушительные звуки ремикса Adventure Club's «Crave You», ревевшего из динамиков вокруг нас. Между ощутимым притяжением и флиртом, в процессе которого я не хотел ничего, кроме как пить джин прямо с полных губ Иден, я узнал, что она родилась в Нью-Йорке, воспитывалась отцом. На три года моложе меня, любимый цвет — красный, также у нее было три старших брата, и ее отец владел престижной фирмой «Равенна моторс». Иден была моей полной противоположностью, живя в роскоши высшего сословия. Элита нашего города, в то время как я был обычным бедняком. Однако вела она себя совсем иначе. Что было неожиданно и свежо.

— Что насчет тебя? — спросила Иден, глядя на меня поверх стакана и допивая остатки коктейля.

Вздохнув — и внутренне поежившись от сочувствия, которое неизбежно последовало бы — я открыл рот, чтобы представить Иден обрывки и куски того, кто некогда был Ксандером Ройсом, но не успел произнести и слова. Мой телефон на стойке засветился, как маяк, и на экране замаячило еще одно сообщение от Джексона. Он писал мне уже трижды с тех пор, как мы расстались на входе, и его сообщения не остались незамеченными для Иден. Наклонившись вперед, она положила руку на мое колено, и нажимом, отозвавшемся во всем моем теле, предложила хотя бы раз провести именинника.

— Тогда соседка не сможет сказать, что ты нарушил слово.

Она была права, я и сам знал, и вопреки своему нежеланию тащиться туда, в данном случае мне пришлось. Помимо прочего, так я спасся от необходимости рассказывать о своей жизни. Она была более чем посредственной, с толикой депрессии. Кто, черт возьми, вообще захочет о таком слушать?

Когда я поднялся по лестнице и прошел мимо вышибалы, то поразился тому, что Джексон в принципе смог мне написать. Он был пьян, как и его приятели, и группа девушек, толпившихся вокруг. Мне казалось, что я смотрел повтор собственной молодости. Старые добрые беззаботные дни. Хохотнув, я тряхнул головой и, сжав плечо Джексона, протянул ему руку. Он же в замешательстве уставился на меня остекленевшими глазами.

— Ключи! — прокричал я ему на ухо, и он нахмурился, но мой твердый кивок заставил его быстро порыться в своих карманах.

Бросив ключи мне в ладонь, Джексон злобно посмотрел на меня, прежде чем раздраженно фыркнуть и плюхнуться на ближайший стул. Я закатил глаза. Он мог бросать на меня сколько угодно злобных взглядов. Меня не волновали истерики. Одно дело позволить парню напиться, и другое — пустить его за руль в нетрезвом состоянии. Я не собирался нести ответственность за его жизнь — или чью-либо еще — особенно когда Нэнси именно поэтому попросила меня присмотреть за ним. Тем не менее, Джексон быстро

забыл о расстройстве, когда снова наполнил стакан, и милая маленькая брюнетка приземлилась к нему на колени, прижавшись грудями к его лицу.

«С днем рождения, Джексон», — подумал я и потянул Иден за руку к небольшой будке в углу. Но она потянула меня назад и, не успев я понять, что происходит, как прижалась ко мне.

Иден ухватила меня за рубашку и притянула ближе, пока не привстала на носочки в туфлях на высоких каблуках, приблизившись губами к моему уху.

— А теперь как насчет танца?

— Где? — ухмыльнулся я и, откинувшись назад, развеселено выгнул бровь. — Здесь?

— Да, почему нет? Посмотри по сторонам. Здесь много людей танцуют. Мне нравится. Темнота, уединение.

— Ты так и напрашиваешься на неприятности, да? — Я обвил руками тонкую талию Иден, медленно скользнув к пояснице.

— С каких это пор танцы считаются неприятностями?

— Не считаются, но то, как ты выглядишь, и несколько кружек пива могут затуманить мой разум.

— Думаю, это ваша личная проблема, мистер Ройс, — распутно промурлыкала она голосом, полным страсти и неприкрытого искушения.

— Моя проблема станет совсем не личной, когда ты обнаружишь, что умоляешь меня отвести тебя домой. — Словно сами по себе, мои пальцы вжались в ткань платья Иден, и я легко провел кончиком носа по ее шее.

Вздвигнув рядом со мной, Иден склонила голову набок, открывая мне доступ и в то же время отрицая мои слова. Но ее возражения затерялись из-за внезапного изумления, мгновенно поглотившего меня. Сладкий запах Иден, ее близость и ощущение ее в моих руках — пьянящее сочетание, подпитывавшее желание поглотить ее целиком и с каждой проходившей минутой истончавшее мою сдержанность. Взяв Иден за запястья, я поднял их к себе на плечи, увлекая ее в танце, в то время как песня быстро сменилась с «Shape of You» на «Despacito». Чувственные ноты нового ритма привлекли ее до невозможности близко. Голубые глаза серьезно смотрели на меня, нежные пальцы перебирали мои волосы, и наши тела плавно двигались, как две части головоломки, предназначенные соединиться. Я никогда не испытывал ничего подобного. По крайней мере, настолько сильного, масштабного и вызывающего привыкание больше, чем любой наркотик. Я жаждал следующей дозы, а ведь еще даже не попробовал Иден...

Одна песня постепенно сменялась другой, и весь мир вокруг нас перестал существовать. В тот момент я был настолько поглощен Иден, что даже не заметил, как далеко мы зашли, пока она не впечаталась спиной в стену. Пускай ее смех был заглушен «Cheap Thrills», но улыбка ослепляла не меньше, заставив меня улыбнуться в ответ. Иден была чертовски великолепна, и я основательно влип.

Обвив ногой мою талию, она потянулась к моему уху, почти прикоснувшись к нему губами.

— Думаю, нам пора уходить, — прошептала она.

— О, да? И куда же? — спросил я, прижимая ее к стене.

— Возможно, в какое-нибудь уединенное место, например, к тебе домой?

Да.

Обрадованный предложением, я опустил руку на бедро Иден и скользнул ладонью по ее

мягкой коже к колену, оставляя мурашки.

— Тогда поехали ко мне, но просто для справки, я же говорил, что так и будет.

Она густо покраснела, глядя на меня из-под черных ресниц. Кивнув, Иден притянула меня еще ближе, и ее алые губы оказались прямо под моим ртом, дразня своей близостью.

— Прекрати поучать меня и просто уже поцелуй.

— Я тебя не поучал, — я соприкоснулся с ней губами, — лишь высказал свою точку зрения, — еще одно соприкосновение. — Но твое желание для меня закон.

Глава 10

Сюрприз

Иден

Поцелуй обжег меня, послав горячую волну желания вниз по позвоночнику прямо к теплому месту между бедер. Я не могла насытиться, что становилось очевидно по тому, как я пожирала рот Ксандера, кусая и посасывая его губы, словно оголодавшая женщина. Тем не менее, он не отставал, крепко держа меня за волосы, пока наши языки сражались на дуэли. И его прикосновения — боже, его прикосновения — затягивали, посылая по моей коже сотни раскаленных добела мурашек, а ведь он почти не дотрагивался до меня. Не будь мы на публике, где любая форма личного контакта не оставалась незамеченной, я бы позволила Ксандеру взять свое прямо здесь. Я чувствовала себя подобно бешеному животному и, возможно, поэтому предложила поехать домой, чтобы получить больше. Мне нужно было почувствовать его кожей к коже, как он навалится на меня своим тяжелым телом, ощутить прикосновения без преград и границ. Примитивная и неоспоримая потребность, не подчинявшаяся моей воле, и хоть я еще не осознала, но также она перевесила все предшествующие обязательства. Что я начала понимать, припарковавшись на дорожке у его дома...

Остановившись рядом с мотоциклом Ксандера, я посмотрела в зеркало заднего вида, что было продиктовано темной и крайне раздосадованной частью меня. Каким-то образом я отключилась от своего альтер-эго, которое теперь восстало с удвоенной силой. Она хотела напомнить о цели нашего приезда сюда и о том, что всего несколькими часами ранее я сидела в машине на противоположной стороне дороги, наблюдая за домом мистера Ройса, куда приехала с одним-единственным намерением.

Убить его.

Однако стоило мне его увидеть, как все платы полетели в топку. Пробегаясь по нашему списку, моя вторая половина упорно старалась вернуть меня на путь, но хоть ее голос и был довольно громким, усилия оказались тщетны, во многом, как и мои собственные в краткие моменты ясности. Но ей было плевать на мою способность подчинить ее, поэтому она использовала мой вспыхнувший голод в своих интересах, подсознательно направляя меня к безупречному соблазнению, которое привело нас с Ксандером к уединению.

И вот я оказалась здесь, снова парковалась возле его дома, вот только меня тошнило от мысли о том, чтобы причинить ему боль. Что, черт возьми, мне было делать?

«Сосредоточиться, Иден, вот что. Мы уже на шаг ближе», — прошептало мое альтер-эго, и я тяжело сглотнула, в то время как от отвращения у меня скрутило живот.

Но я не могла позволить Ксандеру видеть себя такой. Если бы он почувствовал неладное, пришлось бы объясняться, а я не хотела врать больше, чем наврала уже. Когда, наконец, я вышла из машины, хладнокровная и собранная, насколько только могла, Ксандер уже снял шлем. Под пристальным взглядом его карих глаз я хлопнула дверью и заперла своего зверя щелчком кнопки на брелке. Несколько секунд Ксандер с любопытством переводил взгляд с меня на черную пулю, прежде чем легким кивком указал на дом и протянул мне руку. Со слабой улыбкой я гордо прошла к нему и, взяв под руку,

почувствовала под своей ладонью выпирающие мышцы, пока он вел меня к двери.

— Ты же знаешь, о чем я хочу спросить, да? — начал Ксандер, поигрывая со своим брелком на ключах.

— О чем?

— GranTurismo?

— Ох, — я рассмеялась, стараясь выглядеть беспечно. — Новая игрушка моего папочки. «Того же папочки, который, как ты думаешь, владеет "Равенна моторс"».

— И он просто позволил тебе сесть за руль?

— Я же его малышка, его маленький ангел. Я прошу, и он всегда разрешает.

— Ты ангел, конечно же, — прошептал Ксандер, притянув меня к себе и обняв твердой рукой за талию.

Неправда.

Полнейшая неправда.

Я сглотнула, избавляясь от кома, вставшего у меня в горле из-за неловкости. Проведя пальцем с черным маникюром по челюсти Ксандера, я цыкнула и покачала головой, надеясь замаскировать страх, побежавший по моим венам.

— Вы не представляете, как далеки от истины, мистер Ройс.

— Пойдем. — Прикусив мой палец, Ксандер вставил ключ в скважину, совершенно не обеспокоенный моим признанием. — Для начала давай зайдем в дом, и потом ты сможешь показать мне, насколько дьявольской можешь быть на самом деле.

В доме было темно, и все, что можно было разглядеть — тени на стене, отбрасываемые уличными фонарями. Пока я закрывала дверь с тихим щелчком и запирала ее, Ксандер включил свет. Пройдя далее в слабоосвещенную прихожую, я осмотрела место, которое он звал домом. Типичная холостяцкая квартира — современна и удобная, оформленная в разных оттенках синего цвета с черными элементами. В глаза бросалась только серая стена, отделявшая гостиную от кухни. Полки были заставлены атрибутикой ретро автомобилей, начиная с фотографий, заканчивая значками, и десятками миниатюрных моделей «Diecast».

— Могу я угостить тебя выпивкой? — спросил Ксандер с кухни, привлекая к себе внимание.

— Что у тебя есть?

Открыв холодильник, он заглянул в него.

— Пиво, пиво...и еще пиво.

— Тогда пиво, — язвительно заметила я, прислонившись к стойке из искусственного гранита, пока Ксандер скручивал крышки с двух бутылок.

Я протянула руку в ожидании, но он покачал головой и прижал меня к обеденному столу неподалеку. Я оперлась ладонями на прохладное стекло и приподнялась, раздвинув ноги, чтобы Ксандер мог встать между ними, отчего мое платье задралось до неприличия высоко. Прижавшись губами к моей шее, он осыпал поцелуями ее и подбородок, после чего обжег ими мой рот.

— М-м, — улыбнулась я, почувствовав его ответную улыбку.

Отодвинувшись с ухмылкой, Ксандер сунул мне в руку бутылку, конденсат которой намочил мое бедро. Чокнувшись, мы сделали по большому глотку, не отводя друг от друга глаз.

— Просто чтобы ты знала, — начал он, поставив бутылку на стол рядом со мной. — Я не часто это делаю.

— Разве не все так говорят? — ухмыльнулась я.

— Ну, наверное, да, но...

— Тс-с, — приложила я палец к его губам. — Я шучу и могу заверить, что не осуждаю тебя, Ксандер. Часто ты это делаешь или нет, я не имею права судить, ведь сама попросила тебя привести меня сюда. В любом случае, секс на одну ночь — норма в наши дни. В этом нет ничего плохого.

— Знаю, просто хочу быть честным. Не пойми меня неправильно, беспорядочные связи — все, что я позволял себе на протяжении последнего года или около того, но лишь потому, что у меня нет времени на отношения.

Тревоги в его глазах вкупе с вдумчивыми словами хватило, чтобы я растаяла. Самый верный и мудрый совет, услышанный впервые за долгое время, который не волновал большинство мужчин. Возможно, Ксандер спал с женщинами, как и сказал, но имел на то полное право, особенно если поступал благородно и не играл с их чувствами.

— Знаешь, ты слишком милый и мудрый для своих лет.

— Мне пришлось быстро повзростеть, — пожал плечами Ксандер, словно не впервые слышал что-то подобное.

— Могу себе представить, — призналась я на грани с серьезностью, поскольку видит Бог, это было чистой правдой. Учитывая, что мать бросила меня, и все тяготы семейной империи, я в детстве узнала гораздо больше, чем должен знать ребенок.

Краткий миг Ксандер наблюдал за мной, затем вздохнул и прижался лбом к моему лбу.

— Я только что убил момент, да?

— Неа. — Отставив бутылку, я обняла его за шею. — Мы просто на минутку отвлеклись, вот и все.

— И как же вы предлагаете спасти ситуацию, мисс Равенна? — томно спросил он, чем мгновенно зажег огонь в моей крови, сжегший все тревоги до пепла.

— Ну, ты можешь начать с того, чтобы эти губы были ближе, — прошептала я.

— Насколько ближе?

— Очень близко...

Только слова вылетели из моего рта, как Ксандер поцеловал меня, на этот раз нежнее и медленнее, но ничуть не менее голодно и страстно. Большие ладони скользнули по моим ногам, которыми я обвила Ксандера, сцепив лодыжки, чтобы притянуть его ближе к столу, пальцами теребя пуговицы его рубашки.

Распаляясь, он провел языком по моим губам, стремясь проникнуть между ними, и я открыла для него рот, постанывая от покачивания его бедер. Когда последняя пуговица была растегнута, я стянула рубашку с плеч Ксандера, и он скинул ее, не заботясь, что она упала на пол. Я успела увидеть проблеск его тела, прежде чем он схватил меня за волосы и, прижав мою голову к твердой поверхности позади, обнажил мою шею.

— Ксандер... — тяжело выдохнула я, когда он задел губами чувствительное место на моем горле.

Хмыкнув, он повторил свой подвиг, и затем внезапно мы пришли в движение, практически вслепую двигаясь по слабоосвещенному дому, пока наши рты снова столкнулись в безумстве отчаянного поцелуя. Толкнув дверь в комнату, которая, как я предположила, была спальней, Ксандер бросил меня на кровать и с диким блеском глаз растегнул ремень. Я лежала перед ним, затаив дыхание, наконец-то сумев рассмотреть его и оценить каждый сантиметр совершенного тела, когда злобный голосок у меня в голове

завопил — пронзительно и маниакально — требуя взять ситуацию под контроль.

Но я слишком потерялась в моменте, чтобы прислушаться к его зову. Раз уж я умела заглушать свою вторую сторону изо дня в день, выпуская, если только мне нужно было заняться работой, значит, могла бы не обращать на нее внимания сейчас. Я никогда не хотела ни одного мужчину так сильно, как Ксандера, и собираться, мать ее, получить его.

Он снял джинсы, упавшие к его ногам, и остался в темно-синих боксерах, ничего не оставлявших на волю воображения. От трепета у меня рот наполнился слюной. Чем дольше я рассматривала Ксандера, тем больше убеждалась в его уникальности. Черные волосы, карие глаза, смуглая кожа, рельефное тело, включая проклятый пояс Адониса, и большой член — однозначно мой образец идеального мужчины. Тут же я начала предвкушать момент, когда увижу его полностью обнаженным.

Вот только Ксандер стоял передо мной, а в следующий момент уже целовал мои ноги, в том же ритме поглаживая их кончиками пальцев. Чем ближе он подбирался к моим бедрам, чем сильнее я выгибалась, закрывая глаза от блаженства и беспощадного желания, разгоняющего кровь в моих венах. Я позволила Ксандеру шире раздвинуть мне ноги, давая ему доступ к самой интимной части моего тела. Продолжая подниматься, он покусывал чувствительную кожу внутренней стороны моих бедер — сначала одного, потом другого. И затем я почувствовала, как Ксандер едва уловимо коснулся кончиком носа середины моих кружевных трусиков. Задрожав, я задержала дыхание. Рычание, вырвавшееся из груди Ксандера, было таким примитивным и звериным, что я не могла не извиваться в его руках и не мяукнуть, как котенок, умоляющий о ласке.

— Ты так хорошо пахнешь, — процедил он с еще одним рычанием. — И я догадываюсь, что на вкус ты еще лучше.

— Тогда попробуй меня... — попросила я.

— Этого ты хочешь?

— Черт, да.

— Черт, да что? — уточнил Ксандер, запустив палец в мое белье.

— Черт, да, я хочу, чтобы ты лизал мою киску, — выпалила я, выгибаясь от его прикосновения.

— М-м, как грубо, ангел. В жизни бы не подумал, что такие слова вылетят из твоего рта, но, должен признать... мне нравится.

«Мне тоже нравится, а теперь продолжай...»

Я была не просто возбуждена, а страдала, и горячее место у меня между ног пульсировало от нужды.

— Ксандер...

— Да?

— Пожалуйста...

— Что?

— Прикоснись ко мне, попробуй меня, трахни, пожалуйста, сделай хоть что-нибудь, — захныкала я, беспокойными руками беспорядочно водя по своему телу.

Зловеще рассмеявшись, Ксандер положил руку мне на живот и сдвинул мои трусики вбок. Подчинившись моей просьбе, он снова провел носом у меня между ног, и я задрожала. Только на этот раз у Ксандера на пути не стояло кружева и ничего иного, что помешало бы ему пировать на живой плоти.

— Просто расслабься, — промурлыкал он, раздвинув мои скользкие половые губы. — Я

все сделаю.

И Ксандер сделал. Действительно, черт его дери, сделал.

Умело — неподходящее слово для описания магии, которую он творил своим ртом. Язык, губы, зубы — Ксандер пользовался всем, чтобы вести меня к пропасти экстаза. Каждое облизывание, каждый укус и засос толкал меня вверх по склону, пока Ксандер стремительно двигал головой из стороны в сторону, пожирая меня так, словно я была его последней трапезой.

— Боже, черт возьми, какая ты вкусная, — прорычал он, упиваясь мной и поднимаясь до клитора. Пальцами Ксандер вошел в меня, двигаясь внутри и дразняще кружа по той точке внутри, от прикосновения к которой я задыхалась.

Обеими руками крепко вцепившись в его волосы, я качалась на волнах удовольствия, крепко зажмурился глаза, когда глубоко в моем животе начала стремительно раскручиваться пружина.

— Именно так. Вот тут, — застонала я, потершись о язык Ксандера. Отчаянно. Бесстыдно. В секундах от оргазма.

Он застонал, довольный разыгравшейся перед ним сценой, и удвоил усилия, чтобы разбить меня на миллион осколков. Мне хватило изгиба его пальцев внутри меня и того, как он сомкнул клитор между своими губами, скрутив его как торнадо F5. Разлетевшись на части, я прижалась к рту Ксандера, когда оргазм накрыл меня.

Запыхавшаяся, подрагивавшая и пораженная, я почувствовала, как он стянул трусики по моим подрагивавшим ногам и бросил на пол. Ксандер снова меня облизнул, и мои бедра чуть не взлетели над постелью, настолько я еще была чувствительной после его атаки.

— Уже достаточно? — порочно улыбнулся Ксандер, отодвинувшись от меня, и матрас под ним прогнулся.

— Ничуть, — выдохнула я, — но если трахнешь меня сейчас, это будет лишь вишенкой на торте.

— Ты очень хочешь меня внутри, Ангел?

— Это не желание, это необходимость, — захныкала я, когда его член ткнулся мне между ног, поддразнивая вход.

Удовлетворенно хмыкнув, Ксандер приподнял на мне платье.

— Тогда давай разденем тебя, хорошо? Хочу посмотреть, как каждый дюйм твоей кожи покраснеет от моих прикосновений.

Разденем. Поначалу я не поняла. Я обо всем забыла, пока не обнаружила, что осталась в одном лишь лифчике. Туман рассеялся, и я точно знала, что произойдет затем. Точно знала, в какой момент Ксандер заметил, что крылось под моим платьем все это время, и замер надо мной.

— Что это? — спросил он.

Я вытащила лезвие из тонкой кобуры, закрепленной на туловище, и подняла его к полоске лунного света, лившегося из окна прямо за кроватью. Один лишь вид металла, ярко блеснувшего во тьме комнаты, напомнил о моей задаче. Пресыщенная и расслабленная, я больше не прилагала сил, чтобы сдерживать свою темную сторону, и без какого-либо предупреждения позволила ей завладеть моим телом и разумом.

— Что это? — повторил Ксандер. — Если точнее, зачем оно тебе?

Сейчас...или никогда.

— В наши дни люди сумасшедшие, и некоторые из них кажутся практически

невосприимчивыми к баллончику, — уклончиво повела я плечом, посмотрев Ксандеру в лицо, на котором застыло встревоженное и озадаченное выражение. — Должна же я как-то защитить себя. Но, если честно... — я толкнула его в грудь и, перекатив на спину, прижала к постели, — ...я собираюсь этим самым оружием убить тебя.

Глава 11

Крестиком отмеченное место

Ксандер

— Что ты сейчас сказала? — спросил я, уверенный, что ослышался.

Изогнув губы в зловещей ухмылке, Иден низко склонила голову, осыпав мою шею поцелуями, от которых я поежился.

— Ты слышал меня, Ксандер. Время вышло.

Я замер под ней, и мое сердце забилось с такой пугающей скоростью, что я мог слышать стук крови в ушах и чувствовать, как она бежит по моим венам.

«Какого хрена сейчас происходит?»

Мир вокруг меня вырвался из-под контроля, мой разум одновременно атаковали десятки вопросов, но самым срочным был почему? Но тогда...тогда до меня дошли последние слова Иден, и внезапно меня озарило...

— Тебя...послал Скарзи?

Иден кивнула, дьявольски блеснув голубыми глазами, ясность которых пленила меня, как и ранее в клубе. Вот только на этот раз в них не было света. Темные пустые омуты. Мрачные и смертоносные. Я наблюдал, как Иден, словно доктор Джекил и мистер Хайд, в мгновение ока превратилась из любовницы в убийцу — самая пугающая и прямо-таки страшная метаморфоза из всех, что я повидал в своей жизни. Мы оба молчали, и я смотрел на нее, гадая, как такое возможно. Как я мог не знать? Как мог даже не подозревать? Могла ли такая красивая, обаятельная и остроумная женщина преклонить колени у дьявольского алтаря, когда напоминала ангела?

— Ха, значит, вот почему ты улыбнулась мне? — спросил я, даже если не хотел озвучивать свой вопрос. — Чтобы приманить меня своим очарованием?

— Бинго, — откровенно ухмыльнулась Иден, обведя лезвием вокруг пальца. — Однако признаюсь, что ты не самая простая цель.

— Почему? — осмелился спросить я.

— Потому что с того момента, как я тебя увидела, моя обычная способность сосредотачиваться вылетела из окна. Что-то в тебе...отличалось, и чем бы оно ни было, весь вечер мешало мне следовать плану.

— И какой у тебя был план?

— Честно? Никакого. Думаю, можно сказать, что я действовала по наитию, — пожала плечами Иден.

После ее признания у меня не нашлось слов. Я не мог поверить, что все происходило на самом деле. У меня уже было жуткое предчувствие, что молчание Скарзи означало, что он придумывал некий план, но в то же время надеялся, что, быть может, он на самом деле решил пощадить меня после всех этих его «вы мне нравитесь» и «у вас есть потенциал». Надо думать, ублюдку я ни капли не нравился, что, откровенно говоря, не удивило меня. Пока Скарзи говорил все эти слова, я помню, как подумал, что он лукавит. Как оказалось, я не ошибся.

В то время как мои мысли шли в мрачном направлении, включавшем маму, я понял, что

взгляд Иден не дрогнул с тех пор, как она перекатила меня на спину и столкнула мой мир в некое адское измерение. Что творилось у нее в голове? Сколько людей она убила? Был ли я у нее первым? Как она умудрялась оставаться такой хладнокровной? Праздно я удивился тому, насколько спокойным оставался в крайне пугающей ситуации, но предположил, что просто пребывал в шоковом состоянии. Или же я подсознательно ожидал, что должно что-то произойти. Я прекрасно понимал, что ставки высоки, с того самого дня, как вышел из офиса Скарзи с последним чеком. Он предупредил меня. Выдвинул простые четкие условия, и я, в конце концов, их не выполнил. Тем не менее, я ничего не мог сделать иначе или изменить. Просто ситуация действительно вышла из-под контроля, и если бы не произошло какое-нибудь чудо, способное изменить мою жизнь, у меня бы не нашлось денег для выплаты даже со снятыми процентами. Видит Бог, я испробовал все, что было в моих силах, но не смог изменить факты и погасить долг.

Голос Иден, нежный, но соблазнительный, ее красивое лицо в нескольких сантиметрах от меня быстро переключили мое внимание на нее.

— Ты довольно красив, Кси. Какая жалость, что мне придется тебя убить, — проворковала она, проведя кончиком острия по моей груди. — Но здесь командует Скарзи, и как бы я не хотела освободить тебя, у меня достаточно грязных секретов, чтобы хватило на всю жизнь.

Все мои инстинкты требовали обороняться, и я мог бы, будучи крупнее и, несомненно, сильнее Иден, но вместе с лезвием она держала в руках всю власть. Любое резкое движение могло ее спровоцировать, но если она действительно чувствовала хотя бы каплю эмоций, которые я видел в ней весь вечер, тогда, возможно, эта спасительная малость могла помочь мне убедить ее.

— Ты не можешь меня убить. — Я схватил ее за запястья не грубо, но с достаточной силой, чтобы удержаться.

— О, ну я могу, — вырвалось у Иден. — И убью, потому что иначе под угрозой окажется моя жизнь, а мне очень нравится быть в мире живых.

— Кто ты? — недоверчиво спросил я, задумчиво прищурившись.

— Я — олицетворение смерти, Ксандер, и, возможно, твой худший кошмар. Пусть это будет тебе уроком, что нельзя говорить с незнакомыми людьми, хотя тебе уже можно не беспокоиться, потому что, знаешь ли...

— Нет. Я имел в виду, кто ты? Куда пропала добрая, игривая и сексуальная женщина, которую я встретил в ночном клубе несколько часов назад?

— Она прямо здесь, но это моя работа, способ добыть средства к существованию, и хоть я была искренна в каждом сказанном слове с самого знакомства, я не смогу соврать Скарзи. Он, и глазом не моргнув, убил бы нас обоих, если бы узнал, что по каким-то причинам я тебя отпустила.

— Но зачем посылать тебя? Почему он не смог просто прийти и убить меня сам? — развил я тему, надеясь отвлечь Иден вопросами.

— Потому что Винсент Скарзи больше не пачкает руки.

— И как... как ты попала под его крыло?

— Он дружит с моим отцом, — отрезала она голосом, лишенным всяческих эмоций, и снова опустила острие ножа на мою грудь.

Она поднималась им все выше и выше, медленно и твердо в одном ритме с моим тяжелым дыханием. Я в панике наблюдал, подмечая, насколько сосредоточена была Иден на

том, чтобы провести идеально прямую линию. Чем дальше она заходила, тем прерывистей я дышал, пока не стиснул зубы и не сощурился. Я продолжал надеяться, что мне просто снился своего рода кошмарный сон, от которого можно было вот-вот проснуться. Но спасения не было, и когда Иден твердо сжала пальцами мое горло, я знал, что время истекло. Сколько бы я ни пытался ее разговорить или отвлечь, это не помешало бы ей сделать то, зачем послал ее Скарзи. Иными словами, я был чертовым покойником.

Задрожав в захвате Иден, я сжал ее запястье.

— Иден, ты не можешь так со мной поступить, пожалуйста.

— Я должна, Кси. Мне очень жаль. Просто закрой глаза, задержи дыхание и сосчитай до десяти. Я все сделаю быстро, обещаю.

— Иден. Не делай этого.

— Раз... — Она еще крепче прижала меня к постели.

— Иден.

— Два...

— Иден, послушай меня, пожалуйста.

— Три...

— Ты выше этого! — испуганно выпалил я, но она покачала головой, уверенно продолжив.

— Четыре...

— Ты лучше, я знаю, что лучше.

— Пять...

— Иден, — в отчаянии снова попробовал я.

— Шесть...

— Пожалуйста, — взмолился я.

— Семь, — ее голос дрогнул.

— Пожалуйста, не надо.

— Восемь...

— Ты не понимаешь, — взмолился я дрожащим голосом, и на глаза навернулись непрошеные слезы, пока Иден удерживала мою челюсть, вдавив лезвие в горло.

— Девять...

— Подумай об этом, прошу тебя. — Я сглотнул, чувствуя небольшую боль. — Если убьешь меня, у моей мамы никого не останется. Ни души. Она итак через многое прошла. Моя смерть лишь сильнее раздавит ее, а у нее осталось совсем мало времени. Иден, я отдам тебе, что пожелаешь, все, что у меня есть. Это не так много, но...

— Но ты готов на все ради нее, — тихо закончила она.

— На все, — кивнул я.

Казалось, время остановилось, пока Иден оценивала меня, и у нее на лице застыло непонятное выражение. Хотел бы я сказать, что видел, как в ее голове проворачивались шестеренки, но нет. Оно было совершенно...пустым.

— Как ты можешь быть таким самоотверженным, даже когда на кону стоит твоя жизнь? — наконец спросила Иден так тихо, что я едва ее услышал.

— Потому что без нее моя жизнь бессмысленна. Я просто хочу провести рядом с ней то недолгое время, которое у нее осталось...и затем ты можешь убить меня.

— Она больна? — округлила глаза Иден и, внезапно передвинувшись на мне, свела брови.

— Рак, — снова кивнул я, переводя взгляд с ее лица на оружие у нее в руке.

— Мне жаль... должно быть, это...

— Сложно, — усмехнулся я. — Так и есть. А еще несправедливо.

— По крайней мере, мама любит тебя, Ксандер. — Иден посмотрела вдаль. — Моя мать не хотела иметь со мной ничего общего и отдала меня отцу через считанные часы после родов. Полагаю, внебрачный ребенок плохо сказывался на ее распутном образе жизни.

Я не находил слов. Да и, черт возьми, что тут скажешь? Иден только что угрожала лишиться меня жизни, и я все еще не мог посочувствовать ей. Мамино время быстро утекало, что угнетало меня так, как не пожелаешь и врагу, но я хотя бы знал ее, чувствовал ее любовь и поделил с ней значительную часть моей жизни. Иден же ничего этого не испытала, и я гадал, могло ли отсутствие материнской ласки стать одним из демонов прошлого, сделавшим ее такой.

— Мне жаль, — все, что я мог сказать, однако был искренен, не в силах вообразить свое детство без мамы.

— Не стоит, — покачала головой Иден, встретившись со мной взглядом. — Я заслужила каждую толику страданий, выпавших на мою долю, и даже больше. Отказ моей матери был кармой, положившей начало тому отчаянию, которое позже в жизни я принесла другим людям.

Я открыл рот, собираясь возразить и сказать, что такого никто не заслуживает, но она прижала палец к моим губам, не дав словам вырваться на свободу.

— Это прошлое, и его не изменишь. Насколько я знаю, родившая меня женщина мертва. Но будущее... — Иден швырнула лезвие на пол, — ...я изменить могу. Ты не имеешь права умирать, Ксандер. Ты — хороший человек, а твои намерения еще лучше, и я обещаю тебе, что найду способ разобраться со Скарзи.

От изумления я округлил глаза. И вот я снова видел, как сработал переключатель, что оказалось не менее страшно, чем в первый раз. Страдала ли Иден биполярным расстройством? Шизофренией? Наверняка хоть чем-нибудь...

— Я...я не знаю, что сказать...

— Просто скажи, что однажды, будь то через пять дней или двадцать лет, ты найдешь в себе силы простить меня за то, что я чуть не совершила величайшую ошибку. — Иден наклонилась вперед, поймав мой взгляд светло-голубыми глазами, полными слез, и нежно расчесала пальцами одной руки мои волосы. — За то, что чуть не лишила тебя жизни, на которую ты имеешь право, и чуть не отняла у твоей мамы ее самое дорогое сокровище.

Глава 12

Вторые шансы

Иден

— Ш-ш-ш, — шикнула я на Джио, пока мы спускались по лестнице в подвал.

В доме темно и очень тихо, а это значит, что мы должны действовать бесшумно, иначе нас поймают. А если нас поймают, то у нас будут большие неприятности. Папа никогда не причинит нам вреда, но он будет очень зол, а я не хочу, чтобы он злился. Вот только я любопытная, и Джио тоже, поэтому всякий раз, когда папа спускается сюда с Алессио и Маттео, мы с Джио украдкой прячемся в тени и наблюдаем.

— Как думаешь, чему он их сегодня учит? — шепчет Джио позади меня.

Я осторожно заглядываю за угол и тяну его за руку, после того, как убеждаюсь, что все чисто.

— Не знаю, но я слышала, как папа сказал Маттео, что Лука, Камилло и Арло тоже будут здесь.

— Думаешь, он заставит их драться друг с другом?

— Возможно, — отвечаю я, но мы оба и так прекрасно знаем ответ.

Они будут драться, а папа и мистер Равенна будут наблюдать. Но не просто наблюдать — они будут учить их драться и как быть быстрее, лучше, сильнее. Иногда мне хочется, чтобы меня научили всему этому, но я знаю, что они никогда этого не сделают... потому что я девочка.

Мы с Джио наконец добираемся до нашего привычного укрытия в затененном углу и спешим усесться на бетонный пол. Неподалеку, на боксерском ринге, находятся папа и Алессио. На папных руках большие перчатки, и Алессио бьет по ним сначала одной рукой, потом другой. Каждый удар кажется сильнее предыдущего. Маттео и ребята Равенна сидят у стены и молча наблюдают, а мистер Равенна указывает на драку и говорит им что-то, чего я не могу расслышать.

— Интересно, что он им говорит, — произносит Джио то, о чем я размышляю про себя.

Пожимаю плечами и достаю из кармана куртки наполовину съеденный пакетик M&M's.

— Мне тоже. Будешь? — спрашиваю, насыпая небольшую горку в руку.

Мой брат одобрительно гукает, и я насыпаю немного и в его руку.

Поединок продолжается до тех пор, пока папа не хлопает перчатками друг о друга и гордо улыбается Алессио. Затем Алессио и Маттео меняются местами. Маттео не так уверен в себе, как наш старший брат, но он все же отбивает удар, когда папа выбрасывает руку.

— Через три года там буду и я, Лепесток, — тихо говорит Джио.

В его голосе нет страха, но нет и радости.

Из всех моих братьев Джио самый добрый. У него большое сердце — настолько большое, что он способен вызвать улыбку даже у самого плохого человека.

— Почему ты так в этом уверен? — спрашиваю я набитым шоколадной вкуснятиной

ртом.

— Потому что Алессио и Маттео было тринадцать, когда они начали.

— Ты боишься?

Джио издает недовольный звук.

— Нет... Я просто не хочу. Не хочу никому причинять боль.

— Ты и не должен никому причинять боль, Джи.

Кладу голову ему на плечо.

— Ты просто научись драться. Лучше тебе знать, как это делается, на случай если какой-нибудь тупоголовый хулиган будет задиравать тебя.

— Я знаю, как защитит себя, — бурчит он, положив свою голову на мою.

— Но ты не знаешь всего, и у тебя, так или иначе, есть возможность научиться. Меня вот папа никогда не научит ничему из этого.

— Потому что тебе это и не нужно, Лепесток. Для этого у тебя есть братья.

Я закатываю глаза, хоть он и не видит меня.

— Я знаю, что мне это не нужно, но я хочу. Все это выглядит таким увлекательным.

Я проснулась, открыв глаза в темной, тихой комнате от воспоминаний о нашем с Джио чрезмерном любопытстве. Это любопытство в конечном итоге привело нас туда, где мы сейчас находимся. Меня в большей степени, чем его, разумеется. Затем я поняла, что не одна. Рядом со мной лежало теплое тело, и сильная рука покоилась на моей талии, напоминая мне о том, где я нахожусь, вернее, где все еще нахожусь. Повернув голову, убедилась, что Ксандер крепко спит, а его брови сведены вместе, словно сны у него ничуть не более мирные, чем реальность, которой является его жизнь сейчас. Перевернувшись на бок, я воспользовалась редким моментом тишины, чтобы просто полюбоваться им, запомнить утонченные черты лица и запечатлеть их в памяти...

Потому что воспоминание — это все, чем он может быть.

Воспоминание о том, что он тот, кто сумел спастись.

Протянув руку, я провела пальцем по линии его челюсти, изгибу губ и бровям. Как один человек может быть настолько совершенным? Как он может быть таким бескорыстным и добрым, особенно после всего, что произошло? Я чуть не убила его, а он почти позволил мне сделать это. Он имел полное право дать отпор, сбить меня с ног и позвать на помощь, лишит меня оружия и вонзить его мне же в сердце. Он просто лежал там, будучи частично охваченным ужасом, частично растерянным. А по итогу, позволил мне остаться с ним в одной постели, нашептывая слова прощения, и перебирая пальцами мои волосы.

Он слишком хороший человек для такого поганого мира, как наш, и уж точно слишком хороший для такой, как я.

Именно с этой тягостной мыслью в голове я в последний раз поцеловала его в щеку, выскользнула из-под его руки и тихонько прошлась по комнате, собирая свои разбросанные вещи. Вид лезвия на потертом ковре потряс меня до глубины души, мгновенно напомнив, что Ксандер мог быть мертв, если бы наш разговор не повернулся так резко.

Я никогда не сомневалась в отношении тех, кто заслужил попадание в мой список, — в основном их досье говорило само за себя. Но Ксандер с самого начала был другим. Какая-то часть меня понимала, почему папа был в ярости, но другая часть не могла смириться с тем фактом, что обстоятельства, побудившие Ксандера взять деньги в долг, были явно не под его контролем.

Как мог мой отец не осознавать этого? Как мог он не сочувствовать этому?

Как только я оделась, взяла в руки свои любимые черные туфли, бросила последний взгляд на Ксандера через плечо и скрылась в предрассветных сумерках, задаваясь вопросом, что, черт возьми, я скажу своему отцу. Я обещала Ксандеру, что помогу ему выбраться из этой передраги, но не имела ни малейшего представления о том, с чего начать. Папа не прощал долги только лишь потому, что Алессио или я считали, что кто-то заслуживает прощения. На самом деле, он вообще не прощал долгов. Могла ли я признаться ему в том, что натворила?

Короткая прогулка до машины была холодной — прохладный осенний воздух вызвал появление мурашек на каждом сантиметре моей кожи. Я вздрогнула и скользнула на водительское сиденье, закрыв дверь как можно тише, и вставила ключ в замок зажигания. Мое сердце наполняло горе и чувство вины, пока я ехала прочь. Нуждаясь в том, чтобы отвлечься от своего внутреннего смятения, я взяла с пассажирского сиденья телефон и активировала экран, на котором высветилось множество неожиданных уведомлений. Шесть пропущенных звонков и пять непрочитанных сообщений...

«Уф-ф».

Я дождалась первого красного сигнала светофора в нескольких кварталах от дома Ксандера, чтобы быстро пролистать сообщения.

Папочка: Лепесток, я пытался дозвониться до тебя, но мой звонок был переведен на голосовую почту. Я лишь хотел, чтобы ты знала, что сегодня вечером твой брат наконец-то смог подняться. Ненадолго, но это уже неплохо. Если ты не дома, пожалуйста, будь осторожна. Люблю тебя.

Алессио: Ты получила известия от Па?

Алессио: Джио смог подняться, Лепесток. Он спрашивал меня о тебе...

Лука: Даже когда мне хочется злиться на тебя, я не могу. Прости меня...

Папочка: Я только что вернулся из больницы, а тебя все нет. Я начинаю волноваться. Пожалуйста, дай мне знать, что с тобой все в порядке.

— Бл*ть.

Вздыхнув, я швырнула телефон обратно на пассажирское сиденье, но он ударился о дверь и отскочил на пол.

Светофор загорелся зеленым, я прибавила газу, увеличила громкость на радио и машину заполнили ироничные слова песни «Хьюман», пока я оставляла улицы Бронкса позади себя. Я не сомневалась, что папа не будет спать, когда я наконец-то доберусь до дома. Возможно, он будет сидеть в библиотеке с книгой в руках и ждать в нетерпении, чтобы поинтересоваться, где меня носило всю ночь. Несмотря на то, что я взрослая женщина, это не означало, что он не потребует ответа. После неудачной операции у ЛеРу в прошлом месяце у него появилась новая привычка — постоянное беспокойство. Не то чтобы папа не волновался раньше, но теперь все стало гораздо хуже, и как бы часто мы с братьями не сообщали о себе, он не успокаивался, пока мы не добирались до дома в целостности и сохранности.

Но как я собираюсь все ему объяснить? Как собираюсь солгать отцу в лицо, чего никогда раньше не делала, и сообщить ему, что отправила Ксандера на вечный покой? Как собираюсь уберечь Ксандера?

Я не приблизилась к ответу ни на один из вопросов, когда въезжала через ворота на полукруглую подъездную дорожку нашего семейного поместья и парковалась на своем обычном месте позади автомобиля S-класса Алессио. Отсутствовала только машина Маттео.

«Ну, еще бы».

Он, вероятно, сейчас был на пути домой, после того как тайком улизнул из квартиры какой-то бедняжки, даже не попрощавшись. Я закатила глаза от одной только мысли об этом, ступила босыми ногами на булыжники, поднялась на цыпочках по лестнице, и как можно тише вставила ключ в замок. Меня встретила лишь тишина, когда я проскользнула в дверь и с тихим щелчком закрыла ее за собой. Старинная настольная лампа в гостиной была зажжена, как и несколько других ламп в доме, освещавших путь. Папа всегда оставлял их включенными для нас.

Молниеносно взбежав по парадной лестнице, я понеслась по коридору, изо всех сил надеясь, что папа уже спит. Но когда подошла к библиотеке, то заметила, что дверь приоткрыта, и из-под нее пробивается свет.

«Чтоб меня».

Прижимая к груди свои туфли и телефон, я подошла ближе, напряженно прислушиваясь к звукам в комнате. Здесь было так же тихо, как и во всем доме, и, глубоко вздохнув, я проскочила мимо двери, но остановилась, услышав резкое «Иден!».

Скорчив гримасу, я мысленно прокляла себя за глупость и вернулась на несколько шагов назад, толкнув дверь кончиками пальцев.

Папочка расположился на кожаном диване цвета эспрессо, скрестив ноги в лодыжках, с книгой в руках. Он посмотрел на меня из-за оправы своих очков для чтения, и его брови с любопытством приподнялись.

— И тебе доброе утро. Не хочешь рассказать мне, где ты была?

Его звучный голос был еще более пугающим и хриплым чем обычно, вероятно от недосыпа.

Я замерла на пороге как провинившийся ребенок, которого только что поймали, когда он тайком пробирался в дом.

— Я... э-э-э... пыталась выйти на след.

— И на чей же? — спросил он, захлопывая книгу с громким хлопком, который чуть не выбил меня из колеи.

Постаравшись как можно быстрее вспомнить последнюю жертву, о которой я говорила папе — человека, известного как Натаниэль «Крэкоман» Прэскотт, я выпалила имя, которое следовало за ним.

— Фернандо Солано!

— И? Как он поживает?

— Ну, я довольно долго следовала за ним по городу, но, когда он припарковался у ресторана «О'Мэлли», поняла, что там слишком много народу, чтобы я могла предпринять какие-либо действия.

— Ясно, — произнес он, поднимаясь на ноги.

Клянусь, если бы не знала, что это не так, я бы решила, что он знает, что я лгу.

Бросив книгу, которую читал, на журнальный столик, папа подошел к тому месту, где стояла я, щелкнул выключатель на стене и обняв меня за плечи, закрыл дверь. Мы шли по коридору в тишине, и мое сердце все это время бешено колотилось в груди. Когда мы достигли двери моей спальни, он обхватил мои щеки ладонями и поцеловал в лоб.

— Завтра, хотя на самом деле уже сегодня — будет новый день. Отдохни немного, Лепесток. Я уверен, ты что-нибудь придумаешь, когда проснешься.

Я кивнула и повернула фигурную ручку, пройдя всего пять шагов внутрь своей комнаты, прежде чем повернулась.

— Папа?

Он замер на полпути к двойным дверям своей комнаты и взглянул на меня через плечо.

— Люблю тебя, — пролепетала я.

Он улыбнулся уголком рта.

— Я тоже люблю тебя, малышка.

Глава 13

Бежать без оглядки

Ксандер

Вам знакомы сны с падением? Те, в которых вы внезапно падаете с обрыва или лифт ломается, бросая вас на смерть, но вы так и не переживаете свою гибель, потому что просыпаетесь за несколько мгновений до столкновения с землей? Вот именно так я и проснулся, задыхаясь и вспотев, всего через несколько часов после того, как Иден пыталась убить меня. То же самое происходило и во сне, что делало его скорее гребаным кошмаром, чем просто сновидением. Это было красочное воспроизведение всей нашей встречи с мрачным дополнением того, каким на самом деле мог быть финал. Она лежала на мне сверху, проводя лезвием по моей груди, и зловещее выражение омрачало ее прекрасные черты, словно она наслаждалась происходящим. Чем ближе она подбиралась к моему горлу, тем тише становился мой голос, не оставляя возможности отговорить ее, как мне удалось сделать в реальной жизни. Затем, когда Иден уже собиралась провести лезвием по моему горлу, откуда-то из глубины моей души вырвался леденящий кровь крик, и все вокруг стало черным.

Мое тело содрогнулось, и я открыл глаза в темноте ночи, окутавшей мою спальню. По моему лицу стекали струйки пота, оставляя следы на простынях. Сделав глубокий вдох, я заставил себя успокоиться, в основном потому, что Иден все еще лежала, свернувшись калачиком, рядом со мной, и я не хотел пугать ее, но потом понял, что тяжесть на моем плече исчезла, и она тоже.

Повернув голову туда, где она заснула после нескончаемого потока слез и долгих извинений, я увидел пустую, холодную постель. Если бы я не был уверен в обратном, то решил бы, что все это мне только приснилось, но события были слишком реальными и свежими, чтобы считать их плодом моего воображения.

Не считая маминого диагноза и нескольких раз, когда ее забирали в больницу, я не думаю, что когда-либо в своей жизни был настолько напуган. Иден превратилась из аппетитного ночного лакомства в злобную, безумную убийцу по щелчку пальцев. Это было похоже на щелкание выключателя и наблюдение за тем, как комната озаряется демоническим красным светом. И ведь я был бессилен остановить ее. В то время как мой мозг кричал о необходимости защищаться, тело не могло совершить ни малейшего движения. Паника сковала меня, когда темная тень смерти нависла надо мной, готовая высосать жизнь из моих вен и бросить меня под землю. Лезвие, хотя оно так и не пронзило меня насквозь, казалось, обжигало кожу, прожигая все мое трепещущее тело и навечно запечатлевая воспоминание в моем сознании. Я отточил искусство блокировки болезненных воспоминаний своей жизни, но это останется со мной навсегда.

Встав с кровати, я прошел в маленькую ванную комнату и открыл кран, плеская на лицо ледяную воду, чтобы отогнать нежелательные образы, которые грозили со временем свести меня с ума. Но мог ли кто-нибудь винить меня? На меня напали в моем собственном доме, причем женщина, которую я привел домой после нескольких бокалов и непринужденной беседы. То, что я делал бесчисленное количество раз до этого. Я не ожидал этого, в

особенности от нее, но, в те минуты, когда моя жизнь была поставлена на карту, я определенно должен был подумать о такой возможности.

Скарзи охотился за мной, и теперь человек, которого он послал убить меня, не выполнил свое поручение. Она обещала мне, что разберется с этим, разберется с ним, но сможет ли? Неужели наша бесспорная взаимная симпатия заставила ее раскаяться, причем так, что она не сможет больше находиться в моем присутствии? В конце концов, она ушла, не попросившись. Кроме того, Иден призналась, что он убьет ее, если узнает, что она отпустила меня. Неужели она действительно подвергнет свою жизнь такому риску, чтобы защитить меня?

Нет, скорее всего, нет.

Неприятно было признавать это, но скорее все так.

Какое бы чувство не охватило нас обоих сегодня ночью, этого было недостаточно, чтобы гарантировать ее лояльность. Было ли что-либо из случившегося искренним с ее стороны или все это оказалось лишь частью плана, которого, как она утверждала, у нее не было?

Вернувшись в постель, я закутался в простыни, и различные мысли о том, что ждет меня в будущем, закрутились хороводом. Все будет непросто, отнюдь. Каждый день станет борьбой, еще большей, чем раньше. Мне придется постоянно оглядываться, одновременно пытаюсь оживить «Ройс» и заботясь о маме.

«Мама...»

Задышавшись, я в ужасе вскочил на ноги, а мое сердце бешено заколотилось.

Неужели?

— Нет... — прохрипел я.

Неужели он придет за мамой?

Наследование долга по причине моей смерти не было оговорено в его условиях, но в данный момент все было возможно. Желудок скручивало от страха, он струился по моим венам, а неопределенность была той еще сухой, которая делала ситуацию в миллион раз хуже. Но одно я знал наверняка. Я не мог оставить все на волю случая. Так или иначе, я должен был убедиться, что мама в безопасности. Только я не знал, как мне это сделать. Она уже много раз отказывалась от сиделки, которая могла бы составить ей компанию, поэтому я был уверен, что и сейчас она откажется от нее, и, если у меня не будет крайне правдоподобной причины, чтобы навязать ей помощницу, мама ни за что не согласится. Но я не мог объяснить ей, почему для нее крайне важно, чтобы кто-то всегда находился рядом. Она бы упала духом и умерла прямо там и в тот же миг. Если бы она когда-либо узнала, что я одолжил уйму денег, чтобы спасти папин магазин, она бы, скорее всего, сама прикончила меня. Когда я рос, то много раз слышал ужасные истории о том, как невинные люди погибали от рук бандитов, и все из-за того, что были должны деньги у блюдоочным ростовщикам. Мама заставила меня пообещать, что я никогда не пойду по этому пути, как бы сильно я ни нуждался в деньгах, но «Ройс» — это все, что осталось у нас от отца, и я любил его так же сильно, как и он. Позволить ему окончательно зачахнуть — это не тот вариант, который меня устраивал, поэтому я и обратился к Скарзи, в первую очередь.

Очевидно, что это была не самая лучшая идея, и в некотором смысле я уже пожалел об этом, но это был единственный вариант, который у меня тогда был. Теперь я мог только надеяться, что Иден сдержит свое слово, а Скарзи не станет угрожать маме.

— Спасибо, что пришел, — проворковала Джейд, когда я поднялся на крыльцо ее дома.

Я поворачиваюсь, чтобы попрощаться, а она прижимается к дверной раме в своем маленьком халатике, не оставляющем простора для воображения. Не то чтобы мне нужно было что-то представлять — я все это уже видел. Очертания ее сосков притягивают мой взгляд к ее груди. Я на мгновение задерживаюсь на них, прежде чем посмотреть на ее милое личико. Лазурные глаза блестят. Она зазывно улыбается и делает манящий жест пальцем, тем самым побуждая меня приблизиться к ней, и я делаю шаг вперед.

— Ты уверен, что я не смогу убедить тебя остаться на ночь? — бормочет она мне на ухо, ослабляя пояс своего халатика.

Шелковый материал распахивается, открывая гладкую загорелую кожу. Упругие сиськи, тонкая талия, бедра и обалденная задница. Она пышнотелая крошка — полная противоположность Иден и ее изящным формам.

«Иден...»

Одно только имя должно заставлять меня содрогаться, но я не могу выбросить ее из головы. Каждая минута, проведенная с ней той ночью, всплывает в памяти беспорядочно и часто в течение всего дня. И не потому, что я боюсь ее, просто она... я даже не могу объяснить это.

— Расцениваю это как отказ, — говорит Джейд, проводя пальчиками по моей груди.

Я встряхнул головой, чтобы избавиться от образа Иден, изнывающей от моих прикосновений, и сосредоточился на женщине напротив меня. Она влюбилась в меня, я знаю это, и, хотя она лишь послужила отвлекающим маневром, в котором я нуждался, я не чувствую к ней того же.

Я не могу почувствовать того же.

Светлые волосы. Голубые глаза.

Тень смерти — все, что я вижу перед собой...

Джейд: Привет, красавчик.

Вздыхнув от разочарования, я выключил телефон и сунул его обратно в карман, мысленно ругая себя за то, что позволил своему члену решать все. Джейд должна была стать девушкой на одну ночь, как и все они. Легкий перекус, несколько бокалов, непринужденный флирт, который приводил к нескольким часам в моей постели. Но одна ночь каким-то образом превратилась в две, две превратились в три, четыре, и пять.

По правде говоря, Джейд была настоящей находкой. У нее была голова на плечах, и она оказалась очень сексуальна, но я не мог испытывать к ней никаких чувств. Не говоря уже о том, что у меня не было времени на что-то серьезное.

Особенно сейчас.

Прошло уже несколько дней после всей этой истории с Иден, и я не был уверен в том, чего ожидать в ближайшие недели, так же, как и тогда, когда она бросила клинок на пол и пообещала свою помощь. От Скарзи ничего не было слышно, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Все выглядело нормально, когда я уходил на работу и с работы, и мама не

жаловалась на какую-либо подозрительную активность.

Действительно ли Иден помогла мне или это лишь затишье перед бурей?

Телефон завибрировал снова, отвлекая меня от тревожных мыслей. Достав его из кармана, я взглянул на сообщение, появившееся на экране, и выдохнул через надутые щеки.

Джейд: Я начинаю думать, что наша маленькая интрижка подошла к концу. Возможно, я делаю поспешные выводы — во мне говорит аналитик, но я не получала от тебя никаких известий несколько дней, и, пожалуй, сбита с толку. Надеюсь, у тебя все в порядке.

«Твою мать».

Я читал и перечитывал ее сообщение несколько раз, не зная, как ответить. Я хотел покончить с этим, и сейчас был идеальный момент, чтобы прояснить все и расставить по местам раз и навсегда. Обманывать женщин не в моем стиле. Я гордился этим. Было нечестным ни по отношению к ней, ни по отношению ко мне продолжать эту историю, если нет никаких шансов, что наша связь перерастет в нечто большее. А я знал, что она хочет этого. Возможно, она не признавалась открыто, утверждая, что ее устраивает то небольшое, что я предлагаю, но в глубине души я знал, что она надеется на большее. Надеется, что, проводя больше времени вместе, я уступлю возникшей между нами связи и открою свое сердце. К сожалению, все было не так.

Зная, что нужно сделать, я быстро напечатал ответ, молясь, чтобы она действительно оказалась настолько понимающей, насколько я предполагал.

Я: Я в порядке, просто сейчас у меня очень много дел. Ты милая девушка, Джейд, и заслуживаешь того, кто может дать тебе все. Я знаю, что дружба — это не то, на что обычно надеются в таких ситуациях, как наша, но в любом случае, я предлагаю тебе ее. Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится: плечо, чтобы поплакать, уши, чтобы выслушать, все что угодно, пожалуйста, не стесняйся и звони мне.

Как только в нашей переписке появилось мое сообщение, я почувствовал, что могу дышать, как будто с моих плеч сняли груз. Я не ждал ее ответа, но, тем не менее, должен был его получить. Три маленькие точки начали мелькать на экране, и я задумался, какие мысли были у нее в этот момент. Сделал ли я ей больно? Ожидала ли она этого? Судя по последнему сообщению, которое она мне отправила, я мог бы подумать, что да...

Джейд: Я предчувствовала, что это произойдет еще с той ночи, но все понимаю. Ты был честен со мной с самого начала, и мне не стоило ожидать чего-то большего, чем одно свидание, на которое ты так любезно согласился. Должна сказать, ты действительно хороший человек, Ксандер. У большинства мужчин в наше время не хватило бы и капли твоей смелости, чтобы поступить так, как поступил ты. Однажды ты сделаешь какую-нибудь женщину очень, очень счастливой.

Джейд: P.S.: Конечно, мы можем оставаться друзьями. Кому еще я могу пожаловаться на грубых пациентов, которые заставляют меня сомневаться в своем рассудке? Лол?

Я: Лол! Твои истории о пациентах меня очень веселят. Я бы скучал по ним, если бы ты велела мне отвалить.

Джейд: А я бы скучала по тебе. Надо быть полной идиоткой, чтобы потерять такого друга, как ты...

Что ж... это был, мягко говоря, приятный и неожиданный сюрприз. Ее ответ успокоил меня, но чувство облегчения длилось недолго, потому что я снова увидел тень смерти...

Иден

Джаспер Деверо кинул моего отца.

Как и каждый идиот, которого я когда-либо вычеркивала из своего списка. Поэтому, когда он случайно зашел в бар, в котором я сидела на протяжении последнего часа, мне стало ясно, что нельзя упускать возможность разделаться с ним. Вернее, это все равно случилось бы так или иначе, и, в конце концов, я бы нашла и убила его, но он сам выполнил эту часть работы за меня, даже не подозревая об этом.

И учитывая тот факт, что мой разум все еще находился в смятении после того, что произошло с Ксандером прошлой ночью, это определенно сыграло мне на пользу.

Мистер Деверо был воплощением серебристого лиса: высокий, подтянутый, с сексуальной щетиной и красивым лицом. А еще, несмотря на то, что я сказала Ксандеру по поводу того, что у меня нет пресловутой «папочкиной проблемы», его было легко подцепить. Один взмах моих длинных ресниц и соблазнительная улыбка, и вот он уже ловит каждое мое слово. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он предложил мне поехать к нему после нескольких бокалов. Я колебалась лишь мгновение, в основном потому, что знала, к чему это приведет — примерно к тому же, к чему все шло с Ксандером.

Но Джаспер идеально подходил на роль жертвы, а мое правило номер один не позволяло мне отказаться от такого заманчивого предложения.

Чего бы это ни стоило, помните?

Кроме того, я не собиралась позволять ему трахнуть меня. Занавес опустится задолго до этого момента.

— Могу я предложить тебе выпить? — спросил Деверо, когда я вошла за ним в его роскошную квартиру.

Крепко держась за клатч, я покачала головой, рассматривая богато украшенную обстановку вокруг.

— Нет, спасибо. Думаю, на сегодня с меня достаточно.

— Ах да, ты же за рулем, — согласился он, снимая свой пиджак.

— Именно, и не думаю, что я здесь для того, чтобы продолжать напиваться, — промурлыкала я с дьявольской ухмылкой.

— Справедливое замечание.

Джаспер ухмыльнулся и наклонил свою седеющую голову, засунув руки в карманы.

— Ты очень наблюдательная, как я вижу.

Ухмыльнувшись, я бросила сумочку на диван и направилась к нему, соблазнительно покачивая бедрами. Его зеленые глаза резко потемнели, пока он наблюдал за тем, как я приближаюсь к нему, и в них вспыхнул хищный блеск, который я привыкла видеть в глазах большинства мужчин.

— Ты даже не представляешь насколько, — ответила я, глядя ладонями его крепкую грудь. — Я чертовски хорошо знаю, для чего я здесь.

— И ты даже не возражаешь против этого, мисс... — запнулся он, положив руки мне на талию.

— Без имен, помнишь? Но да, я более чем не возражаю. И будет лучше, если ты наконец

снимешь с меня это платье.

Когда я чувственно улыбнулась, Деверо посмотрел на меня с изумлением, и на его красивом лице промелькнуло чертовски зловещее выражение.

— Ты не знаешь, о чем просишь, сладкая, — предупредил он.

«Как и вы, мистер Деверо».

— Не страшно, — прошептала я, расстегивая две верхние пуговицы его рубашки. — Я люблю сюрпризы, но продолжай... расскажи мне, что ты со мной сделаешь.

— Связывание. Точнее ты, — он приподнял мой подбородок, — связанная. Как тебе такой вариант?

Я приподнялась на носочках, не забыв провести губами по его ушной раковине.

— Как в старые добрые времена.

Должно быть, это было именно тем, что Джаспер хотел услышать, потому что в следующее мгновение я оказалась в его объятиях, с ногами вокруг его талии и все такое. Он прижался своими губами к моим, пока вел нас к тому, что, как я предполагала, было его спальней, а руками крепко обхватил мою задницу. Я едва услышала, как открылась дверь, и удивленно вскрикнула, когда он бросил меня на кровать и без предупреждения отступил к комоду.

«Будь готова, Иден. Почти пора», — прошептало мое мрачное альтер — эго.

Я едва заметно кивнула, соглашаясь с этим, и, как всегда, внутренний тумблер не подвел. В тот момент, когда он щелкнул, я не дрогнула. Знакомое возбуждение пронеслось сквозь меня, а все органы чувств словно вспыхнули ярким багряным светом. Этот ублюдок еще пожалеет, что притащил меня к себе...

Приподнявшись на локтях, я увидела как Джаспер поворачивается в мою сторону, а в его руках блестит пара наручников. Он ухмыльнулся и бросил их рядом со мной, после чего быстро расстегнул ремень.

«Идеально», — подумала я про себя. Он не сможет освободиться от наручников.

В тот момент, когда он попытался забраться на меня, я схватила наручники и отползла назад к изголовью кровати, сохраняя как можно более соблазнительное выражение лица.

— У меня есть идея, — объяснила я, слегка раздвигая ноги, чтобы он мог увидеть, что скрывается под моим платьем.

Он определенно наслаждался видом, перемещаясь за мной по кровати, как оголодавший щенок.

— Какая?

— Как насчет того, чтобы надеть наручники на тебя?

Деверо тихонько рассмеялся и покачал головой, пристроившись между моих ног.

— Это вряд ли.

— Ну пожалуйста.

Я выпятила нижнюю губу и опрокинула его на спину, прежде чем он успел додуматься остановить меня.

— Это одна из моих самых больших фантазий.

Он приостановился, восхищенно глядя своими зелеными глазами на мое тело, прижавшее его к кровати. Его возбуждение было очевидным — эрекция дразняще бугрилась подо мной.

— Тебе трудно отказать, — признался он, встретившись с моим выжидающим взглядом.

— Так и не нужно, — парировала я, поднимая его руки к изголовью кровати.

Он выглядел неуверенным, хоть и смотрел на меня с любопытством, но в итоге не стал протестовать. Полагаю, возможность сорвать куш перевесила любую предосторожность. Этот имбецил слепо избрал свою судьбу, не подозревая о том, что его ждет.

— Обычно я не отказываюсь от контроля подобным образом, сладкая, — пробормотал Деверо, проводя носом по ложбинке моей груди, когда я застегивала наручники. — Но ты, вероятно, самый восхитительный десерт, которым я имел удовольствие лакомиться в последнее время.

— Ой ли, мистер Деверо, — сладко проворковала я, вжимаясь в его эрегированный член и нарочито медленно двигая бедрами.

— В самом деле... — хмыкнул он и зажмурил глаза, откинув голову к изголовью кровати. — Боже, как же приятно.

Его сладострастный хриплый стон подстегнул меня. Я тихо рассмеялась и прижалась к нему, проводя губами по его адамову яблоку и щетине на челюсти.

— Я могу сделать так, чтобы ты не пожалел об этом, Джаспер, если...

— Если что, — уточнил он.

Та дам. Время для шоу.

— Если объяснишь мне, с чего ты взял, что у тебя получится скрыться от моего отца, — прорычала я ему на ухо, вытаскивая свой клинок из чехла на бедре.

Деверо замер, когда металл встретился с его горлом. Его стояк спал в считанные секунды, и я была почти уверена, что услышала, как он втянул в себя побольше воздуха. Наши глаза встретились, когда я отстранилась, чувствуя, как каждая капля крови в моих жилах пульсирует от желания перерезать ему шею. Но потом я увидела это. Все признаки вожделения, которые видела перед тем, как надеть на него наручники, полностью испарились, и все, что я могла наблюдать перед собой — это страх, тот самый страх, который я наблюдала на лице Ксандера прошлой ночью.

Теперь замерла я. Джаспер начал сыпать объяснениями, быстро догадавшись, что я дочь Скарзи, но я ничего не слышала. Ни единого слова. Как ни старалась сосредоточиться, образы Ксандера подо мной, умоляющего сохранить ему жизнь, мелькали в моей голове, как в фильме ужасов.

— Мне очень жаль! Клянусь, я намеревался вернуть ему долг, просто...

Я закрыла ему рот рукой, требуя тишины, пытаюсь отдышаться от незнакомого мне прилива эмоций, атаковавших изнутри. Но Деверо продолжал бормотать свои извинения, широко раскрыв глаза в потрясении от того, какое направление приняла эта безумная ночь.

«Сосредоточься, Иден», — кричал мой внутренний темный голос.

И все же я не могла. Метаясь между ним, Джаспером и воспоминаниями о Ксандере, мой мозг просто не мог остановиться на чем-то одном. Все это было слишком. Сердце бешено колотилось, а ладони вспотели. Я слышала биение своего сердца в ушах, и видела, как оно отдается в моем зрении.

Он.

Ксандер.

Он.

Ксандер.

Кровь.

Так много гребаной крови.

«Убей. Его», — потребовала та другая Иден, и с мучительным криком я сделала это.

Даже не предупредив его и не предложив сказать последнее слово или дать объясниться. Я просто провела лезвием по его горлу одним плавным движением без лишних слов. Теплая кровь хлынула на меня, вызвав еще один душераздирающий крик из самой глубокой и темной части меня. Я была сама не своя, вне всяких сомнений. Наблюдение за тем, как жизнь покидала его тело, не принесло мне никакого удовлетворения. Совершенно.

Содрогаясь, я сидела на нем, с ужасом всматриваясь в его зеленые глаза, в то время как его кровь стекала по моей руке.

Что со мной происходит?

Я была не в своей тарелке. Полностью, на сто процентов не в своей тарелке. Дни после нашей встречи с Ксандером пролетали незаметно, а я не сделала ни одной попытки продолжить работу с оставшимися именами в моем списке после того, что случилось с Деверо. Я не хотела. Черт, и даже не знала, смогу ли. В результате моя темная сторона была недовольна, и ее жажда кровопролития с каждым часом становилась все сильнее. Сдерживать это становилось все труднее, и как бы я ни старалась обуздать ее, обещая скоро вернуться в строй, мы обе знали, что я лгу.

Снова.

Совершенно очевидно, что я стала такой. Лгуньей. Я лгала Ксандеру о своей личности, лгала папе о своих делах. И была чертовски уверена, что лгу самой себе о том, что продолжаю жить, как будто ничего не произошло. Но что-то все-таки произошло, и это что-то мешало мне жить той жизнью, которую я когда-то безоговорочно любила. Воспоминания о прошлом всплывали в моих снах, и я начала задумываться, сколько из тех людей были в такой же ситуации, как Ксандер. В ситуации, которую они не могли контролировать.

Ответа на этот вопрос не было. По крайней мере, ни одного, которого бы мне удалось найти.

После долгих бессонных ночей в офисе, когда вокруг не было ни души, я просматривала папку за папкой в папином кабинете, ища хоть что-то, что могло бы обесценить их смерть, но снова и снова оставалась с пустыми руками. Все они заслуживали гибель. Большинство из них имели криминальное прошлое, о котором папа даже не подозревал, до тех пор, пока не начинали уклоняться от уплаты долгов.

Так почему после всего вышесказанного, я все еще чувствовала себя настолько несбалансированной? Почему мне казалось, что последние шесть лет моей жизни и все, что я натворила, вдруг стали горькой пилюлей, которую нужно проглотить? Было ли это чувством вины? Раскаянием? Паранойей?

«Может, я просто схожу с ума? Каким бы ни было это отвратительное чувство, пройдет ли оно когда-нибудь, или я обречена чувствовать себя так до конца своих дней?»

Несмотря на все неприятности, у меня не было времени заикливаться на этом. Не тогда, когда передо мной стояла гораздо более серьезная проблема, а именно — обещание, данное мной Ксандеру. Оглядываясь назад, я осознаю, что мне не следовало обещать ему неприкосновенность. Было очевидно, что папа не предоставит ему такой возможности, а я ни за что на свете не смогла бы признаться отцу, что пощадила его без согласования с ним. Он был бы в ярости. Думала ли я, что он убьет меня за то, что я так поступила с Ксандером? Конечно, нет. Но разочарование отца стало бы испытанием для меня. Я всегда изо всех сил

старалась поступать правильно, помогать ему, когда он в этом нуждался, и делать все возможное, чтобы семейный бизнес функционировал бесперебойно. Моя верность семье была превыше всего, и все же я позволила Ксандеру уйти, вернее, ушла сама, не оглядываясь.

Примерно неделю спустя я все еще находилась в состоянии неопределенности и ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы понять: А) как же мне вычеркнуть имя Ксандера из своего списка, не убив его и Б) снова не солгав при этом отцу. Но, похоже, что у меня были только эти варианты, и если бы мне пришлось выбирать один, то пункт А) точно не подлежал обсуждению. Я бы солгала еще миллион раз, чтобы сохранить ему жизнь.

«Видишь, что он сделал с тобой? Он вынуждает тебя лгать своей семье и валяться без дела, в то время как ты знаешь, что твоему отцу нужна твоя помощь...»

«Помощь. Помощь...»

Я вскочила с кровати, задыхаясь, когда одно это маленькое слово осенило меня вдохновением, которое я тщетно искала все это время. Хотя это и не могло решить основную часть моих проблем, при правильном осуществлении оно, как я надеялась, должно было принести Ксандеру облегчение, которого он заслуживал. Уверена, вы можете догадаться, что мое альтер-эго было отнюдь не впечатлено. Ее слова не были предназначены для поощрения, но я подпитывалась ими в позитивном ключе, вместо того чтобы позволить им затянуть себя еще глубже в темную дыру. Я прямо-таки чувствовала, как она закатывала глаза, когда я металась по своей комнате, торопливо одеваясь и выбегая из дома быстрее, чем за всю прошедшую неделю. Волнение пронизывало меня, пока я останавливалась в нескольких местах по всему городу, собирая все необходимое, прежде чем отправиться в Бронкс. Но чем ближе я приближалась к месту назначения, тем отчаяннее пыталась вспомнить, почему я вообще решила, что это хорошая идея. Однако я уже сделала слишком много и преодолела слишком долгий путь, чтобы унывать, так что, набравшись храбрости и односторонне подбадривая себя, пытаюсь убедить в том, что это правильный поступок, я, наконец, въехала на стоянку «Ройса», испытывая ничто иное, как волнение, увидев человека, к которому я направлялась, шедшего навстречу месту, где я припарковалась и вытиравшего свое измазанное лицо.

Он выглядел так же великолепно, как я и запомнила, если даже не более того — со всей этой грязью и потом, налипшими на его загорелую кожу. Он был настолько грязным, что белая майка, скрывающая его восхитительное тело от посторонних глаз, вряд ли могла считаться белой. Несмотря на волнение, охватившее меня по прибытии, я обнаружила, что вся трепещу и пылаю, представляя, как мы вдвоем в душе, и я отмываю его, лишь для того, чтобы снова испачкаться...

— Добрый день, чем могу вам помочь? — спросил он, и его голос был дружелюбным и исполненным надеждой, полагая, что я могу оказаться клиенткой.

Потому что он определенно принял меня за клиентку, так как приехала я не на своей машине...

Досчитав до трех, ладно, скорее до десяти, я слезла с мотоцикла, медленно сняла шлем, и мои волосы рассыпались золотистой вуалью по спине, обтянутой курткой. Как и ожидалось, глаза Ксандера расширились от шока, когда он понял, что я, конечно же, не клиентка, а женщина, которая пыталась убить его, стояла всего в паре метров от него, посреди бела дня, на его рабочем месте. Он не произвел ни одного резкого движения, не закричал о помощи и не достал оружие. А просто потрясенно уставился на меня, и на его лице промелькнуло множество не поддающихся определению эмоций.

— Иден? Что ты... Что ты здесь делаешь?

— Приехала лично сказать тебе, что я разобралась со Скарзи, — солгала я, потому что это был единственный способ удержать его от бегства, и хотя я тут же пожалела об этом, была уверена, что он непременно спросит об этом, а значит, мне все равно пришлось бы солгать.

Достав белый конверт из внутреннего кармана своей расшитой шипами кожаной куртки, я протянула его ему дрожащей рукой.

— Но в основном, чтобы передать тебе это.

Ксандер смотрел на меня с любопытством, казалось, целую вечность, прежде чем взял конверт и быстро вскрыл его. Когда он заглянул внутрь, его глаза вновь потрясенно расширились.

— Что это?

— Мысли о тебе не дают мне покоя с той ночи. И о твоей маме тоже, и я... не знаю...

Я пожала плечами.

— Я просто захотела помочь. Подумала, что это может внести хорошую лепту в оплату ее медицинских счетов.

— Тебе не стоило делать это, — сказал он, протягивая конверт обратно.

— Знаю, но мне так захотелось. Ты заслуживаешь большего от жизни, чем постоянное чувство тревоги, Ксандер.

Он открыл рот, вероятно, чтобы выразить дальнейший протест против моей непредвиденной щедрости, но так ничего и не сказал. И после напряженной, неловкой паузы, сунул конверт в задний карман своей черной куртки «Дикиз», скрестив на груди руки.

— Спасибо.

— Не за что. И, эм, я также...

Я запнулась, не зная, с чего начать, нервно сжимая пальцы.

— Ты что? — поинтересовался он.

— Я также бегло изучила твое досье. У Скарзи есть досье на каждого человека, которому он одалживает деньги, и, прежде чем рискнуть уговорить его, я сказала ему, что мне нужно провести дополнительное расследование. Тогда я и узнала об этом месте. Я знаю, что ты изо всех сил пытаешься удержать его на плаву, поэтому поговорила с несколькими знакомыми. Мы раздали несколько листовок по разным предприятиям, и они помогут распространить информацию о твоем магазине. Бизнес скоро должен оживиться.

— Что ты сделала?

Он откинул голову назад, и недоверие сквозило во всем его облике.

— Прости, что влезла не в свое дело, но в том, что ты стал мишенью, не было никакого смысла, и я должна была провести расследование. Когда я узнала, что привело тебя к тому, что тебе пришлось обратиться за помощью к Скарзи, я не могла списать это со счетов. Это большая проблема, с которой ты не должен справляться в одиночку, и я просто хотела помочь тебе, чем могла.

— Но почему? Ты мне ничего не должна.

— Нет, должна. Я должна была восстановить твой душевный покой после того, что случилось, и все эти действия были единственным способом, который пришел мне в голову. Я знаю, что уже говорила это, но чувствую, что должна сказать это снова. Мне так жа...

— Не стоит.

Он поднял руку.

— Просто не стоит. Нужно быть по настоящему больным и извращенным человеком, чтобы явиться на работу к тому, кого ты чуть не прикончила, с деньгами, благотворительностью и жалкими извинениями, как будто это может исправить то, что произошло.

Я сглотнула комок в горле и прогнала непрощенные слезы, которые навернулись на глаза от отвращения в его тоне. Всего несколько дней назад он шептал слова прощения сквозь мое отчаяние, но очевидно, что они были вызваны лишь шоком и адреналином. Прошла неделя, у него было время, чтобы дать всему этому осесть и, несомненно, пережить тот момент, когда я чуть не лишила его жизни. Неужели я действительно полагала, что «мне жаль» будет приемлемо для возмещения того психологического ущерба, который я, вероятнее всего, нанесла?

— Да. Это было глупо с моей стороны. Я уйду, — поспешно сказала я, разворачиваясь, чтобы снять шлем с руля.

Но крепкая рука остановила меня и вдруг я ощутила его. Разряд, который наэлектризовал каждую частичку моего тела. Тот разряд, который возникал только между нами — тот, который я никогда не испытывала ни с кем другим. Он был совершенно осязаем, даже сильнее, чем в первый раз, и я была слишком слаба, чтобы игнорировать его.

Он низко опустил голову, его губы оказались рядом с моим ухом, а по позвоночнику пробежала дрожь, когда он заговорил:

— Но также, нужно быть очень смелым и щедрым человеком, чтобы появиться на рабочем месте человека, которого ты чуть не убила, и не только сдержать свое слово, но и предложить помощь так, как никто до этого не предлагал. Для меня это значит больше, чем любые извинения.

Медленно повернув голову, и встретившись взглядом с карими глазами Ксандера, я заметила, как сильно были нахмурены его брови. Вот только не со зла, а скорее от недоумения. Он рассматривал меня с напряжением, которое я ощущала до кончиков пальцев ног, и изучал каждую черточку моего лица, словно все еще не мог поверить, что я не плод его воображения. Теплые, перепачканные автомобильным маслом пальцы вцепились в мой подбородок, притягивая меня на опасно близкое расстояние, после чего он наклонился вплотную и прижался к моей щеке нежнейшим поцелуем, от которого перехватило дыхание.

— Спасибо за все, — прошептал он, а я смогла только кивнуть и сказать что-то похожее на «не за что», в то время как сердце бешено колотилось, а отпечаток его губ прожигал дыру на моей коже еще долгое время после их исчезновения.

«Как этот человек мог быть таким всепрощающим? Как смог он не испугаться меня? Как мог он просто...»

— Давно ты катаешься?

Его вопрос застал меня врасплох, вырвав из моей внутренней борьбы.

— Не очень долго, но вполне достаточно, — ответила я.

— Не хочешь прокатиться со мной?

Я чуть было не разинула рот.

«Неужели он только что... Неужели он серьезно, только что пригласил меня на свидание?»

— Ты имеешь в виду, только ты и я?

Ксандер усмехнулся, и уголок его рта слегка дрогнул.

— Это то, что подразумевает поездка со мной, да.

— Что ж, я уточняю, потому что это предполагает то, что мы останемся наедине, — заметила я.

— И что ты хочешь этим сказать?

— В последний раз, когда мы остались наедине...

— Все происходит не просто так, Иден. Я искренне верю в это. Мы должны были встретиться той ночью. То, что произошло — хоть и ужасно, но должно было случиться. И даже то, что ты появилась здесь после всего этого, тоже было предназначено. Не буду лгать, я пытался возненавидеть тебя, пытался негодовать по поводу всего, что привело меня к встрече с тобой, но у меня не получается. Веришь ты или нет, но я знаю, что ты гораздо более хороший человек, чем сама о себе думаешь.

Я рассмеялась, но смех вышел слабым и полным сомнения.

— Уж поверь, Ксандер. Это не так.

— Ты бы не пощадила меня, если бы это было не так. Так мы едем кататься или нет? — упорствовал он.

— Когда и во сколько? — спросила я, застенчиво смотря на него.

— В следующую пятницу. Встретимся здесь в восемь?

— Я могу в пятницу.

— Хорошо, потому что я собираюсь показать тебе, как это делается на самом деле.

Ксандер

Первая половина следующей недели была похожа на любую другую неделю. Ничего удивительного. Ничего особенного. Минимальная прибыль. А вот вторая половина прошла как в тумане. Каждый день в магазин заходили клиенты. Это не было массовым наплывом, чтобы у меня получилось выбраться из кризиса, но к пятнице я заработал около двух тысяч. Это был самый большой заработок за последние месяцы, и пока я сидел и подбивал цифры для бухгалтерских книг перед приездом Иден, размышлял о том, что, возможно, полоса неудач наконец-то подходит к концу.

Если все так, то мне нужно будет благодарить за это Иден.

К слову, об Иден... Черт побери, что за женщина... Она особенная. Любой мог видеть ее красоту, но лично мне хотелось узнать больше о том, что скрывается внутри ее противоречивой личности. Я понимал, что не должен иметь с ней ничего общего, и уж поверьте, пробовал убедить себя в том, что она чудовище, но не смог. Я отказывался верить, что кто-то настолько добрый и щедрый, кто-то, способный рискнуть своей жизнью ради другого, действительно является чудовищем. Конечно, я не имел представления о том, был ли я ее первой жертвой или нет, и не ведал, как бы чувствовал себя, если бы узнал подробности, но что-то подсказывало мне — что бы ни привело ее на этот путь, оно было недостаточно весомым, чтобы погасить свет, который горел в ней. Я был твердо уверен в том, что этот свет существует, потому что был свидетелем его проявления, а ее щедрость и все, что она сделала для меня, являлись тому подтверждением.

Дзинь, дзинь!

Звон колокольчика над дверью заставил меня поднять голову и оторвать взгляд от раскрытого блокнота под моей рукой. Иден стояла на пороге магазина, и на ее лице появилась лукавая улыбка, когда наши взгляды встретились.

— Привет.

— Привет, — медленно произнес я, поднявшись на ноги, когда она зашла в помещение.

Если не считать накрашенных ресниц и губ малинового цвета, ее лицо было безупречно естественным. Длинные светлые волны были перекинута через одно плечо, подчеркивая изгиб ее шеи. Облегающее фигуру черное платье полностью закрывало руки, но обнажало аппетитные стройные ножки чуть выше сапожек, доходивших до колен.

Она смотрела на меня, а я ошалело молчал.

— Ты готов или...? — спросила она, и ее тон был веселым и задорным.

Очевидно, мой восхищенный взгляд не остался незамеченным.

Налюбовавшись изгибами ее тела, я кивнул и захлопнул блокнот.

— Да. Вопрос в том, готова ли ты?

Иден рассмеялась и закатила глаза.

— Я была рождена готовой, Икс(прим.: героиня обращается к нему Икс по первой букве его имени в оригинале — Xander). Вперед.

— Это ты сейчас так говоришь. Подожди, пока мы не отправимся в путь.

Я натянул свою кожаную куртку и обошел стойку.

— Я покажу тебе, как следует управлять байком, ангелочек. Не беспокойся.

— Ты уже говорил это на прошлой неделе. Мне интересно посмотреть, что заставляет тебя считать себя лучшим байкером, чем я.

— Опыт. Все в итоге сводится к опыту, — ответил я, выключая свет в магазине.

— Что ж, это еще нужно проверить, не так ли?

— О, обязательно. Кажется, я припоминаю, что ты говорила нечто подобное той ночью в клубе, когда я заметил, что ты непременно попросишь меня привезти тебя к себе домой.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Ройс?

— Я был прав тогда, так что будь готова к рецидиву.

Она подавила ответный смешок, когда мы вышли в прохладный осенний вечер, и я закрыл дверь на замок.

— Так куда направимся?

— Не знаю. Я подумал, что, может мы поедем в город и просто... покатаемся.

— И это все? Просто покатаемся?

Я пожал плечами.

— Да, почему бы и нет?

— В этом нет ничего плохого, но прокатиться по-настоящему в городе не получится. Ты же знаешь, как это бывает. Остановка-движение, остановка-движение.

— Ты права, — согласился я, размышляя, чем мы могли бы заняться взамен, не прибегая к употреблению алкоголя.

Алкоголь туманит сознание, и, хотя я не думал, что Иден снова попытается убить меня, тем более на людях, это в любом случае могло произойти. Мне нужно было оставаться начеку, независимо от того, насколько защищенным я себя чувствовал.

На ее лице заиграла широкая улыбка, а глаза заблестели от предвкушения.

— Как ты относишься к туристическим достопримечательностям?

— Туристическим достопримечательностям?

— Рокфеллер-центр, Эмпайр-стейт-билдинг, Центральный парк, фургончики с едой.

Я тяжело вздохнул.

— Прошла целая вечность с тех пор, как я занимался хоть чем-то приближенным к туризму, и я имею в виду давнишние школьные экскурсии.

— Именно поэтому должно получиться весело. Мы можем доехать до Центрального парка, а потом прогуляться до Таймс-сквер и Рокфеллера.

На самом деле это действительно было отличной идеей, а если это еще и означало, что я смогу смотреть на эту улыбку всю ночь напролет, я бы согласился, даже если бы считал ее ужасной. Иден всегда выглядела прекрасно, но улыбка выводила ее красоту на новый уровень. Эта чертовка заставляла колени мужчин слабеть и подгибаться. И это, бл*ть, вовсе не шутка.

— Я в деле, ангелочек. Ты покажешь мне, на что способна по пути? — спросил я, протягивая руку.

Она схватила ее и поджала губы, когда мы направились к мотоциклам, припаркованным рядом друг с другом.

— Это все равно, что спросить, гадит ли медведь в лесу. Конечно. Я собираюсь надрать тебе задницу.

— Я не спрашивал, надерешь ли ты мне задницу, я спросил, покажешь ли ты мне, на что способна.

— Так это одно и то же. А на обратном пути мы остановимся и купим пластырь для

твоего уязвленного самолюбия, договорились? — сказала она, усаживаясь на байк, и при этом платье задралось вверх по ее стройным бедрам настолько, что у меня пересохло во рту.

— Это было твоим планом с самого начала, не так ли? Надеть малюсенькое платье, чтобы дразнить меня своим видом и сбить мою способности концентрироваться?

Иден подняла козырек своего шлема и кивнула, а на ее лице заиграла коварная и весьма сексуальная улыбка.

«Ну, разумеется...»

— Хорошо разыграно, ангелочек, хорошо разыграно.

Признаю без обиняков, эта женщина умеет водить байк. Она не была новичком ни в малейшей степени, и это чертовски сексуально. К тому же у нее отличный вкус на байки, но, возможно, я говорю это лишь потому, что ее байк оказался двойником моего Нуара. Его вид между ее ног породил целый ряд ярких и очень откровенных образов, которые пришлось отогнать, потому что последнее, о чем я должен был думать, это о том, как поставить оба мотоцикла так, чтобы я мог трахать ее, не прерываясь, до конца недели. Но разве можно было винить меня, когда я знал, что скрывается под этим платьем?

Припарковавшись в гараже на 87-й Восточной улице, мы шли по направлению к Центральному парку, болтая и смеясь, а ее рука была зажата в моей. Пешеходы всех возрастов сопровождали нас, а такси останавливались через каждые несколько кварталов в надежде заполучить пассажиров. Звучали автомобильные гудки, выкрикивались непристойности, разговоры сливались между собой — звуки города служили саундтреком для нашего туристического свидания по Манхэттену.

Мы прогуливались вокруг озера, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться видами. В темноте они были совершенно необыкновенными. Некоторые здания подсвечивались, а дорожки сияли под фонарями парка, и это было одним из тех зрелищ, которые никогда не надоедают. Даже в зрелом возрасте.

После Центрального парка мы прошли по нескольким улицам до Рокфеллер-центра. Каток открывался только в октябре, но смотровая площадка была доступна круглый год. Мы поднялись на семьдесят этажей на лифте вместе с тремя парами, каждая из которых занимала один из углов стальной коробки, поднимавшей нас на самый верх. Когда двери открылись на верхней площадке, мы с Иден позволили остальным высадиться, прежде чем сами вышли в прохладу вечера.

— Спасибо, что привел меня сюда, — сказала Иден в какой-то момент, когда мы смотрели на Эмпайр-стейт-билдинг, и прикоснулась своей маленькой рукой к моей. — Я уже забыла, насколько это прекрасно.

— Я тоже, — согласился я, но мы с ней имели в виду два совершенно разных вида.

Однако она уловила ход моих мыслей, наблюдая за мной с небольшой ухмылкой.

— Лестью вы ничего не добьетесь, сэр.

Воспоминание о сказанных ранее подобных словах вызвало улыбку на моем лице.

— Никакой лести, просто констатирую очевидную истину, — возразил я.

— Прекрати, — захихикала она, игриво толкнув меня в грудь, чтобы отпихнуть, но я поймал ее за запястье и притянул обратно, заключив ее миниатюрную фигурку в свои объятия.

Это было самым тесным контактом с тех пор, как я прижимал ее к себе в постели, а ее тело так идеально прижималось к моему, и, несмотря на все, что произошло, это ощущалось чертовски правильным. Ее губы призывно манили меня, взывая овладеть ими, и игнорировать это было невыносимо, но я заставил себя сдержаться. По крайней мере, пока.

После Рокфеллер-центра мы отправились по бессонным улицам к Таймс-сквер, проходя по пути мимо множества магазинов, ресторанов, отелей и Мьюзик-холла «Радио Сити». Я предложил остановиться в одной из забегаловок, чтобы перекусить, прежде чем вернуться к нашим байкам, но Иден захотела впервые в жизни познакомиться с миром фудтраков (прим.: фургон, либо автомобильный прицеп, оборудованный для приготовления, хранения и продажи готовой еды). Она не могла решить, что звучит лучше — тако или филли чизстейк, поэтому я воспользовался своими латиноамериканскими корнями, чтобы определиться. Выбор пал на тако из ароматного стейка на двоих. Еда была восхитительной, и получить ее на вынос оказалось гораздо проще, чем ждать, пока нас усадят за столик. К тому же у нас осталось больше времени, чтобы насладиться всем, что мог предложить ночной город.

Когда мы возвращались в гараж, Иден решила разогнаться на обратном пути, поспорив, что сможет вернуться в магазин раньше меня. Мой интерес был, мягко говоря, подогрет, и поездка оказалась довольно увлекательной. Большую часть пути я лидировал, а Иден изо всех сил старалась держаться у меня на хвосте, несмотря на то что поток транспорта то и дело останавливался. Однако за несколько перекрестков до автострады она проскочила между несколькими машинами и промчалась на желтый свет, оставив меня застрявшим на красном.

Неудивительно, что она победила. Пусть с небольшим отрывом, но все же победила. Я подъехал к магазину с несколько ущемленным самолюбием через целую минуту после нее и спрыгнул с мотоцикла, чтобы отпереть один из боксов. Когда я включил свет, Иден вкатилась в гараж, а я въехал сразу за ней, наблюдая, как длинные светлые локоны рассыпаются из-под шлема, пока она снимала его и заглушала двигатель. Иден провела рукой по распущенным локонам и встряхнула волосами, украдкой взглянув на меня через плечо, и ее губы изогнулись с лукавой ухмылкой.

— Как насчет «я покажу тебе, как следует управлять байком, ангелочек»? — проворчала она, вешая шлем на одну из рукояток руля.

Не говоря ни слова, я последовал ее примеру и перекинул ногу через Нуар.

— Потерял дар речи, да? Ну да, я бы тоже, если бы меня только что отделала девчонка. Не волнуйся, Икс, я не заставляю тебя что-то говорить. Понимаю, что твое эго этого не выдержит.

— Даже если бы ты заставляла меня, — сказал я, снимая шлем, — кто сказал, что я так легко со всем соглашусь? Ты вырвалась вперед только потому, что я застрял на светофоре, который ты проскочила, помнишь?

Иден перекинула ногу, открыв мне вид на крошечные, я имею в виду буквально микроскопические красные трусики, и облокотилась на свой мотоцикл.

— Свет был желтым, ясно? Но если это то, что поможет тебе спокойно спать по ночам, то продолжай убеждать себя в обратном.

— Знаешь, что точно поможет?

Я подошел ближе, склонив голову на один бок, и наши взгляды переплелись.

Она хмыкнула и провела двумя пальцами по всей длине моей футболки, побуждая меня продолжить.

— Ты как следует поцелуешь мое разбитое эго и заклеишь его пластырем, который мне обещала.

Прикусив губу, Иден молча наблюдала за мной в течение короткого мгновения, и в ее голубых глазах мерцал лукавый блеск. Ее мысли были очевидны, и я точно знал, о чем она думает, хотя она не произнесла ни слова. Ей и не нужно было, я чувствовал это. Заряд между нами разгорался всю ночь, и мы сдерживали его, пока бродили по улицам Манхэттена. Но теперь, когда мы остались одни, в уединении моего магазина, накал стал просто охренительным.

И это уже невозможно было остановить.

— Ты хитрец, ты знаешь это? — произнесла она с ухмылкой.

— Только когда захочу.

Я поднял палец.

— Я хитрый только когда хочу таким быть. В остальном я безупречный джентльмен.

— Я не думаю, что джентльмены так неистово лакомятся кисками, как это делаешь ты.

— Ну, если я правильно помню, тебе очень понравилось, как я полакомился твоей.

— Никаких претензий. Просто домыслы, только и всего, — пробормотала она, и ее голос прозвучал хрипло.

— А знаешь, какие у меня домыслы? — поинтересовался я, и она покачала головой, обхватив руками мою шею. — Что спрятано у тебя под этим крошечным платицем. Это сводит меня с ума с тех пор, как ты вошла в магазин.

— Это секрет, но я покажу тебе, если ты скажешь волшебное слово.

— И что же это за волшебное слово? — спросил я, когда она притянула меня ближе, и ее губы оказались в опасной близости от моего уха.

— Пожалуйста, — прошептала она.

«Снова хорошо разыграно, Ангелочек».

— Значит, ты собираешься заставить меня умолять?

— Аха.

— Хорошо, в таком случае — мои руки скользнули вниз по изгибам ее тела, добравшись до бедер — пожалуйста, ангелочек. Покажи мне.

Она издала тихий стон, и прикрыла глаза, не колеблясь ни секунды, опустив руки с моей шеи и просунув их между нами, медленно задирая ткань своего платья.

Это было слишком даже для страждущего меня...

Сантиметр за сантиметром она обнажала свою светлую кожу, искушая меня сорвать с нее остатки одежды, пока я не получил бы доступ к ее телу, беспрепятственно проводя по нему руками. Но я сдерживал себя, стиснув зубы, и наслаждался представлением с восторженным вниманием, зарывая, когда маленький красный лоскуток наконец появился в поле зрения.

Рефлекторно я обвил ее ноги вокруг своей талии и провел языком по изгибу ее шеи, вылизывая дорожку до самого уха.

— Предупреждаю тебя, Иден. Если ты скажешь, что надела их для меня, я сорву их с тебя в последующие пять секунд.

— Тогда скорее срывай, — ответила она, откинув голову назад, чтобы обеспечить мне лучший доступ. — Потому что именно для этого я их и надела.

Иисус гребаный Христос.

Ухватившись рукой за одну из тонких лямок, я тянул до тех пор, пока характерный треск

материала не исторг из нее шипение. Чем больше я тянул, тем громче она скулила, и когда ткань, наконец, разорвалась полностью, я подавил ее крик, и, отбросив вещицу на пол, быстро просунул руку между ее ног. Черт, я едва коснулся ее и едва поцеловал, а она уже была готова. Мокрая и готовая для меня, погружавшего палец в ее тело и одновременно целующего ее губы.

— Уже такая мокрая, ангелочек.

Я погрузил палец глубже.

— И такая теплая. Кого-то посещали развратные мыслишки.

— Весьма развратные, — согласилась она, с приоткрытым ртом.

— И что они влекут за собой?

— Тебя — вздох — и меня.

— Что еще? Продолжай, — потребовал я, вводя в нее еще один палец.

— Твою руку в моих волосах.

Вздох.

— Шлепок по заднице.

Стон.

— Твои губы на моих.

Вздох.

— И мой член глубоко внутри тебя? — уточнил я, завершая ее фантазию, на что она простонала «да», и звук эхом отразился от стен опустевшего магазина.

Я удовлетворенно улыбнулся, двигая пальцами все быстрее и быстрее, запустив руку в ее волосы, чтобы удержать на месте, и стал осыпать поцелуями ее грудь, потянув зубами мягкую ткань платья. Ее сиськи, полные и круглые, так и просились на свободу, едва сдерживаемые красным лифчиком, который подходил к лежащим на полу испорченным трусикам. И они скоро освободятся, когда она окажется прижатой спиной к твердой поверхности, а я смогу лучше распорядиться своими руками. Моя фантазия на тему байков подождет.

Задавшись новой целью, я вытащил пальцы, заставив Иден захныкать, и подхватил ее на руки, пройдя небольшое расстояние до машины, которая неизменно находилась в задней части магазина — Камаро моего отца, 69-го года. Усадив ее на черный капот, я сорвал с себя футболку и устроился между ног Иден, лаская губами ее тело.

Иден содрогалась и бормотала что-то нечленораздельное, а ее глаза были плотно закрыты, пока я продолжал свои ласки. Зацепившись пальцами за лифчик, я стянул его и обхватил ее сиськи, уделяя внимание каждой, облизывая, покусывая и посасывая, пока ее спина не выгнулась дугой.

— Тебе нравится грубость, не так ли? — спросил я, снова прикусывая сосок, и ее бесстыдный стон был единственным ответом, который мне требовался.

— Мы можем устроить это, ангелочек. Здесь и сейчас.

— Как?

— Как? — усмехнулся я.

Ей нужен был план действий? Я предоставлю его ей.

— Я пошире раздвину твои ноги, оберну их вокруг себя и...

— Нет, как... — перебила она. — Как у тебя получается не бояться меня? Как ты можешь хотеть меня после...

Внезапная вспышка гнева пронеслась сквозь меня в ответ на ее расспросы, и я положил

руку на ее шею, остановив поток слов, пока Иден не открыла глаза и не посмотрела на меня. Сосредоточив ее внимание на себе, я снова погрузил пальцы в ее пи*ду и принялся за дело, намереваясь выкинуть все подобные мысли из ее головы.

— Прекрати заикливаться на прошлом, Иден, слышишь меня?

Я сжал ее шею с еще большим давлением, и она кивнула, обхватив рукой мое запястье.

— Если бы Скарзи не был причиной, ты бы все еще пыталась убить меня?

— Нет, — ответила она без колебаний.

— Вот и прекрасно, так что забудь об этом. Или ты хочешь, чтобы я остановился?

— Нет...

Ослабив свои ласки, я оставил пальцы погруженными глубоко в нее.

— Что что? Я не расслышал.

— Нет.

На этот раз ее ответ был громче, но все равно я не был удовлетворен.

— Да? Мне остановиться?

— Нет, нет, бл*ть, не останавливайся, — выкрикнула она, и беспокойно задвигала руками по телу.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя, Иден? Прямо здесь, прижав к капоту?

— Да, пожалуйста, прямо здесь... — умоляла она, пока я расстегивал ремень.

— Как ты хочешь?

— Жестко...

Я расстегнул пуговицу на джинсах.

— И?

— Быстро...

Я достал из кармана фольгированный пакетик.

— И?

— И грубо...

Рыча, я сбросил штаны вместе с трусами и раскатал презерватив по своему напряженному члену. Она хочет грубо? Она это получит. Так грубо, что наконец перестанет терзать меня расспросами.

— Готова? — прохрипел я.

— Бл*ть, да!

— Тогда закидывай их, — потребовал я, расположившись у ее лона, когда она подчинилась и закинула ноги мне на плечи.

Без всякого предупреждения я вошел в нее одним быстрым толчком, откинув голову назад от ошеломляющего ощущения жара, охватившего меня.

Тугая.

Теплая.

Влажная.

Моя.

По крайней мере, на данный момент она была моей. Я отдавался с полной силой, словно тоже принадлежал ей, толкаясь в нее все сильнее и быстрее в сопровождении ее возгласов наслаждения. В прошлый раз, когда мы были вместе, обзор был минимальным — ее киска была близко, но лицо далеко, будучи скрытым темнотой ночи. Но в этот раз я мог видеть ее — всю ее, и это было самое сексуальное зрелище, которое я когда-либо встречал: разметавшиеся волосы, покрасневшая кожа, покачивающиеся сиськи и устремленные на

меня глаза. Даже самое хорошо снятое порно не могло сравниться с этим.

Поднеся большой палец к ее клитору, я стал тереть его быстрыми круговыми движениями, не зная, сколько еще смогу продержаться, если ее киска не перестанет сдавливать мой член.

— Кончишь для меня, ангелочек? — спросил я, тараня ее без устали.

— Да, — выдохнула она.

— И когда же?

— Прямо — ее дыхание сбилось — сейчас!

Еще два сильных толчка бедрами, и она распалась на части, содрогаясь подо мной с неистовыми стонами, которые подтолкнули меня последовать за ней. Застыв на месте, я застонал в экстазе, когда моя разрядка пронеслась сквозь меня, а в голове повторялось лишь одно.

«Моя».

«Моя».

«Моя».

— Моя.

Иден

На следующее утро я крепко спала, когда стук в дверь заставил меня открыть глаза, мгновенно ослепив как вампира, попавшего на дневной свет. Теплые лучи солнца проникали через окно, рассыпаясь по плюшевому ковру, моей кровати, стоявшей перед ней кушетке — повсюду. Застонав, я перевернулась и потянулась к телефону на тумбочке, чтобы проверить время.

«Восемь утра. Вы серьезно?»

Кто бы ни находился по ту сторону двери, он явно желал смерти. Все — я имею в виду абсолютно все — знали, что я не люблю утро, и нарушать мой сон было опасно для здоровья. Если бы это был будний день, я бы смирилась с этим, но сегодня было утро субботы. А ведь отсыпаться в субботу — это международная традиция? Не так ли? В любом случае, были выходные, а я была измотана. Измотана и истощена. Потягивание подтвердило, насколько я действительно устала, — мышцы в самых разных местах протестовали против резких движений. Я наслаждалась болью в суставах и улыбалась воспоминаниям о вечере с Ксандером, уютно устроившись на подушке, когда в голове всплывали образы его, нависшего надо мной. Эти мысли крутились по кругу, а кровать убаюкивала меня, погружая в пучину сна, и мои глаза снова стали закрываться, но тут же открылись, когда раздался повторный стук. Очевидно, сон был под запретом.

Застонав от разочарования, я натянула одеяло на голову и крикнула: «Войдите!»

Две секунды спустя звук шагов эхом отозвался в стенах моей комнаты.

— Лепесток, отец хочет видеть тебя в библиотеке.

— Зачем? — захныкала я, обращаясь к Алессио, и мой голос прозвучал хрипло.

— Я не знаю точно. Он поймал меня по пути вниз и попросил зайти за тобой.

— Скажи ему, что я еще сплю, Лесс.

— Позволь мне перефразировать сказанное. Это была не столько просьба, сколько «Передай своей сестре, чтобы она немедленно зашла ко мне, будь добр». Похоже, он не в настроении для всякой чепухи этим утром. На твоём месте я бы уже поднял свою задницу и бежал туда.

О, ради всего святого.

Последовал третий по счету стон, во время которого я с усилием сбросила с себя одеяло и поднялась на ноги. Алессио поджал губы, чтобы скрыть веселую ухмылку по поводу моего недовольства, а я отмахнулась от него, проскальзывая в свой халат из жемчужного шелка и топая по коридору в библиотеку. Не успела я ступить обеими ногами в комнату, как папин голос остановил меня на полпути.

— Кто остался в твоём текущем списке, Иден? — спросил он из-за стола.

Его ноутбук был открыт, небольшие стопки бумаг разбросаны вокруг его кружки с кофе, а именная авторучка, которую я подарила ему на День Отца, лежала у него в руке, пока он что-то записывал в блокноте. Моргнув один раз, второй, третий, я застыла на месте и внезапно онемела. Почти весь воздух покинул мои легкие, и я была уверена, что в любой момент упаду замертво от недостатка кровообращения в сердце. Сам вопрос не был необычным — фактически, это являлось регулярным еженедельным мероприятием, ну,

знаете, стандартная процедура, но это было до того, как я пощадила получившего метку и позволила себе влюбиться в него... Потому что именно это я и сделала. Неважно, как это можно сформулировать, но я действительно влюбилась в Ксандера.

Невозмутимые карие глаза метнулись туда, где я неподвижно стояла на пороге, нетерпеливо ожидая ответа.

Вот дерьмо.

Мой брат прав. Отец определенно был не в лучшем расположении духа. И в следующие десять секунд это окончательно подтвердилось.

Небрежно уронив ручку на блокнот, папа сдвинул очки с носа и изогнул седеющую бровь.

— Ну так что?

Пройдя дальше по комнате, я попыталась, правда безуспешно, не сжимать пальцы в нервном напряжении, вспоминая, что он спросил перед моим небольшим сердечным приступом.

Мой список. Он хотел знать, на каком этапе находится мой список.

В тупике после встречи с Ксандером. Но, очевидно, что я не собиралась признаваться в этом.

— Ксандер Ройс, Кристиан Магри и Киран Лоуэлл.

— Это не похоже на тебя — работать так медленно, Лепесток. Что с тобой происходит?

— Ничего особенного. Я просто обеспокоена из-за Джио, вот и все.

Он развернул свое кресло ко мне, когда я опустилась на диван, и посмотрел на меня пытливым взглядом.

— Я понимаю, поверь мне, понимаю, но мне нужно, чтобы ты как можно скорее справилась с этим списком.

— Да, сэр, — тихо ответила я, подогнув под себя ноги.

Обычно я не задавала вопросов, когда отец просил меня о чем-то, но, учитывая внезапную паранойю, заполнившую каждый уголок моего существа, я невольно пролепетала:

— Есть какая-то особая причина, почему?

— На самом деле, да, есть. Реми Кингстон.

Отец протянул папку.

— Он в приоритете, как только ты справишься с тремя последними заданиями, которые у тебя сейчас в работе.

— Кто он? — спросила я, принимая протянутую папку с информацией.

— Торговец наркотиками, в основном психотропными. Он использовал то, что я одолжил ему, чтобы купить крупную партию.

— И какая у него душещипательная история?

— Что-то похожее на историю мистера Ройса, на самом деле.

Я замерла при звуке этого имени и подняла глаза от папки. Желчь поднялась вверх по горлу, а желудок свело так сильно, что я подумала, что меня сейчас вырвет.

— Больная мать? — наконец-то смогла поинтересоваться я через некоторое время.

— Согласно тому, что он рассказал, да. Однако это не так. Мать мистера Кингстона давно умерла. Почти десять лет назад, если быть точным. Он вложил все до последнего цента в сделки, включающие контрабанду в другие страны и обратно.

Мои глаза расширились.

— Он использовал наш канал для контрабанды?

— Нет, он действовал через Марчелло, поэтому я и узнал о его небольшой махинации.

— Ого.

Я притворилась, что не верю в подобное, хотя на самом деле, я ни капли не удивилась, что заемщик осмелился на такую дерзость.

— М-м-м. Мы не можем позволить, чтобы кто-то вроде него разгуливал по улицам. Плохо, что Марчелло приходится подчищать за мистером Кингстоном.

— Согласна. Я займусь им на следующей неделе, обещаю.

— Как можно скорее, Лепесток, прошу тебя, — сурово произнес отец, возвращаясь к ноутбуку.

Захлопнув папку в своих руках, я придвинулась к краю дивана и спросила с надеждой:

— Ты бы предпочел, чтобы я сначала разобралась с ним, а потом взялась за список?

— Категорически нет. Эти джентльмены из твоего списка, возможно, не дотягивают до уровня мастерства мистера Кингстона, но, тем не менее, все равно являются ворами. Прикончи их, а затем займись Реми. Мы с тобой встретимся снова, когда они все исчезнут с лица земли.

«Ошибаешься, папочка», — подумала я про себя, уставившись на спинку его кресла и поднимаясь на ноги.

Я не могла поверить, что он действительно считает Ксандера вором. Он всегда был таким понимающим, особенно в подобных ситуациях, потому что сам пережил нечто подобное. Мама моего брата, Валентина, умерла от рака, когда нам с Джио было по два года, и, хотя я была слишком мала, чтобы помнить ее и все, что происходило в то время, я точно знала, что ее смерть сказывается на отце до сих пор. Да, он совершил несколько ошибок, одной из которых была та, в результате которой появилась я, но он любил Валентину всем сердцем, и из-за этого щадил многих людей, когда их истории оказывались чем-то схожи с его. Так почему же Ксандер отличался от них? Было ли что-то еще, чего я не знала о нем?

— Иден.

Его рокочущий голос остановил меня как раз перед тем, как я дошла до двери. Оглянувшись через плечо, я увидела, что он смотрит на меня с выражением раздражения на лице.

— У нас все в порядке? — спросил отец, и его тон был сух и строг.

Я кивнула и отвернулась от него, а по дороге в спальню на меня обрушился целый шквал эмоций.

Что, черт возьми, мне делать?

Я уже дважды солгала папе о том, как далеко продвинулась в своем списке. Теперь мне снова придется врать ему о предполагаемой смерти Ксандера.

Что за гребаный кавардак.

Тихонько закрыв за собой дверь, я прошаркала к своей кровати и упала на нее лицом, бросив рядом папку с досье мистера Кингстона. Я подумывала о том, чтобы снова заснуть, в попытке временно избежать обрушившегося на мою жизнь потока дерьма, но, во-первых, я уже окончательно проснулась благодаря папиному утреннему инструктажу, а во-вторых, мой телефон зажужжал на тумбочке, побуждая меня проверить его. Текст, высветившийся на экране, был таким, что я никак не могла от него оторваться...

Икс: Доброе утро, ангелочек. Проснулся с мыслями о тебе.

Да, я определенно в полном пи*деце.

Поздним вечером того же дня я вышла из дома в состоянии оцепенения и направилась в больницу, чтобы навестить Джио. Я не видела его с начала недели, и Алессио не преминул напомнить мне, что наш брат регулярно спрашивает обо мне. В глубине души я понимала, что он не имел в виду ничего такого, но всегда выходило именно так — я чувствовала вину за пропущенные дни между визитами. Я подозревала, что это как-то связано с тем, что папа пока не давал ему никакой работы. Хотя он восстановился в течение месяца после разборки у ЛеРу и, казалось, вернулся к своей обычной невозмутимой сущности, наш отец не соглашался, чтобы Джио возвращался к текущим делам, в особенности с учетом того, как Алессио обычно расправлялся со своими метками.

Жестоко.

Садистски.

Пытая их до смерти.

И потому, на данный момент это было на сто процентов исключено, пока папа не решит обратное. В связи с этим, мой брат превратился в подобие домашнего питомца. Ему это не нравилось, я знаю, но не он командовал парадом. От скуки Алессио проводил большую часть времени разгребая пустячные дела, которые папа позволял ему вести на территории комплекса, а остальное время он находился рядом с нашим братом. Если уж на то пошло, я думаю, это единственный аспект, против которого он вовсе не возражал. Но также думаю, что он чувствовал себя обязанным быть там — словно считал, что человеком на больничной койке, с трудом ходящим, питающимся, и все в этом роде, должен был быть он.

Алессио был не одинок в этом мнении.

Я тоже часто чувствовала то же самое — что на его месте должна быть я. Почему? Потому что Джио не заслужил этого, и, если бы у меня была возможность повернуть время вспять и поменяться с ним местами, я бы сделала это без раздумий.

Гладкая серебристая ручка казалась прохладной под моей ладонью, когда я толкнула ее вниз и вошла в палату. Как и в восьмидесяти процентах случаев, я обнаружила Джио лежащим в кровати и смотрящим телевизор. В палате было темно, потому что он протестовал против открытых штор. Если они были открыты, то ему приходилось наблюдать, как мимо него проносятся дни: какие-то из них — солнечные и беззаботные, а какие-то — мрачные и тоскливые. Если же шторы были закрыты, то, по крайней мере, он мог создавать свое собственное ощущение времени. Во всяком случае, так он мне это объяснил. Я не была согласна с его механизмом преодоления стресса, но это была единственная вещь, которую он сейчас мог контролировать, и я не собиралась быть человеком, который отнимет это.

— Привет, Джи, — тихо сказала я, подходя к его кровати.

Джио повернул голову в мою сторону, и улыбка, появившаяся в уголках его рта, согрела мое сердце.

— Вот ты где.

Я подлетела к нему и обняла, отметив, что его хватка стала крепче, чем несколько дней назад.

Это был лишь малейший признак улучшения, но он вызвал обильные слезы счастья на

моих глазах.

— Я соскучилась по тебе.

Голос дрогнул от внезапно нахлынувших эмоций.

— Я тоже по тебе соскучился.

Он сжал меня еще крепче, заставив облегченный и задорный смех забурлить в моей груди.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

— Так же дерьмово, только день другой.

— Ну, объятия уже крепче, так что это уже неплохо, верно?

Он пожал плечами и нажал кнопку на пульте управления, чтобы поднять спинку своей кровати.

— Наверное. Это ведь минимальное проявление силы.

— Но это все же лучше, чем ничего. Врачи не говорили, что путь будет легким, но ты не успеешь оглянуться, как вернешься к нормальной жизни.

— Да, каких-то полгода моя жизнь будет пролетать незаметно, а может, и дольше, — торжественно объявил он.

Боль от его слов отозвалась в моем сердце. Было мучительно видеть моего брата таким хрупким, подавленным и знать, что ни я, ни кто-либо другой ничего не может с этим поделать. Время — это все, что могло исцелить его, как физически, так и эмоционально, и это чертовски паршиво.

— Джи. Я знаю, что это тяжело, но, по крайней мере, ты не в реанимации...

— Все в порядке, Лепесток.

Он взял меня за руку.

— Я постепенно смиряюсь с этим. Это не то, что я могу изменить, так или иначе. В любом случае, хватит обо мне. Рассказывай, чем ты занималась?

— Ничем, на самом деле. Но я должна тебе кое в чем признаться, — произнесла я нервно.

— В че-е-ем?

Он намеренно растянул последнее слово.

— Я вроде как... возможно... ездила кататься без тебя.

Джио уставился на меня и несколько раз моргнул, но выражение его лица было безучастным, поэтому все, что я могла сделать, это лишь преувеличенно улыбнуться.

Запрокинув голову назад, он разразился смехом.

— Ты думаешь, я буду злиться из-за этого?

Я кивнула в неожиданном замешательстве. Что за препараты они ему давали?

— Я не злюсь, Лепесток. У тебя есть байк — так выезжай к черту из этого дерьма.

«А я еще кое на чем прокатилась», — не могла не вспомнить я, и мои бедра рефлекторно сжались от этой мысли.

— Кстати, о поездках верхом, — начал он, словно прочитав мои мысли, и его брови задорно взметнулись вверх. — Как там Лука?

Одно лишь упоминание его имени разозлило меня. Я застонала и откинула голову назад, крепко зажмурился глаза.

— Не мог бы ты...?

— Не мог бы что?

— Не мог бы ты не обращаться к этой теме? Он — последнее, о чем я хочу говорить, —

призналась я.

За две целых пять десятых секунды все следы его веселья исчезли, а на их месте возникло сильное беспокойство.

— Что-то произошло?

К счастью, резкий стук в дверь мгновенно прервал наш разговор, избавив меня от необходимости выкладывать подробности. Глаза Джо метнулись в сторону звука, и я вовремя повернула голову, чтобы увидеть молодую медсестру, проскользнувшую в палату. Она была миниатюрной, с сияющим лицом, добрыми серыми глазами и теплой улыбкой. Ее светлые волосы были собраны в неряшливый пучок на макушке, а привычная синяя больничная униформа дополняла профессиональный образ. На ее шее висел стетоскоп, а к груди был прижат планшет. Когда она вошла в палату, то первым делом стерла имя на доске, заменив его на Кэлли.

— Что ты здесь делаешь? — жизнерадостно спросил брат, сразу же пробудив мой интерес.

Кэлли мягко засмеялась, направляясь к компьютеру рядом с его кроватью.

— Я тоже рада тебя видеть, Джо. Я подменяю Синди. Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше, — ответил он с ухмылкой.

Даже с того места, где сидела, я могла заметить румянец, окрасивший ее щеки, пока она вводила код доступа к серверу. Поджав губы, я переводила взгляд с одного на другого. Джо смотрел на нее, как влюбленный школьник, а Кэлли изо всех сил старалась не замечать его пристального взгляда. Меня это абсолютно не касалось, но мой желудок судорожно вздрагивал от едва сдерживаемого волнения.

Она села на стул, повернулась к нам, и ее серые глаза наконец остановились на мне.

— О боже, я такая грубая. Привет, я Кэлли.

Она наклонилась вперед и протянула руку, которую я приняла. Мы коротко пожали друг другу руки, и я помахала ей, улыбнувшись.

— Не переживай. Я Иден, сестра Джо.

— А-а-а, так значит ты и есть Иден. Я очень много слышала о тебе.

Я взглянула на брата краем глаза.

— Надеюсь, только хорошее.

Кэлли с уверенностью кивнула.

— Весьма хорошее, уверяю.

— Досадно, что ты могла подумать, будто я наговариваю на тебя, сестренка, — сказал Джо самым игривым голосом, который я слышала с тех пор, как он попал в больницу.

Я показала ему язык, на что он шутливо отмахнулся от меня.

— Что-нибудь определенное болит сегодня? — спросила Кэлли.

Вернув свое внимание к ней, он покачал головой.

— Не особо. Ноги побаливают, но не сильно.

— Ты вставал с постели?

— Нет.

— Поэтому они и побаливают.

Она бросила на него всезнающий взгляд.

— После того, как ты поужинаяешь, мы попробуем походить вдоль стен. Как тебе такая идея?

— Она включает тебя, поэтому звучит просто фантастически.

Молчание.

Неловкое молчание, которое свидетельствовало о том, что мне пора уходить.

Наклонившись, я поцеловала брата в щеку.

— Мне пора.

— Нет, Лепесток, останься, — сказал он, схватив меня за руку, когда я поднялась на ноги.

Я сжала ее и ухмыльнулась.

— Я вернусь завтра, обещаю.

— Лепесток... — продолжал брат, но я покачала головой и сказала ему, отступая к двери: — Веди себя хорошо.

— Было приятно познакомиться с тобой, Кэлли.

Она развернула свой высокий стул в мою сторону и лучезарно улыбнулась.

— Мне тоже.

— Ты позаботишься о моем брате?

Ее улыбка увеличилась десятикратно.

— О, непременно. Не беспокойся.

На этих словах я вышла из палаты Джио и направилась по коридору к лифту с вновь обретенной надеждой на его выздоровление. Эта надежда теперь была завернута в маленькую, прекрасную упаковку... и ее звали Кэлли.

Ксандер

Удивительно, как все может измениться всего за несколько недель. Если бы вы спросили меня еще три месяца назад, где я вижу себя сегодня, я бы ответил, что в вечном тупике. Это то, к чему я привык за последний год, и после неумелых попыток и неудач раз за разом обнаружить катализатор, который изменил бы все к лучшему, я, в конце концов, пришел к выводу, что еще не пришло время.

Но, по всей видимости, оно все же настало.

Разрозненные кусочки моей жизни медленно, но верно начали возвращаться на свои места. В первую очередь, что было самым важным — это мама и ее здоровье. У нее все было хорошо, и я имею в виду действительно хорошо, несмотря на слабость — моменты, когда ей нужно было прилечь или просто поднять ноги. Но по большей части она была энергичной, улыбалась, и жила полной жизнью. Недавний инцидент, из-за которого она попала в больницу, был расценен как своего рода несчастный случай, спровоцированный чрезмерным потреблением кофеина. Вкратце история такова: она выпила слишком много чашек кофе, который плохо совместился с лекарствами, в результате чего ее кровяное давление подскочило до небес. Врач велел ей воздержаться от кофеина, или, по крайней мере, употреблять не более одной чашки в день, а если бы она смогла полностью отказаться от него, то еще лучше. Он также предложил в качестве альтернативы кофе без кофеина, но мама и слышать об этом не хотела. Как она сказала, цитирую: «Кофе без кофеина — это не что иное, как грязная вода с кофейным ароматизатором».

Магазин был еще одной важной частью моей жизни, которая тоже наконец-то пошла на поправку. После тех первых нескольких дней наплыва покупателей, благодаря помощи Иден, дела пошли в гору. «Ройс» по-прежнему не мог конкурировать с крупными компаниями, но ситуация стала значительно лучше. Я смог оплатить свои личные счета, а также все, что не могла покрыть мамина пенсия, и все счета магазина. Кроме того, я смог увеличить время работы Зака. В тот день, когда я показал ему новый график, где его имя было добавлено почти к каждому дню недели, его лицо засветилось от восторга, и он даже обнял меня, снова и снова благодаря за предоставленную возможность. Вручение ему первой зарплаты за часы с трудом полученной работы было еще одним приятным аспектом всего этого.

А еще был я сам. Иден неуклонно становилась неотъемлемой частью моей жизни. Я не просто хотел ее. Я нуждался в ней. Нуждался в ней так, как никогда и ни в ком не нуждался раньше, и огромную силу моих чувств к ней иногда трудно было постичь. Я оживал, когда был с ней, и не мог вспомнить, когда в последний раз, если вообще когда-либо, чувствовал себя таким живым в присутствии женщины. Возможно, я сам виноват в том, что не допускал этого, всегда избегая обязательств и позволяя себе только физическое удовлетворение, но потом я подумал, не делал ли это потому, что мое сердце дожидалось Иден? В отличие от остальных, она обладала способностью растворять мир вокруг нас и удерживать мое внимание только на ней, и на нас. Хотя мы еще не сели за стол переговоров и не закрепили на себе ярлыки, мы оба прекрасно понимали, что это и куда все стремительно движется. Она была моей так же, как и я ее, и никакие ярлыки не могли сделать это еще более правдивым.

Был перерыв между двумя последними встречами с клиентами за день, когда мой

телефон зажужжал в кармане. Вытащив его, я просмотрел текст на экране, и на моем лице расплылась медленная улыбка.

Ангелочек: ««Нетфликс» и релакс сегодня вечером?

подавив смех, я закатил глаза и быстро напечатал ответ под стойкой.

Я: Ты прекрасно знаешь, что такой вариант, как «Нетфликс» вообще не обсуждается, Ангел. Речь только о релаксе...

Ангелочек: ??

Я: ?Закрываюсь в 6. Как насчет 7?

Ангелочек: Звучит идеально. Китайская кухня или пицца?

Я: Сгодится и то, и другое. Я согласен на все, что захочешь ты.

Ангелочек: Тебя. Я хочу тебя...

Я: Я у тебя уже есть...

Засунув телефон обратно в карман, я осознал, что будет практически невозможно завершить день, не поглядывая на часы, но, к счастью, моя последняя встреча произошла в тот самый момент, когда телефон снова зажужжал, мешая мне вытащить его и ответить светловолосой, голубоглазой красотке, которая стремительно прокладывала себе путь в мое сердце.

Час спустя на двери висела табличка «Закрывается», и Зак подметал вокруг магазина, пока я обналачивал кассовые аппараты и выключал компьютеры на ночь. Мы немного не укладывались по времени, и когда я бросил взгляд на часы, то осознал, что у меня не остается возможности заглянуть к маме, прежде чем встретиться с Иден у себя дома.

— Черт, — пробормотал я себе под нос.

Зак поднял голову и увидел, что я стою за прилавком, при этом метла застыла в его руках.

— Все в порядке, босс?

— Да, все в порядке. Просто потерял счет времени. Можешь закончить обналачивать деньги, пока я закрываю отсеки?

— Конечно.

Он направился ко мне.

— Сколько у тебя там?

— Пятьсот, — сказал я, протягивая ему пачку денег.

— Пятьсот, понял.

Когда он сменил меня, я сжал его плечо и вышел через парадную дверь, доставая свой телефон, чтобы позвонить маме. Прошло несколько гудков, прежде чем ее приятный голос прозвучал в трубке.

— Привет, мам.

— Привет, сынок, как прошел твой день?

— Суетливо, к счастью. Как ты себя чувствуешь? — спросил я, закрывая первую дверь.

— Немного устала, но ничего такого, с чем бы я не справилась.

— Полегче, мама, прошу тебя.

На ее лице явственно заиграла улыбка.

— Хорошо, дорогой, обещаю. Только закончу ужинать, и на сегодня все. Ты заедешь?

— Нет, хм, — я слегка поморщился, когда закрывал вторую дверь, — вообще-то, я как раз по этому поводу тебе и позвонил. У меня планы примерно через час, а я еще только закрываю магазин.

— Не волнуйся обо мне, Ксандер. Я в полном порядке. Развлекайся.

— Ты уверена? Я могу заскочить, если тебе что-то нужно.

— Нет, я в полном порядке, — пропела она. — Повеселись, ты заслужил это.

— Хорошо... Тогда я загляну к тебе утром, прежде чем отправлюсь в магазин.

— М-м-м... Если только у тебя будет на это время.

То, как она произнесла это, заставило меня с любопытством вскинуть брови, пока я закреплял замок на месте.

— Что бы это значило?

— О, ну ты знаешь... Не хочу, чтобы ты ради меня прерывался.

— Серьезно, мам, что все это значит?

— Ксандер Ройс, я не вчера появилась на свет. И прекрасно понимаю, что означает «у меня планы». Кроме того, последние несколько недель ты ведешь себя как влюбленный щенок. Кто она?

Господи Иисусе, ну вот, началось.

— Ма, это пока несерьезно.

— Ключевое слово «пока». Значит, ты имеешь в виду дружбу с дополнительными преимуществами? — спросила она, и ее вопрос был наполнен сарказмом.

Я застонал и провел рукой по лицу.

— Мама, просто прекрати.

— Ладно, ладно, хорошо, — захихикала она. — Господи Боже, ты прямо как твой отец. Не понимаешь шуток.

— Неправда. Я прекрасно воспринимаю шутки, но я провожу черту, когда они переходят на разговоры о сексе.

— Потому что твоя мама никогда не занималась сексом, так? А как еще, по-твоему, ты...

— Мама! Прошу тебя! — закричал я, крепко зажмурил глаза.

Она снова захихикала, а на заднем плане раздался звонкий звук, в котором я узнал стук половника о кастрюлю.

— Просто будь осторожен, Ксандер.

— Обязательно. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, милый. Повеселись.

Если я чему-то и научился за тот месяц, что был знаком с Иден, так это тому, что она никогда не опаздывала. Если мы планировали встретиться в 19:00, то я мог ожидать ее на пороге не позднее 19:01. Поэтому, разумеется, когда пробило семь часов, я ничуть не удивился, услышав характерный гул ее мотоцикла, подъезжающего к моему подъезду. По ее просьбе я заказал китайскую еду в маленькой забегаловке в нескольких кварталах отсюда и уже расставлял все в гостиной, когда в дверь энергично постучали три раза.

Она бросилась на меня, как только я распахнул дверь, ногами обхватив мою талию, а руками вцепившись в мои волосы. Теплые губы впились в мои, вырывая стон из глубины

горла, когда я захлопнул дверь ногой и прижал ее к себе.

— Привет, — пробормотала она между нежными поцелуями, которые быстро становились все более порочными.

— Как прошел твой день?— сумел спросить я.

— Долго и скучно.

Поцелуй.

— Как прошел твой?

— Долго и напряженно, — улыбнулся я под натиском ее поцелуев. — Кажется, кое-кто проголодался.

Она кивнула, зажав мою губу между зубами.

— Чертовски.

— Ты ненасытна.

— И это говорит человек, прижимающий меня к двери, — заметила она с ухмылкой.

— Ты начала это, Ангелочек. Я лишь заканчиваю.

— Я не дам тебе это закончить — поцелуй — так что лучше отнеси меня на диван и объяви антракт, НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО.

— Требовательная крошка. Что дальше? Может, ты еще попросишь меня накормить тебя ужином?

— Возможно, возможно, хотя я уверена, что кое-чем ты меня точно угостишь.

— И чем же?

— Десертом, — промурлыкала она, и гладкие дьявольские рожки почти пронзили кожу ее головы.

Задыхаясь от нахлынувшего искушения, я тихонько усмехнулся и провел нас в гостиную, опрокинув ее на диван, и отодвинувшись, прежде чем наша еда была окончательно забыта.

— Давай поедим. А в зависимости от того, насколько хорошо ты будешь себя вести, определим, получишь ли ты десерт или нет.

После пятиминутного спора о том, что смотреть, который включал в себя прокрутку бесконечных категорий на «Нетфликс», мы, наконец, остановились на «Наркесе» и погрузились в наши отдельные упаковки с говядиной ломейн, орудуя палочками для еды. Однако не прошло и пятнадцати минут после начала первого эпизода, как Иден отложила свой ужин на журнальный столик и втянула в рот конец моей лапши. Забравшись ко мне на колени, она приникла к моим губам, пережевывая и проглатывая украденную лапшу, пока наши рты не соединились полностью.

— Могу ли я вам чем-то помочь?— спросил я, опуская палочки в коробку с едой и отставляя ее на маленький столик рядом со мной.

Ее руки обвили вокруг моей шеи, а тело плотно прижалось к моему.

— Я хочу пить.

— И что мне тебе предложить?

— Воду, содовую, пиво. Что угодно, правда.

Я обхватил Иден за талию и намотал на руку ее хвост, откинув ее голову назад. Она зашипела — этот жест возбудил ее, и, когда шея оказалась выставлена напоказ, я провел языком по гладкой коже до уха, прикусив мочку.

— Выбирай.

— Ты выбирай.

— Не вариант.

— Еще какой вариант, — прошептала она, вжимаясь в меня одним медленным движением бедер, от которого мой член дернулся под спортивными шортами.

— Разве не ты хотела посмотреть сериал? — спросил я, пытаюсь приостановить ее движения.

— Разве не ты утверждал, что главное — это релакс? — возразила она, ухмыляясь.

— Да, но...

— Никаких но... У меня была долгая неделя. Я чертовски по тебе соскучилась. Ты мне нужен, Икс. Ну пожалуйста.

Она сексуально надула губы, а длинные ресницы захлопали над большими голубыми щенячьими глазами, разрушив мою решимость за миллисекунду. Этот ее ангельский взгляд делал это каждый раз. Каждый, бл*ть, раз. Она тоже это знала, поэтому так старалась.

Зная, что я уже готов, она стянула с себя майку через голову и бросила ее на пол, а вслед за ней и лифчик.

Когда она расположилась на моих коленях, выставив свои сиськи напоказ, я сделал то, что сделал бы любой здравомыслящий мужчина. Взял с тумбочки пульт и выключил телевизор, погрузив нас в темноту. Мы посмотрели «Нетфликс»... а теперь собирались порелаксировать.

Иден

— Я-я клянусь, я не крал у вашего отца! Я даже не знаю, кто он...

Затыкаю ему рот носовым платком из нагрудного кармана, чтобы он замолчал, и достаю свое оружие из кобуры на бедре.

— Имя Винсент Скарзи ни о чем не говорит?

Он судорожно трясет головой, а я закатываю глаза, поднося лезвие к его горлу.

— Тебе напомнить? Высокий рост, волосы цвета соли с перцем, темные глаза, которые проникают в душу, всегда одетый в костюм от Версаче.

Он снова мотает головой, его глаза блестят из-за непролитых от ужаса слез, и вдруг мое сердце останавливается. Я чувствую, что не могу дышать, глядя на него, трепещущего от страха. Он говорит правду, кричит мое подсознание, но другая половина меня, Молчаливый Жнец, отказывается верить в его душещипательную историю. Она сосредоточена на текущей задаче и быстро напоминает мне, что это не первый человек, который пытается солгать. Все они, так или иначе, пытаются избежать последствий.

Я подавляю пронизывающее до костей чувство неуверенности, пытаюсь усмирить пульс, который бьется с бешеной скоростью, и крепко прижимаю лезвие к его шее, не сводя с него пристального взгляда.

Проходит несколько секунд, прежде чем мне наконец удается вымолвить:

— Приберегите свои речи для Сатаны, мистер Кингстон.

Затем лезвие пронзает кожу, разрывая слой за слоем, когда я провожу им по его горлу. Теплые капли крови попадают мне на лицо, по мере того как он прощается с жизнью. Его глаза блестят, и я буквально вижу момент, когда смерть настигает его, захватывая душу и разрывая связь с телом. Страх, который он испытывал, проникает так глубоко в мои поры, что мне приходится бороться с желанием закричать, пока я веду его полуживое тело к краю причала и освобождаю от своей хватки...

Тяжелый, гортанный всхлип, задушенный и полный отчаяния, вырвался из меня, отдаваясь почти неистовым эхом в стенах душа. Даже стоя под обжигающими брызгами, я не могла избавиться от ужасных образов, атаковавших меня без всякой пощады.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Это, дамы и господа, был тот самый вопрос, который я задавала себе почти каждый день на протяжении последнего месяца, в основном потому, что именно столько времени мне потребовалось, чтобы справиться с оставшейся частью моего списка. Месяц для трех целей. Я должна была выполнить эту задачу за несколько дней, но теперь с огромным трудом делала работу, с которой успешно справлялась на протяжении шести лет. Каждое убийство оказывалось труднее предыдущего, изматывая меня все больше. До такой степени, что я предвидела возможность возникновения у меня мощного приступа паники, после которого я окончательно лишусь рассудка. Радость, волнение, кайф — все это исчезло. Все. Растворилось в воздухе без всякого предупреждения, пока я не оказалась лицом к лицу с Кристианом Магри, и мой палец не застыл на спусковом крючке. Его лицо приобрело облик Ксандера, когда я приставила «Глок» к его виску(прим.: семейство пистолетов,

разработанных фирмой «Глок» для нужд Вооруженных сил Австрии), и я поняла, что не смогу этого сделать — не смогу убить его. Мне потребовались все силы, чтобы упорядочить свои мысли и напомнить себе, что на самом деле он не Ксандер и что он украл много тысяч долларов у моего отца. Только тогда я смогла преодолеть страх и послать пулю в его череп. Прямо как в случае с Джаспером Деверо. Киран Лоуэлл тоже ничем не отличался от других. А Реми Кингстон, ну, вы сами знаете, чем все закончилось...

Слезы, вызванные чувством вины, стекали по лицу непрерывным потоком, смешиваясь с водой, льющейся на меня каскадом. Сквозь струи, искажающие зрение, я бросила взгляд на кафельный пол, и лужа у моих ног — чистая и прозрачная — вызвала такой мучительный вопль раскаяния, вырвавшийся из моей груди, что мне пришлось схватиться за стены, чтобы удержаться в вертикальном положении. Ложь, все это было чертовой ложью. Не было никаких признаков загубленной жизни, не было багрового оттенка в каждой капле, повествующей о смерти. С тем количеством жизней, которые отняла, я должна была бы захлебнуться кровью, подавиться каждой пролитой каплей, а не очищаться от грехов, как ангел, возрождающийся снова и снова.

Я стояла, застыв на одном месте, и нескончаемые слезы лились прямо из моей души, по мере того как одна эмоция за другой обрушивались на меня, душа меня годами подавляемыми чувствами и воспоминаниями.

— Пусть это прекратится. Пожалуйста, пусть это прекратится, — закричала я, впиваясь ногтями в камень, а мой голос был невнятным и неузнаваемым.

У меня болела грудь, сердце находилось на грани разрыва, а легкие с трудом наполнялись воздухом. Меня колотило крупной дрожью, и не потому, что вода стала холодной, а потому, что ужас охватил меня со страшной силой, и я понятия не имела, как изгнать овладевших мной демонов. Минута за минутой я теряла контроль над собой, и самое худшее в этом было то, что мне некому было помочь. Ни моему отцу, ни моим братьям — никому. Во всем была виновата я сама. Я знала, что лучше не попадаться на удочку, но по какой-то причине все равно сделала это. Быть может, поначалу все происходило ненамеренно, но после я должна была почувствовать, что все полетит к чертям, потому что все в Ксандере было по-другому. С того момента, как я увидела его, сидящего на мотоцикле, я почувствовала это. Я не могла выразить это словами, ни тогда, ни сейчас, но этого должно было быть достаточно, чтобы предостеречь меня. Этого должно было быть достаточно, чтобы заставить задуматься о последствиях — о том, что спасение его жизни поставит под угрозу мою преданность семье, заставит меня хранить запретную тайну и плести ложь за ложью, чтобы все поверили, что я выполнила свою работу. Это было не по мне. Я не была лгуньей. Но я стала ей, и, по правде говоря, это было предпочтительнее альтернативы. Если бы я выполнила свою работу так, как ожидалось, я бы не смогла спокойно жить с самой собой, потому что одной мысли о том, что Ксандер оказался под землей, было достаточно, чтобы похоронить меня заживо и отправить прямиком в ад.

Я вздрогнула от этой мысли. Звук стучащих зубов отразился от стен душевой вокруг меня. Он прорвался сквозь дымку, и мой взгляд переместился на руку, лежащую на кафеле. Фиолетово-синие ногти напомнили мне, насколько ледяной была вода. Подушечки пальцев тоже были огрубевшими, и я поняла, что пора выбираться, но я не могла успокоиться. Несмотря на то, что уединенность ванной позволяла мне спокойно предаваться размышлениям, я не могла оставаться там вечно. В какой-то момент мне пришлось бы встретиться со своими демонами, так или иначе.

Нехотя я положила руку на кран и выключила воду. Мурашки мгновенно покрыли кожу, когда я вышла в пространство ванной комнаты, и прохладный воздух окутал меня с головы до ног. Я стащила полотенце с вешалки и обернула его вокруг себя, не потрудившись сначала вытереться. Все, чего я хотела — оказаться в безопасности в своей постели. Я не стала облачаться в пижаму, забравшись под простыни в надежде, что сон сжалится надо мной и унесет из мрачных глубин моей реальности. Свернувшись в клубок, я закуталась в одеяло и, к своему удивлению, мир вокруг меня начал медленно расплываться, становясь все темнее и темнее, пока я не погрузилась в забытие.

Но прошло совсем немного времени, прежде чем на тумбочке зазвонил телефон.

Задыхаясь, с колотящимся сердцем, я потянулась к источнику звука и поднесла телефон к уху.

— Алло?

— Лепесток, это Лиана.

Святые угодники.

Я глубоко вздохнула. Облегчение нахлынуло на меня от звука ее приятного голоса.

— Привет, дорогая. Что...

— Он здесь, — поспешно произнесла она.

Застыв от безотлагательности звучания этих двух слов, я вскочила на ноги.

— Кто?

С того конца линии до меня доносились различные звуки, и в какой-то момент я услышала, как она сказала кому-то, что собирается на улицу, после чего распахнулась дверь.

Затем она сказала то, что я совсем не ожидала услышать.

— ЛеРу.

Звук этого имени мгновенно заставил меня окончательно проснуться. Вместо страха во мне вспыхнул гнев, и я провела трясущейся рукой по еще влажным волосам, обдумывая то, что только что сказала Лиана.

— Ты уверена, что это он? — спросила я через некоторое время.

— Уверена. Он соответствует описанию, которое Лука дал мне несколько недель назад.

— И он все еще там?

— Да, как и большой конверт, который он передал мне, когда я несколько минут назад принимала у него заказ. Сказал, что он для тебя.

Что за черт?

Отняв телефон от уха, я посмотрела на время и мысленно подсчитала, сколько времени мне понадобится, чтобы добраться до места, где она находится. Паб, в котором она недавно начала работать после возвращения домой из Италии, находился примерно в часе езды, что было бы не так уж плохо, если бы не один француз. Как он узнал, кто такая Лиана и где она работает, ума не приложу, но это делало ситуацию еще более серьезной, а значит, мне нужно было добраться до «Янки» быстрее, чем это могла бы позволить себе полиция Нью-Йорка.

— Я выезжаю. Не уходи, пока я не приду, Лиана, слышишь меня?

— Но мы закрываемся через полчаса, а у меня...

— Плевать, — отрезала я, расхаживая по комнате, одеваясь. — ЛеРу может затаиться после того, как уйдет, а я не могу рисковать тобой. Я скоро буду там, хорошо?

— Уф, хорошо. Должна ли я позвонить кому-нибудь за это время?

Я замерла, наполовину влезшая в джинсы, и мои глаза расширились от тревоги.

— Нет. Нет, нет, нет. Не звони никому. Ни Луке, ни моим братьям, никому. У меня все

под контролем.

— Ты уверена? — настороженно спросила она.

— Да, уверена. Держись спокойно и веди себя как можно естественнее. Кто знает, что может выкинуть Гаспар, если почувствует неладное. Как думаешь, справишься?

Лиана хихикнула, и я практически почувствовала, как она закатила глаза.

— Может, я и не такая злобная стерва, как ты, но папа научил меня чертовски хорошо держать себя в руках. Я справлюсь.

Мои губы растянулись в улыбке от ее прямоты. Это подтвердило мою личную небольшую теорию о том, что, несмотря на то, что она была просто святой, по сравнению со мной, огонь наследия ее семьи невозможно было погасить.

— Знаменитый покер-фейс Равенна. Изобрази его как следует и сохраняй спокойствие. Я буду там меньше, чем через час, — сказала я, натягивая через голову черную кофту с длинными рукавами.

— Езжай осторожно, Лепесток.

Это было последнее, что я услышала, прежде чем схватить брелок с ключами с тумбочки и вылететь через дверь своей комнаты, словно летучая мышь из ада. Вот только я сделала всего пятнадцать шагов по коридору, прежде чем врезалась в очень знакомое твердое тело.

Мои руки сомкнулись на его бицепсах, и я заглянула в ясные голубые глаза.

— Ого... — Лука опустил руки на мою талию, а его темные брови сошлись вместе при виде моей поспешности. — Что случилось?

— Ничего. Просто мне срочно нужно кое-куда добраться, — сказала я, вырываясь из хватки, в попытке обойти его.

Он был буквально последним человеком, которого я хотела видеть, особенно в этот момент. Но далеко уйти мне не удалось.

Поймав мою руку в крепкий захват, он резко дернул меня на себя.

— Куда?

Напряженная тишина повисла между нами, пока я обдумывала свой ответ. Если бы я сказала ему правду, он, без сомнения, последовал бы за мной в паб. Лиана была его младшей сестрой, в конце концов. Но, как я сказала ей несколькими минутами ранее, у меня все было под контролем, и лучше было бы оградить от этого других людей. К чему беспокоить его и остальных Равенна, если все непременно будет в порядке?

Я имею в виду, все должно быть в порядке, не так ли?

Должна быть причина, по которой Гаспар наконец-то выбрался из укрытия.

Вырвав руку из захвата Луки, я улыбнулась как можно искреннее и сделала шаг назад.

— По работе. Мы скоро наверстаем упущенное, хорошо?

— Скоро наверстаем, как тот звонок, которого я все еще жду?

— Лука, прошу тебя, — вздохнула я. — Не сейчас. Мне действительно нужно идти.

— Тогда позволь мне пойти с тобой.

Я резко отпрянула назад.

— Что? Нет.

— Почему нет?

Он скрестил руки на груди.

— Потому что я работаю в одиночку, вот почему.

— Ладно тебе, Иден. Я не буду мешать, и позволю тебе заняться своими делами. Просто

позволь мне пойти с тобой. Мы можем поужинать после или отдохнуть у меня...

Ну началось.

Я подняла руку, прервав его на полуслове.

— Какую часть моего твердого «нет» ты не понял с первого раза, Лука? Я не хочу, чтобы ты шел со мной, не хочу идти с тобой на ужин, и уж точно не собираюсь заходить к тебе домой. Хватит уже. Ты, похоже, представляешь себе какое-то будущее, которое даже не является возможным в моем понимании, и, откровенно говоря, тебе нужно забыть об этом. Ничего не будет.

— Ты это серьезно? — спросил он, почти прорывчав свой вопрос с возмущением.

— Серьезно. А теперь прошу меня простить, мне нужно идти.

— Почему, Иден?

Его голос остановил меня на полпути по коридору.

— Почему ты не даешь мне шанс?

Глубоко вздохнув, я оглянулась через плечо.

— Потому что я ясно дала понять с самого начала — никаких обязательств. Никогда. Ты можешь хотеть перейти эту черту, но я не хочу, и на самом деле тебе некого винить, кроме себя. Как только ты начал чувствовать хотя бы намек на что-то большее, ты должен был отступить.

— Должен был, да, но я предположил, что если я чувствую это, то и ты тоже.

— Никогда не предполагай, Лука. Это превращает все в полную задницу для обеих сторон. И на будущее, секс не всегда открывает путь к отношениям. Некоторые люди действительно наслаждаются им таким, какой он есть, а не тем, к чему он способен привести.

С этими словами я спустилась по лестнице, оставив его стоять посреди коридора и обдумывать информацию, которую ему подкинула. Мне следовало бы почувствовать сожаление из-за прямоты моих слов, но, по правде говоря, я его не испытывала. Ему нужно было услышать это, и услышать четко, потому что мои предыдущие попытки явно были недостаточно убедительными. Я ожидала, что он последует за мной, но когда я шустро выскочила за дверь и приблизилась к «грантуризму», стало ясно, что он не собирался этого делать.

Хвала Господу.

Оставаясь верной своему слову, я подъехала к «Янки» менее чем через сорок минут и припарковалась на единственном свободном месте. Парковка была забита до отказа, что было не редкостью для выходного дня, но вместо того, чтобы бурлить энергией, это место источало дух опасности. Был ли Гаспар все еще здесь или нет, я пока не знала, но что-то чувствовалось... не так. Это было похоже на то грызущее чувство тревоги, которое возникло, когда мы с братьями проникли в его поместье. Только не такое сильное. Но, тем не менее, я ощущала его.

Заглушив двигатель, я откинулась на сиденье и сделала столь необходимый глубокий вдох. Кайф вернулся, пронизывая меня безумием, которое захватило все мое сознание, но это не было даже отдаленно приятным. Я чувствовала себя одновременно несокрушимой и встревоженной. Это было ничуть не удивительно, поскольку теперь происходило постоянно. Однако никакая неуверенность не могла свести на нет годы тренировок, и, приведя свои чувства в состояние повышенной готовности, я выскользнула в ночь и вошла в шумный паб, окидывая взглядом все и всех на своем пути к Лиане.

Стены вокруг меня были отделаны темными деревянными панелями с неоновыми вывесками и спортивной атрибутикой. Массивные телевизоры висели в разных частях ресторана. На каждом экране транслировались разные каналы: бейсбол, футбол, новости или какой-нибудь популярный сериал. Толпы людей — от студентов до семейных пар — занимали кабинки по всему периметру, а также высокие столики и барные табуреты, и полностью забитый бар. Все они не ведали, что происходит вокруг — их шумные разговоры и звучание песни «Gold» Киары заглушали реальность.

— Иден!— услышала я посреди толпы.

Обернувшись, я завертела головой, пока не увидела, что ко мне спешит моя подруга детства.

Она подбежала и крепко обняла меня.

— Привет, Лепесток.

— Ты в порядке?— спросила я, сжимая ее в объятиях.

— Я выгляжу раненой? — хихикнула она и отстранилась, чтобы я могла взять ее за руки. — Я в порядке, уж поверь.

К счастью, она действительно была жива и невредима, но это не отменяло срочности того, почему я оказалась здесь.

— Где он?

Лиана пожала плечами.

— Он исчез, пока я выходила на улицу поговорить с тобой. Я попросила охранника все осмотреть, но он вернулся с пустыми руками.

— Черт. Он может быть где угодно, — сказала я, вглядываясь в каждое лицо вокруг нас.

— Может, это и к лучшему. Давай, пойдем в подсобку, чтобы ты могла открыть конверт.

Взяв мою руку в свою, Лиана повела меня сквозь толпу посетителей паба в узкий коридор рядом с туалетами в задней части заведения. В самом конце хорошо освещенного коридора находилась комната для сотрудников в бледно-голубом оформлении с несколькими шкафчиками, столом, маленьким холодильником и микроволновой печью. Я тихо закрыла за нами дверь, пока Лиана склонялась к своему шкафчику и поворачивала ключ в замке.

— Я не хотела, чтобы кто-нибудь увидел его, пока я обслуживала столы, поэтому сунула сюда, — сказала она, протягивая мне большой желтый конверт.

Взяв его из ее рук, я отметила, что он не такой легкий, как я ожидала, и пошла присесть за пустой столик неподалеку, поддевая края конверта, чтобы открыть его.

— Мне нужно вернуться обратно, — раздался ее голос возле двери, — если кто-то придет сюда, просто скажи, что ты со мной.

Кивнув, я слабо улыбнулась ей и перевернула конверт. На стол выпали сложенный лист бумаги и древняя «Нокиа».

Что за хрень?

Я не знала, что схватить первым. Телефон привлек мое внимание, но записка прожгла дыру в моей голове. Развернув ее, мой взгляд остановился на коротком сообщении, начертанном жирными черными чернилами.

**У МЕНЯ ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ВАС.
ЕСЛИ ЗАИНТЕРЕСУЕТЕСЬ,
НАБЕРИТЕ «1».**

Я потеряла дар речи, крепко сжимая помятую бумагу, в то время как множество вопросов заполнили мысли.

Что ему нужно? Что он может предложить мне? Хочет ли исправить то, что совершил по отношению к моей семье?

Не было другого способа ответить на них, не связавшись первым делом с Гаспаром, и как бы ни была мне неприятна мысль о переговорах с ним, я понимала, что никак не могу упустить такой шанс. Это могла быть моя единственная возможность избавить отца от этого француза раз и навсегда.

Приняв решение, я потянулась к телефону и набрала «1», как и было велено. Прозвучало всего два гудка, прежде чем сильный французский акцент прорезался в моем ухе.

— Что, бл*ть, вам нуж... — прошипела я сквозь стиснутые зубы, но он поспешил одернуть меня, резко прервав мой гневный вопрос.

— На вашем месте, я бы очень хорошо подумал мисс Скарзи, прежде чем что-нибудь ляпнуть, а иначе, отвратительное заведение, в котором вы сейчас находитесь, взорвется от одного нажатия кнопки, — сказал он, сделав акцент на слове «взорвется» и изобразив соответствующий звуковой эффект — «бум».

Я проглотила свои слова, и немного гордости в том числе.

— Я слушаю.

— Похоже, у меня возникла та же досадная проблема, что и у вашего отца.

Он звучал насмешливо.

— И какая же?

— Возврат моих денег.

Тишина.

— Видишь ли, *petit* (прим.: с франц. малышка), люди, которые занимают у меня деньги, знают, что лучше не нарушать сроки. Знаешь, почему?

— Нет, — категорично ответила я.

— Потому что, в отличие от твоего отца, я не знаю пощады. И не предлагаю смехотворных отсрочек. Они знают, что если не вернут то, что им дали, *jei viendrai pour eux*.

— Что это значит? Я не очень хорошо знаю французский.

Он мрачно усмехнулся.

— Я приду за ними.

— Хорошо... Только не пойму. При чем здесь я?

— Я устал, мисс Скарзи, и постарел. Я знаю вашего отца много лет, и ваши таланты не остались незамеченными. Мне бы пригодилась ваша помощь, чтобы довести дело до конца.

Я скривила лицо в замешательстве и отвращении, вскочив на ноги.

— С чего вы взяли, что я соглашусь вам помогать?

— Потому что, если ты это сделаешь, я верну твоему отцу все до последнего пенса с дополнительной суммой для тебя, *biensûr* (прим.: с франц. конечно), — промурлыкал он.

Это привлекло мое внимание. Я оказалась права. Видимо, Гаспар опомнился и осознал, что мой отец никогда не отступится. Ему придется быть в вечном бегстве и всегда начеку, чтобы сохранить себе жизнь, если он не исправит свои ошибки.

— Итак, проясним ситуацию, — сказала я, расхаживая по комнате. — Вы хотите, чтобы я работала на вас, а взамен вы вернете все моему отцу?

— *Oui* (прим.: с франц. да). Я все именно так и сказал, не так ли?

— В чем подвох? — выпалила я.

— Нет никакого подвоха. Ты помогаешь мне, я помогаю тебе.

— Я вам не верю. Насколько длинный ваш список?

— Это не та информация, которой я могу поделиться в данный момент. Могу заверить, что не очень длинный.

— Есть одна загвоздка, — вздохнула я, ущипнув себя за переносицу. — Если я соглашусь, как это будет работать?

— Все очень просто, на самом деле. Ты будешь использовать этот и только этот телефон для поддержания связи. Я могу контролировать все, что ты делаешь через него, поэтому никакого... как это у вас, американцев, говорят? Валяния дурака?

Я хмыкнула и закатила глаза, прислонившись к стене.

— Как только ты избавишься от одного имени, я сообщу тебе другое, — добавил он.

— И как я узнаю, когда все будет кончено?

— Ты просто узнаешь, *petit*.

Он серьезно? Он действительно ожидал, что я скажу «да» по первому требованию, потому что он так захотел? Он был лжецом, мошенником, гребаным убийцей, и просто ожидал, что я скажу «да»? Он что, спятил?

Я стояла так бог знает сколько времени, и мы оба молчали, пока я размышляла над тем, что делать.

Смогу ли я в своем нынешнем состоянии выполнить грязную работу для ЛеРу?

— Получается, я должна просто довериться вам и вслепую прокладывать свой путь через бредовую гонку за дикими гусями? — с сомнением спросила я через некоторое время.

— Да, и я не собираюсь долго ждать ответ, поэтому поторопитесь, мисс Скарзи. Мой палец дрожит от желания нажать на маленькую красную кнопку. На самом деле, она настолько теплая и гладкая, что я не уверен, как долго еще смогу сдерживать себя.

— Хорошо! — воскликнула я, мои глаза расширились от волнения.

— Отлично, — удовлетворенно усмехнулся он. — Я скоро позвоню вам по поводу первого заказа. Когда? Не знаю, но лучше вам отъехать на юг примерно на два часа. Это, вероятно, облегчит вашу работу.

Я была в нескольких секундах от того, чтобы запротестовать, когда связь прервалась, а мой рот распахнулся от произнесенных слов и всего остального. Отняв телефон от уха, я взглянула на экран и убедилась, что он отключил наш звонок, вырвав почву у меня из-под ног, хотя, полагаю, раз он был в бегах, понятие «почва под ногами» и для него самого было неактуальным.

Бл*ть.

Во что, черт возьми, я только что вляпалась? Два часа на юг? Это означало, что он собирается заставить меня путешествовать на край земли. Кто знает, как долго я пробуду вдали от дома. Как, черт возьми, я собиралась объяснить это папе и ожидать, что он согласится? Он никогда не разрешит мне поехать одной, а после того, что произошло, было само собой разумеющимся, что он вообще никуда меня не отпустит, даже с подкреплением. Все, что было связано с Гаспаром, подразумевало категорическое «нет».

Запихнув телефон в задний карман джинсов, я забрала записку и конверт со стола и поспешила выйти из комнаты отдыха как раз в тот момент, когда туда кто-то входил.

— Что за...? — услышала я позади себя, но никто не сделал и малейшего движения, чтобы остановить меня.

Свернув за угол и снова оказавшись в толпе шумных людей, я пришла к выводу, что мне придется просто взять и уехать. Без объяснений и прощаний. Я понимала, что мой отец не будет доволен этим, как и мои братья, но придется действовать именно так. Как только я преодолею два часа пути, я позвоню им и заверю, что со мной все в порядке. Также мне нужно было позвонить Ксандеру и в минимальных подробностях объяснить, что...

Ох. Черт. Ксандер...

Я не могла оставить его.

Папа считал его мертвым, и если по какой-то причине Икс явится в «Равенна Моторс» чтобы обругать «моего отца» за то, что тот отпустил меня на какое-то задание, он станет мертвецом по-настоящему.

Мое сердце подскочило к горлу.

Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

Ему придется поехать со мной, и я знала без сомнения, что он будет не в восторге от этого, в особенности потому, что единственным способом убедить его будет сказать правду...

Ксандер

Ангелочек: Икс...

Я: Ангел...

Ангелочек: Я тебя разбудила?

Я: Нет. Я растянулся на диване и жду, когда закончится стирка. С тобой все в порядке?

Ангел: Нет. Открой дверь через тридцать секунд.

Я отбросил телефон на диван и в волнении вскочил на ноги, вглядываясь в темноту ночи через окно. Все, что можно было увидеть — это то, что было освещено уличными фонарями, которых в этой части города было не так уж и много. Низкий гул «ГранТуризм» Иден едва заметно нарушал тишину района, пока медленно катился по улице в сторону моего дома.

Подбежав к двери, я распахнул ее и увидел, что Иден уже выскочила на подъездную дорожку. Она обвилась вокруг меня прежде, чем я сам успел схватить ее, а ее руки крепко обернулись вокруг моей шеи. То, как она прижалась ко мне, и то, как сердце Иден билось о мою грудь, было тревожным сигналом. Я опустил руки на ее талию и слегка отодвинул назад, встретившись взглядом с ее голубыми глазами.

— Что случилось?

— Нам нужно уехать, — поспешно сказала она, захлопывая дверь и увлекая меня за руку в комнату.

— Что? Куда?

— Подальше отсюда. Нам нужно отправиться на юг, немедленно.

— На юг? Но зачем? — спросил я, сбитый с толку.

Иден судорожно бегала вокруг, сваливая одежду из моего комода на кровать в небольшую кучу, одновременно с этим залезая в шкаф, чтобы снять вещи и с вешалок.

— Сумка. Мне нужна сумка! — воскликнула она, широко раскрыв глаза, а ее руки заметно дрожали.

Что. Бл*ть. Происходит?

— Детка, поговори со мной. Что, черт возьми, происходит?

— Просто принеси мне сумку, и я все объясню. Пожалуйста!

Видеть ее в таком состоянии, перепуганной до смерти, было более чем невыносимо. Не желая расстраивать Иден еще больше, чем уже было, я прошел к своему шкафу, достал единственную сумку, которая у меня была, и положил ее на кровать рядом с разбросанной ею одеждой.

— Вот сумка. А теперь рассказывай, и спокойно, чтобы я смог понять.

— Нам нужно выбираться отсюда, — проговорила она, запихивая в сумку вещь за вещью.

— Почему?

— Потому что Гаспар вышел из укрытия, и это мой единственный шанс вернуть то, что он украл у моей семьи.

Что?

— Кто такой Гаспар?— спросил я, окончательно запутавшись.

— Человек, который навредил моему отцу.

И снова ничего не прояснилось.

— Мне неловко говорить тебе об этом, ангелочек, но ты никогда ничего не рассказывала мне об этом. Как именно он навредил твоему отцу? Он украл машины со стоянки?

Иден замерла на месте, оцепенев от ужаса. Она не моргала, и, черт возьми, я даже подумал, что она не дышит. Внезапно она сильно побледнела, но все равно не пожелала ответить мне.

— Детка, ты меня слышишь? — помахал я рукой перед ее лицом. — Сколько машин он...

— Марчело Равенна не мой отец! — воскликнула она.

Мое сердце остановилось.

— О чем ты говоришь?

— Марчело Равенна не мой отец, — повторила она, на этот раз более тихо, а в ее голосе сквозили стыд и чувство вины.

— Ты солгала?— недоверчиво поинтересовался я, и гнев стремительно выплеснулся на поверхность моих эмоций. — Но почему?

— Потому что, если бы я сказала тебе, что меня зовут Иден Скарзи, ты бы тут же сбежал в горы.

Мое дыхание сбилось, и потрясенный вздох громко прозвучал в тишине спальни.

— Мне очень жаль!

Она сделала шаг ко мне, но я в свою очередь отступил на несколько шагов назад, подняв руки в знак протеста.

— Не отдаляйся от меня, умоляю! Я сделала это, чтобы защитить тебя!

— Защитить меня? Ты сказала мне, что ты Иден Равенна за несколько часов до того, как попыталась убить меня! Как могло это защитить меня? — усмехнулся я.

Тишина.

Ничего, кроме абсолютной тишины.

Ее рот открылся, чтобы заговорить, но из него ничего не вышло. Она пыталась снова, снова и снова, но каждый раз безуспешно. Я поймал ее на лжи, и она не знала, что ответить. Сузив глаза, я смотрел на нее с нескрываемым отвращением, возмущенный тем, насколько мерзким все это было. Но отвращение я испытывал не только к ней. О нет, я испытывал не меньшее отвращение к самому себе за то, что был таким гребаным глупцом.

— Что и требовалось доказать. А теперь убирайся к чертовой матери.

— Просто выслушай меня, пожалуйста. Мне жаль, что я солгала тебе, но ты должен пойти со мной!

— Никуда я с тобой не пойду, — прорычал я, но, прежде чем успел среагировать, она подошла ко мне и ухватилась за мою футболку.

— Ты должен пойти со мной, Ксандер. Они убьют тебя без колебаний, если узнают, что ты жив!

— Значит, улаживание вопроса со Скарзи насчет моей персоны — тоже ложь?— насмешливо спросил я, отталкивая ее от себя. — Ситуация становится все лучше и лучше.

— Я все уладила, но не так, как ты предполагаешь. Если бы я сказала отцу, что не убила

тебя, он подослал бы моего брата, а мой брат не останавливается ни перед кем, в каких бы обстоятельствах не находился человек!

Ложь это или нет, мне было уже все равно.

— Просто убирайся, Иден, — жестко сказал я хриплым голосом.

— Я не уйду отсюда без тебя! Разве ты не понимаешь? Как только я исчезну, мой отец перевернет все вокруг и отследит мои шаги — все шаги, и они приведут его прямо к тебе. Ты должен отправиться со мной.

— Ты серьезно ожидаешь, что после всего вышеизложенного я просто соберу свои вещи и сяду с тобой в машину, не имея ни малейшего представления о том, куда направляюсь? — сказал я, взмахнув руками. — Ты предлагаешь мне оставить маму, работу, все...

— Чтобы обеспечить твою безопасность, — вмешалась она. — Я прошу тебя отправиться со мной, чтобы я могла обеспечить твою безопасность. Знаю, это нелегко, но это единственный выход. Прошу тебя, Ксандер. Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно, но, прошу тебя, поехали со мной.

Я, должно быть, был сумасшедшим, раз задумался об этом варианте, но что-то во мне, несмотря на все, что она сделала, подсказывало, что это действительно единственный выход. Но один очень важный аспект был единственной причиной, удерживающей меня.

— Если он отследит твои шаги, не означает ли это, что он придет за моей мамой? — спросил я.

Иден покачала головой.

— Нет. Мой отец может быть кем угодно, но он не взыскивает долги с членов семей. Я ручаюсь тебе своей жизнью, что он и близко к ней не подступится.

Мог ли я доверять ей в этом? Доверять настолько, чтобы оставить маму и подвергнуть ее риску столкнуться с бедой ради спасения собственной задницы? Я не сомневался, что она будет волноваться, но если не сделаю этого, если останусь и буду убит от рук Скарзи, мама умрет от разрыва сердца.

— Сколько времени это займет? — поспешно поинтересовался я.

— Не знаю.

— Это еще одна твоя ложь или на этот раз ты действительно говоришь правду?

— Клянусь, это правда. Гаспар не сказал мне ничего, кроме того, что нужно проехать на юг на два часа.

— Иисус, гребаный Христос.

Я ущипнул себя за переносицу. В голове запульсировала тупая боль.

— Встретимся в машине.

Первые десять минут поездки Иден безуспешно извинялась и вела светскую беседу, пытаясь снять напряжение. Но меня это не трогало. Я не хотел слышать ни слова из того, что она хотела сказать, включая извинения, потому что никакое «прости» не могло исправить того, что она натворила. Я доверил ей свою жизнь, свое гребаное сердце, и меньше чем за пятнадцать минут Иден доказала, насколько глупо я поступил с самого начала.

Прижавшись головой к окну, я открывал и закрывал все приложения на своем телефоне снова и снова, надеясь, что смогу как-то отвлечься от гнева, разочарования и чувства

предательства, которые кипели в моих венах. К сожалению, затишье было временным, потому что, когда я в пятый раз смахнул приложение «Ютуб», телефон Иден начал звонить через динамики по блютуз. Она посмотрела вниз, на светящийся экран у себя на коленях, и, пробормотав под нос «Бл*ть», нажала кнопку на рулевом колесе и отправила абонента на голосовую почту.

«Интересно, что еще она скрывает», — подумал я про себя, открывая браузер «Сафари», чтобы запустить «Гугл».

Менее чем через тридцать секунд телефон зазвонил снова, заставив мой большой палец замереть над результатами поиска, отображенными на экране. Уголкем глаза я наблюдал, как она хрипит от разочарования с примесью беспокойства и снова отклоняет звонок.

«Кого она игнорирует и почему?» — такие вопросы крутились у меня в голове, когда телефон зазвонил снова.

Звук мгновенно вызвал раздражение, и как раз в тот момент, когда она собиралась отклонить звонок, как уже делала дважды, я резко развернулся, отвлекаясь от окна и всего остального.

— Бл*ть, возьми трубку, Иден! Ч-ч-черт!

Мелодия продолжалась еще несколько секунд, прежде чем она глубоко вздохнула и наконец приняла звонок, не выглядя при этом довольной, ответив раздраженно: «Да!».

— Где ты? — спросил глубокий мужской голос.

— Нигде, — огрызнулась она.

— Очевидно, что ты куда-то едешь, Иден. Так куда же?

— Какая тебе разница, где я? Чего ты хочешь, Лука?

— Знаешь, — вздохнул он. — Я сказал себе, что не буду звонить тебе и мне наплевать, куда ты сбежала, но вот я здесь, снова стою на коленях, умоляя тебя уделить мне хоть немного внимания. Я хотел поехать с тобой не просто так, Лепесток, а по причине, которую ты, несомненно, прекрасно понимаешь. Но, несмотря на все мои старания и на то, как искренне я раскрываю перед тобой свое сердце, ты отвергаешь меня...

Иден свирепо зарычала и хлопнула ладонью по рулю, остановив мужчину на полуслове.

— Я не собираюсь разговаривать с тобой об этом прямо сейчас. У меня есть дела поважнее, чем убажнение твоего уязвленного самолюбия. Отрасти яйца, надень свои большие мальчишеские штаны и покончи с этим. Прощай, Лука.

Щелчок кнопки отключил связь, и она во внезапном приступе ярости переключила скорость и понеслась по трассе. Двигатель ревел в знак протеста против того, что его выжимали до предела. Уличные фонари, здания, пешеходы — все проносилось мимо меня как в тумане, и казалось, что Иден совершенно не волнует ограничение скорости, пока мы ехали на юг от города. Я знал, что лучше не совать свой нос куда не следует, но, черт возьми, этот вопрос разъедал меня, как пиявка.

— Итак, кто такой Лука?

Маневрируя между машинами и чуть не проехав на красный свет, она с силой сжала руль рукой.

— Просто забудь об этом, Ксандер. Не лезь в это.

Что за х*йня?

Она действительно только что велела мне не лезть не в свое дело? Кем, черт возьми, она себя возомнила?

Разгневанный тем, что она вообразила, будто может просто заткнуть меня, я повернулся

на своем сиденье, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Полагаю, ты понимаешь, что я имею полное право лезть в это, учитывая текущую ситуацию и все, что привело к ней.

Она посмотрела краем глаза, делая глубокие вдохи, словно пытаюсь успокоиться.

— Хорошо, но, если ответ будет не таким, какой ты хотел услышать, не говори, что я тебя не предупреждала.

Как будто что-то еще, кроме того, что она уже сказала, могло сделать эту адскую реальность еще хуже...

— Просто выкладывай уже, Иден, — сказал я, и мой тон был полным горечи и негодования.

— Лука — лучший друг моего старшего брата, — начала она, включив поворотник, когда мы приблизились к перекрестку и встали на светофоре. Как только мы полностью остановились, она перевела взгляд на меня и полностью опустилась на сиденье. — Но я знаю его всю свою жизнь. Мы выросли вместе, наши семьи были очень дружны, и около двух лет назад мы с Лукой договорились о неформальном общении.

— Что бы это значило? — осведомился я.

— Никаких трусов.

Мое сердце замерло на мгновение, пока я удерживал ее взгляд. Понимаю, что я не должен быть шокирован ни в малейшей степени, потому что, в конце концов, она потрясающе красивая женщина, но все же я был шокирован, а также чувствовал ревность, что являлось полнейшим абсурдом, о котором я даже думать не хотел.

Пронзительный гудок машины, стоявшей позади нас, прорвался сквозь напряженность момента, заставив Иден перейти к действиям. Она покачала головой и сфокусировалась на дороге, быстро свернув налево на иррационально высокой скорости в сторону следующей улицы. Очевидно, отсутствие моей реакции повлияло на ее самообладание.

— Так ты хочешь сказать, что все то время, пока мы с тобой...

— Нет, — твердо произнесла она, прервав меня на полуслове. — Нет. Мы с Лукой давно расстались — еще до того, как мы встретились с тобой.

— Как давно? — пробормотал я сквозь стиснутые зубы.

Иден сглотнула, не сводя глаз с дороги.

— Месяц.

Моя голова дернулась назад.

— Месяц? Ты думаешь, месяц соответствует понятию «давно»?

— Достаточно давно, — прорычала она.

— Нет, это не так.

— Это так.

— Нет, не так! — прорычал я. — Это чертовски не так, бл*ть!

Мы с пронзительным визгом шин остановились на светофоре, и она бросила на меня такой убийственный взгляд, что я прочувствовал его до самых костей. Но мне было все равно — я был так же зол, если не больше.

— Почему Лука так волнует тебя? Мы же не встречались с тобой, а просто трахались.

Трахались. Очевидно, мы действительно просто трахались. Не влюбились друг в друга, не работали над развитием отношений, а просто трахались по принципу «мне пох*й на тебя». Ее слова и способность отбросить то, что я думал, между нами было, прозвучали так, словно она только что ударила меня по лицу, многократно усиливая гнев, который я

испытывал с того момента, как она призналась во всем у меня дома.

— О, так значит, это был просто трах?— усмехнулся я. — А как же сообщения «Хочу тебя» или «Скучаю по тебе»? Или все те ночи, которые ты проводила у меня, потому что не хотела спать без меня? Как все это может быть «просто трахом»?

Иден вздохнула и отвернулась в другую сторону.

— Просто забудь об этом, Ксандер.

— Это вряд ли. Ответь мне.

— Нет.

— Ответь мне!— прорычал я, будучи взбешенным на все сто.

— Нет. Нет, нет, нет! Просто забудь об этом! Выбрось нахрен из головы! — проревела она с яростью.

И я так и сделал. Ошеломленный всем тем, что выяснилось в течение часа, я пообещал себе, что не задам больше ни одного вопроса и не скажу ни слова в ее сторону, если только речь не пойдет о том, когда я смогу свободно идти своей дорогой.

Иден

Даже с голосом Эмилии Али и ритмом VALNTN, звучащим из динамиков, поездка в машине превратилась в мой личный ад. Гнев исходил от Ксандера испепеляющими волнами, и его воздействие было настолько разрушительным, что я не была уверена, сколько еще километров смогу выдержать, прежде чем взорвусь. Он был не только зол — а если быть точнее, в ярости — между нами продолжало нарастать сексуальное напряжение, что делало его поведение попросту невыносимым. Я хотела сказать что-нибудь, что угодно, чтобы сломать лед. Может быть, даже остановить машину и забраться к нему на колени, пока он не сможет мне сопротивляться, но я знала, что вероятность настоящего разговора, не говоря уже о ласке, ничтожно мала. Я не была уверена, что смогу вынести то, что он скажет не потому, что не смогу вынести правду — мой разум вполне способен воспринять ее рационально и логично — а потому что мое сердце никак не могло сделать то же самое.

В конце концов, тесное, враждебное заточение привело к тому, что я съехала с шоссе где-то в Оушен-Сити. Проехав еще двадцать минут, я принялась искать место, где можно было бы переночевать, пока, наконец, не обнаружила ночлег с завтраком, расположенный прямо на берегу. К моему удивлению, Ксандер не стал спрашивать, куда мы едем и почему остановились. Он просто последовал за мной из машины и вошел в деревенский двухэтажный домик на пляже, не проронив ни слова.

Пожилая женщина с добрыми зелеными глазами и седеющими светлыми волосами, которую звали Элси, встретила нас теплой улыбкой, когда мы подошли к стойке. Я попыталась забронировать две разные комнаты, но из-за расположения отеля и скорого начала занятий в школе, на ближайшие несколько ночей оказалась свободна только одна комната. А самое худшее знаете что? В этом номере стояла только одна кровать. Это должно было стать сигналом к тому, чтобы любезно отказаться и проехать немного дальше за город, чтобы найти другое жилье, но, разумеется, я, будучи мазохисткой, решила, что испытание бесчисленными часами косых взглядов и бормотания предпочтительнее, чем тишина и покой отдельных комнат в другом месте.

Элси проводила нас в нашу комнату, рассказывая о правилах проживания и времени приема пищи, а мы с Ксандером следовали за ней по лестнице — как вы догадались, молча, — пока она не остановилась у двери, притаившейся в конце коридора. Отперев и толкнув ее, она отступила в сторону, чтобы впустить нас, и стала рассказывать, где находятся полотенца и ванная комната. Я расслышала всего два предложения, после чего они превратились в бессвязный шум, а мой взгляд медленно блуждал по комнате, рассматривая каждую мелочь. На кровати с плетеным каркасом лежало мягкое одеяло голубого и кремового оттенков. Такого же цвета были и шторы, и декоративные подушки, разбросанные на небольшом диванчике. Белые полы из лиственных пород дерева, изношенные за годы проживания отдыхающих, скрипели под моими ногами в некоторых местах, повествуя столетнюю историю этого дома.

Я повернулась к Элси, чтобы поблагодарить ее за гостеприимство, и обнаружила Ксандера, стоящего перед порогом, с раздраженным взглядом карих глаз, сосредоточенным на моих формах.

— Открой машину, — хрипло произнес он.

— Зачем?

— Затем, что я не буду спать здесь с тобой.

Я должна была догадаться, что он не согласится делить со мной одну комнату и тем более одну кровать, но все равно его слова сильно задели меня.

Сцепив пальцы, я сглотнула и сделала несколько шагов в его сторону.

— Ты можешь занять кровать. Я буду спать на диване.

Усмехнувшись, он закатил глаза.

— Даже учитывая то, кем ты являешься, моя мама прикончит меня, если узнает, что я позволил тебе спать на диване. Не бывать этому. Просто отопри машину.

— Ксандер, ты не можешь спать в ма...

— Иден, — прорычал он, — открой гребаную машину. Я не буду спать здесь.

Элси склонила голову и вышла из неловкой ситуации, в которой оказалась, поспешно выскользнув из комнаты между Ксандером и дверью.

Я же в растерянности замерла на месте, глядя на Ксандера, который отвечал тем же, и его ярость при этом была осязаема и неумолима.

— Открой. Машину.

Его голос был ужасающе глухим.

Я покачала головой.

— Нет. Не будь глупцом. Забирай кровать.

— Открой. Машину.

— Нет, Ксандер, прошу. Просто забирай...

— Открой гребаную машину! — прорычал он, и я вздрогнула, что было мне несвойственно.

На следующее утро я проснулась в одиночестве. Сквозь эркерное окно, расположенное напротив кровати, пробивались теплые лучи солнца. С другой стороны открывался прекрасный вид на пляж, где небольшие волны разбивались о береговую линию каждые несколько минут. Сидя в облаке белых простыней, я вытянула руки над головой и сделала глубокий вдох, который, как выяснилось, держала в себе. Трепет мгновенно охватил меня, делая мои конечности тяжелыми. Мышцы в разных частях тела болели от постоянного напряжения в течение последних двенадцати часов. Сквозь пелену усталости я перекинула ноги через край кровати и взяла полотенце из шкафа, надеясь, что горячий душ немного расслабит меня и прояснит голову, а главное, подготовит к несомненно долгому дню.

Двадцать минут спустя я спускалась по лестнице, чувствуя себя ничуть не менее напряженной, чем ранее, от мысли о том, что мне необходимо найти Ксандера и наладить какое-то взаимодействие, которое не будет включать в себя его желание разорвать меня на кусочки. Я неловко помахала Элси за стойкой и, волоча за собой ноги, вышла через парадную дверь, спускаясь с крыльца по две ступеньки за раз, пока не ступила на мощеную дорожку, ведущую к подъездной аллее. Я вдохнула запах соленой воды и заметила, что машина пуста. Кроме того, я обратила внимание на то, что сумка Ксандера брошена на заднее сиденье, а двери заперты, что означало, что он не мог уйти куда-то далеко.

Двигаясь по следам шагов, которые вели вверх по дюне рядом с домом, я обнаружила мужчину, которого искала, сидящим в шезлонге на песке. Он был без рубашки — с загорелой, мускулистой спиной, выставленной напоказ, и в черных баскетбольных шортах, которые сменили джинсы. С моей точки обзора я смогла разглядеть мобильный телефон,

прижатый к его уху. Он выглядел таким же измученным, как и я, и каждая фибра моего существа кричала, чтобы я утешила его, уняв боль и ярость, но я знала, что последнее, чего бы он хотел, это хоть каплю сочувствия с моей стороны.

Тихими шагами я ступала по песку, и голос Ксандера становился тем громче, чем ближе я к нему приближалась. Я не могла разобрать, о чем он говорит, и была не из тех, кто подслушивает чьи-то личные разговоры, но не могла остановить себя, чтобы не двигаться вперед.

— Я не знаю, мама, правда не знаю, — услышала я его слова, и мое сердце тут же рухнуло вниз.

Забежав за хижину спасателей, которая служила барьером между нами, я прижалась к шершавому дереву и внимательно прислушалась к разговору, который происходил в десяти шагах от меня.

— Я же сказал тебе, ма. Я помогаю другу... Да, той самой.

Я зажала рот рукой, чтобы заглушить свой вздох.

Что за черт? Он рассказывал обо мне своей маме?

— Я не могу тебе сказать, — тихо произнес он, побуждая меня выглянуть из-за угла.

Он облокотился на колени, низко склонив голову, и выглядел еще более напряженным, чем тогда, когда я впервые увидела его из-за дюны.

— Я знаю, мама, но не могу, просто не могу. Я не знаю, когда вернусь, но обещаю, что скоро. Просто успокойся, пожалуйста.

Слезы навернулись на глаза при мысли о том, что он чувствует, и что чувствует его мать. Я оторвала его от привычной жизни, от работы и семьи, а все потому, что солгала. Если бы я была честна с папой, Ксандеру не пришлось бы сейчас находиться здесь. Я могла бы отправиться на дело ЛеРу одна, как и планировала все это время. Но нет, я оказалась эгоистичной сукой, и, очевидно, еще и глупой, которая так и не поняла, что ложь никогда не является решением чего-либо в жизни, независимо от того, насколько она велика или мала.

— Я буду звонить каждый день, хорошо? — сказал он, и его голос слегка дрогнул.

Этот убитый горем звук попал прямо в мое сердце, расколов его еще больше, хотя я не была уверена, что это вообще возможно. Слезы, которые я так старалась сдерживать, потекли по моим щекам в тот же момент, когда Ксандер оказался рядом со мной.

— Значит, ты еще и подслушиваешь?! — прорычал он, сжимая руки в кулаки.

Я судорожно замотала головой, вытирая слезы, стекающие по лицу.

— Нет, я просто хотела найти тебя, и когда увидела, что ты разговариваешь по телефону, решила подождать, пока ты...

— Ты не могла подождать в доме? — огрызнулся он.

— Наверное, могла бы, но просто...

— Просто ты решила, что можно подождать и здесь. Что ж, позволь мне прояснить тебе ситуацию, Иден. Тебе не стоит разыскивать меня. Более того, я не хочу, чтобы ты меня разыскивала. Так что иди своей дорогой и делай все, что тебе нужно. А я буду здесь, беспокоясь о своей больной матери, которая, кстати, сейчас сходит с ума, потому что я просто сорвался с места и уехал из Бронкса по причинам, которые не могу ей объяснить.

Мне казалось, что я задыхаюсь, наблюдая, как он решительно направляется обратно к дому. Его слова, его тон, все в этой ситуации воспринималось как режущие удары ножом по нутру. Десятки чувств выплескивались на поверхность, и ни с одним из них я не знала, как справиться.

— Ксандер! — окликнула я, пошатываясь на песке в нескольких шагах позади него.

Он остановился и повернул голову, глядя на меня через плечо.

— Мне жаль, — произнесла я, и мой голос был тихим и пристыженным.

— Еще бы, — прорычал он. — Из-за тебя может умереть тяжело больная женщина.

И после этих слов он снова направился к дому, оставив меня в тени. Слезы потекли вновь, и я рухнула на песок, размышляя, что, черт возьми, мне делать и как — если это вообще возможно — сохранить хоть какое-то подобие взаимоотношений с человеком, который так стремительно превратился из возлюбленного во врага.

ЛеРу наконец-то позвонил. Почти три дня спустя.

Уверена, вы можете себе представить, что это не вызвало восторга у Ксандера. Семьдесят два часа, предшествовавшие звонку, были чертовски тяжелыми. Ни одного взгляда в мою сторону, ни одного вздоха, ничего. Я чувствовала себя такой маленькой и несчастной, хотя на самом деле у меня не было никакого права так себя ощущать. Я сама сотворила это с собой, поэтому просто старалась не попадаться ему на глаза. Хотя это было не самой простой задачей, когда мы заключены в одном пространстве, пока, наконец, французик не решил, что готов пощадить нас и наконец-то приступить к шоу.

Ксандер снова куда-то ушел, когда на тумбочке зажужжал телефон. Я не боялась его, но было в нем что-то такое, вызывающее неприятное ощущение, от которого я не могла избавиться, и кажущиеся искренними любезности, которые ЛеРу говорил мне, тоже не способствовали ослаблению этого чувства. Его голос был подобен яду, капающему мне в ухо. Он немного поболтал, в то время как я ожидала инструктажа, как это обычно происходило с папой, но все, что француз дал мне, это имя (точнее имена) тех, кто якобы нанес ему обиду, адрес, по которому я могла найти их, и сообщение, которое нужно передать перед лишением жизни. Лично мне последний пункт показался бессмысленным, но я оставила это замечание при себе.

Дэнни Тао и его деловой партнер, Ким Нгуен, были первыми в моем бесконечном списке для ЛеРу. Они владели мясным рынком примерно в четырех часах езды к югу от города и, очевидно, заняли у Гаспара довольно много денег, которые, по всей видимости, еще предстояло вернуть. Сказать, что я была не в восторге от того, что меня ожидало, значило не сказать ничего. В животе образовался узел размером с Техас, который не могла развязать никакая ободряющая речь. Вечное молчание Ксандера тоже усложняло ситуацию, особенно в машине, где было тесно, отчего я еще острее чувствовала, что очень тоскую по нему.

Однако этот голод, эта потребность не были улицей с двусторонним движением. Ксандер не хотел иметь со мной ничего общего. Он мог не говорить этого вслух — ему и не требовалось. Я просто знала это. Действия говорят громче слов, и его действия были громче, чем сигнал тревоги.

— Оставайся в машине, — сказала я, сдавая задним ходом в узкий переулок между двумя старомодными зданиями из красного кирпича.

Ксандер усмехнулся рядом со мной и отстегнул ремень безопасности.

— Черта с два. Я иду с...

— Нет, не идешь.

Я тоже отстегнула ремень безопасности.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Ты и так уже достаточно зол на меня. Мне не нужно, чтобы ты стал свидетелем того, что сейчас произойдет.

— Чего именно? — огрызнулся он.

— Ничего, во что ты должен быть вовлечен. Просто оставайся здесь. Вернусь через несколько минут.

Раздраженный взгляд Ксандера казался осязаемым через то мизерное пространство, которое разделяло нас, и я бы сказала, что уязвлена, но это было не так. Я уже сбилась со счета, сколько раз с тех пор, как мы покинули Манхэттен, он смотрел на меня с откровенной ненавистью.

Не взглянув в его сторону и не произнеся ни слова, я выскочила из машины и свернула на тротуар в сторону рынка «Тао». Легкий холодок пробежал рикошетом по позвоночнику, вызвав неприятную дрожь, от которой по коже пошли мурашки, а оружие вдруг стало ощущаться как двадцатикилограммовые кирпичи, давящие на поясницу. С каждым шагом к рынку мое сердце билось все быстрее и быстрее, а на лбу выступили капельки пота, свидетельствующие о неуверенности, которая разъедала меня изнутри. Я не могла припомнить, чтобы когда-либо так нервничала перед миссией, но, с другой стороны, меня никогда не использовали в качестве пешки в руках врага.

Вывеска «закрито» была первым, что встретилось мне, когда я добралась до «Тао», расположенного всего в двух кварталах от места моей парковки. Сквозь грязные окна я увидела его самого и женщину, которая, как я предположила, была Ким, за прилавком, нарезающих различное мясо. Их внимание было полностью сосредоточено на текущей задаче, а я обнаружила, что дверь все еще не заперта, и протиснулась внутрь. При этом колокольчик над дверью звякнул, когда я вошла, и две пары темных раскосых глаз устремились на то место, где я стояла в помещении.

— Мы закрыты, мэ, — произнес Дэнни с сильным корейским акцентом.

Я одарила его кривой улыбкой.

— Да, я в курсе. Вы Дэнни Тао?

Он кивнул, и я не упустила из виду, как крепко он сжал в руке свой громоздкий нож.

Неверный шаг, мистер Тао.

Тихонько хихикая от нервного напряжения, я повернула голову к женщине.

— А вы Ким Нгуен?

Женщина тоже кивнула, и то, как судорожно она сглотнула при этом, было видно невооруженным взглядом.

— У меня для вас обоих сообщение от Гаспара ЛеРу.

Они синхронно вздохнули, но стояли неподвижно, с расширенными от паники глазами.

— Он выразил надежду, что ваши семьи хорошо осведомлены о соглашении, потому что с этого момента они не только унаследовали ваш долг, но и получили его в двойном размере.

— Почему они унаследовали его? — нервно спросил Дэнни.

— Потому что долги не могут быть выплачены из-под земли, — ответила я.

Когда их испуганные взгляды устремились на меня, я выхватила оба пистолета из-за спины, направила по одному в каждую сторону, и, прежде чем они успели сдвинуться хоть на шаг, нажала на спусковые крючки и выпустила по одной пуле в голову каждому из них. Их ножи упали на землю, а когда рухнули и тела, остались только два багровых пятна, украшающие мрачные белые стены.

Несколько мгновений я стояла с замершим где-то в районе горла сердцем, пытаюсь справиться с тошнотворной волной отвращения, грозившей разорвать меня на части. Я только что убила двух человек. Двух людей, которые ничем не были обязаны моему отцу, о которых я ничего не знала и чьи семьи, вероятно, не имели ни малейшего представления о том, чем занимались их ныне покойные родственники... А из-за меня они, скорее всего, тоже будут мертвы в ближайшие недели. Если раньше я отрицала тот факт, что являюсь чудовищем, то теперь ни за что на свете не смогла бы опровергнуть это.

На трясущихся ногах я потащила с рынка «Тао», достала из заднего кармана телефон и набрала единственный номер, запрограммированный в контактах. Через три гудка в ухе раздался презренный французский акцент.

— Мадемуазель.

— Готово, — сказала я, торопливо проходя мимо витрин магазинов и пустых ресторанов на обратном пути к машине.

— Les deux?

Его вопрос прозвучал удивленно.

— Да, оба.

— А сообщение? Вы передали и его, так?

— Да. Все сделано. Теперь назови мне имя и местоположение того, кто будет следующим, чтобы я могла начать действовать.

Гаспар мрачно усмехнулся.

— Такая нетерпеливая, *petit* (прим.: с франц. — малышка).

— Я далеко не нетерпеливая, ЛеРу, — прорычала я. — Я в бешенстве. Дай мне информацию, и я смогу отправиться в путь.

— Как там вы, американцы, говорите? Терпение — это добродетель, верно?

Затормозив перед поворотом на переулок, я запыхтела так сильно, что, казалось, земля задрожит под моими ногами.

— Это поговорка, да, и, откровенно говоря, она к делу не относится. Ты хочешь, чтобы я закончила работу или нет?

— Ош, разумеется, но я не тот человек, которым можно помыкать, мисс Скарзи. Я предоставлю вам информацию, которую вы требуете, в свое время. А до тех пор, почему бы вам не сделать себя еще более полезной и не прибраться за собой?

— Я не убираю дерьмо. Не убираю его за собой, работая на своего отца, и уж точно не буду убирать его, работая на тебя. Советую тебе отправить своих парней в «Тао» до восхода солнца, и, если ты рассчитываешь, что я вычеркну еще кого-нибудь из твоего списка, советую тебе переслать мне их данные в течение сорока восьми часов. Я не та женщина, которой можно помыкать, месье ЛеРу, и моя родословная — тому подтверждение.

Закончив разговор, я сунула телефон обратно в карман и пошла по переулку туда, где в тени ожидали Ксандер и «ГранТуризм». Я почувствовала его взгляд на себе задолго до того, как скользнула на водительское сиденье и застегнула ремень безопасности.

— Долго же ты провозилась, — пробормотал он рядом со мной, устремив свой взгляд в окно.

— Да, что ж, дерьмо случается, — проговорила я в ответ, выезжая на главную дорогу.

— Теперь мы можем уезжать? Вернее, теперь я могу вернуться домой?

— Нет, Ксандер, ты не можешь сейчас вернуться домой.

— В таком случае, когда, Иден? Я не горю желанием провести с тобой весь следующий

месяц или сколько там ты планируешь держать меня в заложниках.

— Я не держу тебя в заложниках.

Эти слова гулко отозвались в моей груди.

— Нет? — прорычал он. — Тогда почему я здесь?

— Ты уже знаешь почему... Я не буду повторяться.

— Конечно, не будешь, потому что лжецам, похоже, нелегко произносить правду.

Молчание.

После моего короткого разговора с ЛеРу мне хотелось взорваться, парировать все суждения Ксандера и дать ему отпор... Но я не могла... потому что он был прав.

Я была лгуньей.

Лгуньей, убийцей, отвратительной, никчемной женщиной, которая заслуживала вечности в аду. Я знала, что попаду туда с того дня, как поставила свою первую отметку, но теперь, теперь я уверилась, что буду гнить там, терзаемая демонами тех, чьи жизни без жалости отняла. Если у меня и оставалась крупица надежды искупить свою вину, я позаботилась о том, чтобы она была настолько недосыгаема, чтобы я никогда не смогла ухватиться за нее.

Ксандер

К четырнадцатому дню переездов из города в город с Иден, часами напролет сидя в гостиничном номере или в машине, я был на пределе своих сил. Мамины звонки с каждым днем становились все отчаяннее, мое сердце разрывалось на части при звуках ее рыданий, и мне уже порядком надоел один и тот же невразумительный ответ каждый раз, когда я спрашивал, когда смогу вернуться домой. Было ясно, что Иден еще не выполнила свои задания для этого француза, и на данный момент я не был уверен, что вообще когда-нибудь доберусь до дома. Не самый оптимистичный настрой, но, когда так много факторов остается неопределенными, было бы глупо думать иначе.

К двадцать первому дню пребывания в заложниках, или как, черт возьми, это еще можно было назвать, мне удалось временно приостановить оплату всех счетов и договориться с хозяином квартиры. Ему не требовалась моя рента, чтобы содержать свою семью, и он был достаточно любезен, чтобы дать мне отсрочку на девяносто дней. Но если я не вернусь в течение этих девяноста дней, ему придется убрать мои вещи на склад и сдать квартиру кому-нибудь другому. Я, разумеется, согласился, потому что какой еще у меня был выбор? Единственное, о чем мне не пришлось беспокоиться во время всей этой истории, так это о том, чтобы закрыть магазин. Поскольку Зак окончил среднюю школу, он мог и хотел управлять им от открытия до закрытия каждый день с помощью друга, которому я платил то, что заработал бы, если бы работал сам.

К тридцатидневной отметке я завел новый распорядок дня, который позволял мне держаться подальше от Иден, когда мы не были в пути. В каждом отеле, где мы останавливались, был бассейн и тренажерный зал, поэтому я чередовал плавание и силовые нагрузки. Постоянные упражнения помогали мне не только контролировать свой гнев, но и поддерживать активность, а не прозябать в комнате. Я не был таким массивным с моих двадцати с небольшим лет, и не мог не признаться себе, что мне доставляло удовольствие видеть, как глаза Иден вылезают из глазниц всякий раз, когда я снимаю рубашку.

На тридцать пятый день мы прибыли в Делавэр. Излишне говорить, что я был раздражен до предела. Каждый раз, когда Иден выполняла очередное задание, мы уезжали все дальше и дальше от дома, и каждый раз я задавал себе один и тот же вопрос.

Зачем?

Зачем этот француз таскал нас по всему Восточному побережью? Зачем ему понадобилась помощь Иден? Что она могла сделать такого, чего, очевидно, не мог он сам? Я не решался задать ни один из этих вопросов, в основном потому, что у меня не было желания разговаривать с Иден, но также и потому, что я не был уверен, что действительно хочу знать, что происходит каждый раз, когда Иден оставляла меня одного в машине. Я догадывался, что это может быть, но заставлял себя сдерживать любопытство и оставаться в машине, как было велено, поскольку Иден отказывалась оставлять меня одного в отелях, независимо от их безопасности.

На следующий день мы встали рано, в 6 утра. Было еще темно, когда мы вышли из номера и сели в машину, проехав несколько километров до заброшенного склада. Как обычно, мне дали четкие инструкции оставаться на месте, бросив наедине с собой примерно

на полчаса. Я использовал это время с умом, чтобы позвонить маме и проверить, как дела у Зака. Никто из них не жаловался на подозрительную активность, что позволило мне вздохнуть чуть спокойнее. Они могли сильно беспокоиться обо мне, но, по крайней мере, я знал, что они в безопасности. Неужели Иден все это время говорила правду о своем отце? Что он не распространял долги на семью? Я точно знал, что он сходит с ума по поводу местонахождения своей дочери, потому что всякий раз, когда звонил ее телефон — а это происходило несколько раз за день, — она отклоняла вызов, и полные горя слезы лились из ее глаз, подтверждая, что звонил именно он. А если он беспокоился, это означало, что он, несомненно, пытался проследить ее путь, как она и говорила, поэтому осознание того, что мама и Зак в безопасности, приносило облегчение. Либо он уже преодолел свой путь мимо меня, и мое отсутствие подтверждало мою предполагаемую смерть, либо он еще не зашел так далеко.

И я не предполагал возможную степень этого «далеко», потому что ничего не знал о жизни Иден. С момента знакомства я считал, что она — Иден Равенна, наследница империи роскошных автомобилей, но все это время она была Скарзи — наследницей престижной компании по переработке отходов с дополнительным и совершенно незаконным бизнесом по отмыванию денег на стороне. Был ли я ее первой меткой — первой попыткой участия в семейном бизнесе, или одним из многих, при этом сумевший дожить до этого дня? Даже до того, как узнал, кто она на самом деле, я никогда не спрашивал об этом, а она никогда не рассказывала об этом сама. В конце концов, мы оба решили отпустить прошлое и двигаться вперед, наша потребность друг в друге перевесила то, что она чуть не сделала в нашу первую ночь вместе, так что после нескольких недель чистого блаженства я задвинул этот вопрос так глубоко в свое сознание, что больше никогда о нем не вспоминал.

До этих пор.

Иден открыла машину и плюхнулась на водительское сиденье. Она вспотела, выглядя одновременно раздраженной и раскаивающейся, как и после каждого задания. Впервые с начала этого нежелательного приключения в моей голове зазвенели тревожные колокольчики, усиливая мои подозрения относительно того, кто она на самом деле и что делает для этого Гаспара ЛеРу.

Мы ехали в привычной для нас тишине обратно в отель, а из динамиков доносился последний хит Мартина Гаррикаса. У меня было желание потребовать от Иден правды, но я не мог найти слов, чтобы сделать это. Если когда-нибудь мы вернемся домой, нас все равно не будет. Я благодарю ее за то, что она защитила меня, и пойду своей дорогой, не оглядываясь ни на секунду, так что ответы, которые я так отчаянно искал, не имели никакого значения. Некоторые вещи лучше оставлять невысказанными, и эта была одной из них. Как она сказала в тот вечер, когда ЛеРу наконец позвонил: чем меньше я буду знать, тем лучше.

Тем не менее, вопросы не давали мне покоя. Нужно как можно скорее отвлечься, иначе я сделаю то, о чем потом пожалею. Войдя в дверь нашей комнаты, я переоделся в футболку и баскетбольные шорты и торопливо натянул кроссовки. Иден сидела на краю кровати и спокойно наблюдала за мной, пока я завязывал шнурки.

— Куда ты собрался? — спросила она, произнося слова почти шепотом.

— На улицу, — огрызнулся я.

— Я понимаю, но куда именно?

— В спортзал. Не задавай мне вопросов, на которые я не уверен, что в состоянии

ответить.

Встав на ноги, я подошел к мини-холодильнику и достал бутылку с охлажденной водой, когда внезапный звук телевизора громко разнесся по комнате. Шли новости, и я не успел уловить суть происходящего, когда потрясенно положил ладонь на ручку двери, застыв на месте, внимательно слушая женщину, передающую информацию.

— Пара пропала около месяца назад, но отец мисс Скарзи утверждает, что знал об их планах провести вместе отпуск. Он посчитал странным, что его дочь не сообщила ему даты поездки, но не стал беспокоиться, пока звонки на ее телефон не стали попадать на голосовую почту. У мисс Скарзи светлые волосы и голубые глаза, рост примерно сто шестьдесят пять сантиметров и вес около шестидесяти килограммов, а у мистера Ксандера Ройса черные волосы, темно-карие глаза, рост примерно сто восемьдесят пять сантиметров и вес около девяноста килограммов. Если вы или кто-то из ваших знакомых мог видеть эту пару, пожалуйста, позвоните по номеру, указанному на экране. Их семьи очень волнуются и предлагают большое вознаграждение, если они найдутся. Для канала «WBOC16» я, Трейс Саммерс.

— О господи! — потрясенно произнесла Иден, в то время как я пробормотал: — Бл*ть!

— Ксандер, я...

— Просто замолчи.

Я покачал головой, подняв руку.

— Не говори ни слова, потому что ничто из того, что ты скажешь, не сделает этот поистине грандиозный шторм дерьма лучше. Мало того, что твой отец знает, что я с тобой, а значит, он в курсе, что ты меня не убивала, так теперь каждый Джон, Дик и Гарри будет следить за нами, чтобы претендовать на эту великую награду. Ты понимаешь, насколько все это плохо?

Иден кивнула, и ее губы задрожали.

— Проклятье!

Я ударил кулаком по стене.

— У моей мамы будет гребаный сердечный приступ, когда она это увидит! Какого черта ты отключила свой телефон, Иден?

— Потому что устала отклонять его звонки, — прошептала она, опустив глаза на бежевый ковер.

Неужели, бл*ть?

— И тебе не пришло в голову, в тот безрассудный момент проявления эгоизма, что он может пойти и сделать нечто подобное?

Она покачала головой.

— Нет.

— Конечно, не приходило, потому что зачем вообще твоему отцу беспокоиться о тебе, верно? Откуда он знает, что я с тобой?

— Понятия не имею. Я позаботилась о том, чтобы все концы были спрятаны, так что я сама в недоумении. Должно быть, он узнал об этом через кого-то другого.

— Это не моя мама, потому что я говорил с ней час назад, и она ни о чем не упоминала, — сказал я, вышагивая по комнате туда и обратно.

И тут в меня будто врезался грузовой поезд — таким ошеломительным было осознание.

— Твою мать. Зак.

— Кто такой Зак? — спросила Иден.

— Парень, которого я оставил за главного в магазине. Я должен был просто закрыть его. Бл*ть. Бл*ть, бл*ть, бл*ть!

Я снова ударил кулаком по стене, и Иден вздрогнула.

Когда я повернулся к ней лицом, она была бледна, а глаза расширены и в них стояли непролитые слезы. То, что она так явно потрясена, принесло мне некоторое облегчение. Она заслужила это. Все это произошло по ее вине, и она заслужила каждую каплю смятения, атакующего ее изнутри. Это может преподать ей ценный урок.

— Мне нужно позвонить ему, — сказал я, направляясь к двери, и через несколько секунд ее маленькие ручки обхватили мою руку.

— Ксандер, постой! Ты не должен сообщать ему, где мы находимся!

— Не. Трогай. Меня. Мать твою.

Я отпихнул ее.

— С меня хватит, Иден. Я, бл*ть, сыт по горло! Ты можешь наплевать на тех, кто тебя окружает, но я так не могу, и сейчас их благополучие волнует меня больше, чем мое собственное. Я покойник, с какой стороны ни посмотри. Как только ЛеРу сочтет твою работу законченной, и мы вернемся домой, твой отец меня прикончит. Конечно, если только кто-нибудь не засечет нас, и он не придет к нам сам. Тогда он может просто заставить тебя убить меня, раз уж ты не справилась с этим заданием в первый раз. Я уверен, он в ярости, от того, что ты солгала ему, и твоим наказанием будет довести мое убийство до конца. Вот тебе и вся защита...

С этими словами я выскочил из комнаты и, захлопнул дверь перед ее носом, помчавшись по коридору, одновременно набирая номер Зака и надеясь, что никто не заходил в магазин и не спрашивал обо мне. Потому что если это так, если именно так Скарзи узнал, что я все еще жив, то мамина жизнь вполне могла быть в опасности, и я ничего не мог с этим поделать.

Иден

— Ар-р-р, — рычу я, замахиваясь ногой.

Мой удар приходится на перчатку на руке папы, и он немного отклоняется назад, давая мне время броситься за ним и нанести новый, двойной удар, который молниеносно попадает по обеим перчаткам.

Слева я слышу, как ребята Равенна подбадривают меня, но те голоса, которые я действительно хотела бы слышать, тихи как мыши.

— Да! Умница! — гордо восклицает папа.

Он широко улыбается мне, и я улыбаюсь ему в ответ, пока мы кружим по рингу.

— Посмотрим, как ты справишься еще с одним. Алессио, залезай сюда.

— Нет, — отвечает мой брат, и все тут же замолкают.

Мой взгляд устремляется туда, где стоит Алессио, и я замечаю, что все остальные тоже смотрят на него.

— Что, прости? — В голосе папы звучит недовольство.

Алессио скрещивает на груди руки и вызывающе задирает подбородок.

— Я не буду с ней драться.

— Я не прошу тебя драться с ней. Я прошу тебя подняться сюда, надеть перчатки и помочь мне обучить твою сестру.

— Нет, — повторяет Алессио, и я почти вижу, как из ушей нашего отца начинает валить дым.

— Алессио, я не собираюсь повторять свою просьбу, — жестко произносит он, и на этот раз его тон звучит предельно безапелляционно.

Мой брат был бы глупцом, если бы снова бросил ему вызов, но в последнее время казалось, что он оспаривает каждое слово, которое папа произносит в его сторону. Даже я знаю, что так делать не стоит, а мне всего тринадцать. Пока он бунтовал, я быстро выросла касаясь всех сфер моей жизни и была не только лучшей в своем классе, но и на ринге. За несколько месяцев я прошла путь от новичка до профессионала, сумев одолеть своих братьев, парней Равенна и даже папу — дважды.

Лука сжимает плечо моего брата, и они обмениваются взглядами, которые мне хотелось бы распознать. Мне ненавистно то, что он занял мое место, что именно ему мой брат доверяет больше всех. Раньше мы с Алессио были очень близки, даже несмотря на разницу в шесть лет. Теперь это было не так, и я понятия не имела, почему. Все изменилось в одночасье, и я никак не могла взять в толк, что я сделала, чтобы оттолкнуть его.

Мгновение спустя плечи Алессио опускаются в знак поражения, и, бросив на меня еще один недовольный взгляд, он проскальзывает под канатами на ринг. Папа бросает ему пару перчаток, и они оба отходят в угол, оставляя меня в центре.

— Готова? — спрашивает папа, и я киваю, хотя на самом деле я не готова.

Я никогда не сражалась с двумя сразу, но, полагаю, все когда-нибудь случается в первый раз, не так ли?

Они начинают приближаться ко мне одновременно, делая осторожные шаги, согнув колени и прикрывая лицо руками. Мой взгляд мечется между ними, и я понимаю, что у меня

нет времени на продумывание плана — я просто должна действовать. Папа замахивается первым, и я уклоняюсь от удара, подставляя колено под его живот с большей силой, чем собиралась. Ничего не могу с собой поделать. Я возбуждена, мое тело гудит, подобно живой струне — мне безумно нравится все происходящее.

Мой отец горбится, и я принимаюсь добивать его, обрушивая кулаки на его голову, подобно мощному граду. В моей голове раздаются тревожные сигналы, и я чувствую присутствие Алессио позади себя. Следуя инстинктам, я отвожу руку назад и стремительно бью его по голове. Он пошатывается в сторону, и пока папа пытается прийти в себя, я сосредотачиваюсь на брате, нанося ему удары ногами и руками в режиме непрерывной атаки. В стороне раздаются изумленные вздохи, и я слышу, как мистер Равенна пытается подсказать Алессио необходимые движения для того, чтобы одержать верх.

Но это бесполезно.

Уже знакомая красная пелена застилает мое зрение, и ничто и никто не может помешать мне поставить их на колени.

Я снова с рычанием замахиваюсь, но в тот самый момент, когда мой кулак вот-вот столкнется с его лицом, все мое тело застывает на месте, и я переношусь в размытый туннель воспоминаний. Ощущение такое, будто я нахожусь в невесомости и бросаю вызов гравитации и всему закономерному, а какая-то неведомая сила переносит меня на три года вперед в мгновение ока.

И на этом все останавливается — на том моменте, когда мне стукнуло шестнадцать лет. Точнее, через два месяца после моего шестнадцатого дня рождения, когда папа решил уделить особое внимание моему обучению обращения с ножами. Я все еще в подвале, как и в тот день, но ринга уже нет, и я стою посреди помещения в одиночестве. Опускаю взгляд на свою руку и вижу острое как бритва лезвие, крепко зажатое в ладони.

— Бросай его, Иден. Давай же! — инструктирует меня папин голос, переключая мое внимание.

Рефлекторно вскидываю руку и чувствую, как лезвие вылетает из руки, попадая в яблочко, висящее в противоположном конце комнаты. Отец хвалит меня, как всегда, и призывает продолжать, хлопая в ладоши.

Но как это сделать?

Ведь я только что бросила единственное лезвие, которое у меня было. Здравый смысл подсказывает мне вернуть его, но когда я делаю шаг вперед, то чувствую их. Вернее, ощущаю кожей. Мой взгляд устремляется на бедра — вот они, лезвие за лезвием, закрепленные в кобурах, пристегнутых к моим ногам. Я вытаскиваю один из них через отверстие, кручу его в пальцах, и на моем лице расплывается широкая ухмылка, по мере того как воспоминания об этом моменте поглощают меня. Внезапно в поле зрения попадают развешанные на стенах мишени. Урок давно усвоен, но цели по-прежнему неизменны.

— Запускай таймер, — произношу я, готовясь к предстоящей забаве.

Папа восторженно смеется, и краем глаза я замечаю, как он достает из кармана секундомер. Из-за разделяющего нас расстояния я не должна слышать щелчок нажимаемой кнопки, но я слышу. Он громкий, и звук отдается эхом, побуждая меня к действию без указания отца. Один за другим я бросаю все имеющиеся у меня в руках клинки, вращаясь по безупречно ровному кругу, чтобы попасть в мишени, расположенные по всему помещению. Я нахожусь в нескольких секундах от того, чтобы вытащить последний завершающий клинок, когда свет меркнет... сначала медленно, но затем слабеет все быстрее и быстрее,

пока лампочки не разлетаются вдребезги.

Темнота.

Ничего, кроме темноты.

Единственный звук, который можно услышать — это мое дыхание. Лезвие в руке вдруг кажется очень тяжелым, а когда я поднимаю его, чтобы изучить на ощупь, комната снова освещается, и мое тело автоматически встает в стойку — правильную позицию при прицеливании из пистолета. Потому что именно он находится в моих руках — первый пистолет, который папа разрешил мне взять в руки в восемнадцать лет. Мой палец дергается на спусковом крючке, но цель неясна. Позади меня появляется кто-то, и только по вибрации голоса я узнаю, что это папа.

— Сосредоточься, Лепесток. Не забывай целиться чуть выше, и только тогда...

— Нажимай на курок, — непроизвольно продолжаю его наставление я.

Мое подсознание понимает, что этот момент нереален, но остальная часть моего разума и тело просто выполняют все действия, подобно запрограммированному роботу.

Папа сжимает мои плечи и одобрительно хмыкает, прежде чем отступить на несколько шагов.

— Алессио, давай! — приказывает он, и через мгновение три мишени, очертаниями напоминающие человека, спускаются с потолка.

Я не успеваю толком осознать происходящее, когда мой палец нажимает на спусковой крючок, и первая пуля вылетает на свободу, попадая в мишень, расположенную впереди и в центре, в левую часть «груди». Далее следует шквал огня из пороха и металла, пробивающий бумагу в самых смертельных местах. Если бы это были настоящие люди, они, несомненно, были бы уже мертвы.

Раздается щелчок, предупреждающий о том, что у меня закончились патроны, но, повернувшись лицом к отцу, я обнаруживаю, что оказывалась одна на тускло освещенном складе.

Как одна половина комнаты может быть подвалом, а другая — еще каким-то помещением?

Вид ржавых стен широко распахивает ворота моего прошлого, и меня мгновенно захлестывает воспоминание...

Воспоминание о моем первом убийстве.

Питер Майерс, более известный как продажный коп, пристрастившийся к наркотикам и умолявший моего отца одолжить ему несколько тысяч долларов на содержание ребенка. Эти деньги якобы предназначались для выплаты алиментов его полоумной бывшей жене, которая несправедливо получила право на приоритетную опеку над их детьми. Очевидно, что эта история оказалась фикцией, и он стал первой меткой, которую папа предназначил для меня сразу после того, как мне исполнился двадцать один год.

Вижу Питера, спускающегося по лестнице к тому месту, где я стою — там же, как и в тот день, шесть лет назад. Внимательно наблюдаю за ним, замечая, как его рука проскальзывает под пиджак, в который он одет, когда он замечает меня посреди комнаты. В его глазах вспыхивает паника, и он достает свой пистолет, нацеливая его на меня, как только делает последний шаг. Мое зрение настолько четкое, что я вижу, как его палец готовится нажать на курок, и я незамедлительно делаю то же самое три раза подряд. Два ранения в грудь и одно в голову валят его на колени, после чего он падает на грязный пол. Кровь начинает собираться вокруг него, и я, видя ее, ощущаю радость победы, которая приходит с

этим зрелищем.

— Иден...

Я слышу, как кто-то шепчет мое имя, и поворачиваюсь на звук, но все, что обнаруживаю — это дверь в конце помещения, которую я не видела ранее, освещенную ярким светом через образовавшиеся щели.

Переступив через безжизненное тело Питера, я в оцепенении бреду к источнику света. Мое оружие выскользывает из рук, и вместо того, чтобы поднять его с пола, я протягиваю руку и хватаюсь за ручку двери. Она холодная и одновременно теплая... а еще немного влажная. В темноте я не могу разобрать, что это, но что бы это ни было, оно полностью покрывает мою ладонь, пока я держусь за нее и проникаю на другую сторону.

Белый свет мгновенно ослепляет меня, и я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза, щурясь от яркости. Я не знаю, где я и куда иду, но, несмотря на это, продвигаюсь вперед осторожными шагами. Чем дальше я иду, тем слабее становится свет, и вдруг я оказываюсь в белой комнате с одиноким белым стулом в центре. В ней нет ни дверей, ни окон, ничего.

Мое сердце тревожно стучит, и я кручусь на месте, желая вернуться тем же путем, что и пришла... но не могу. Двери нет. Я заперта в комнате, из которой нет выхода. Осознаю это и ударяю рукой по стене. Густая багровая жидкость покрывает кожу руки и блестит на свету, когда я пытаюсь рассмотреть ее поближе и увидеть, как она стекает по пальцам к запястью. Это завораживает, я погружаюсь в состояние оцепенения, а где-то в глубине моего сознания тоненький голосок, с которым я уже хорошо знакома, призывает меня сесть на стул. Так я и делаю. Поворачиваюсь к нему и опускаюсь на твердое дерево.

И тут начинается...

Серия снимков в хронологическом порядке. Я наблюдаю за тем, как эволюционирую от убийства к убийству каждой метки, которая погибает по моей милости. Первоначальное чувство победы снова поглощает меня, и я усаживаюсь повыше, расправляя плечи, наслаждаясь каждым воспоминанием, которое каким-то невероятным образом проносится передо мной. Но внезапно образы начинают мельтешить быстрее, и вскоре комната тоже начинает кружиться. Чем быстрее мелькают образы, тем быстрее вращается комната, смешивая все в тошнотворный, хаотичный беспорядок. Я вцепляюсь в край стула и крепко зажмуриваю глаза, а мое сердце вновь колотится с бешеной скоростью. Все, что я могу сделать — это держаться за сидение и надеяться, что все скоро закончится, чем бы оно ни было.

Не знаю, сколько проходит времени, но в какой-то момент раздается угрожающий смех, который становится все громче и громче, пока в одно мгновение все не прекращается. Я открываю глаза, и передо мной предстает темная комната, которую я узнаю, как одну из камер в подвале резиденции моей семьи. Это так называемый офис Алессио — его чертоги, если можно так выразиться, и я вспоминаю о том, что он позволил мне устранить здесь одну сложную метку.

Вновь раздавшийся в помещении смех, разносящийся вокруг резким эхом, приковывает к себе все мое внимание. Я понимаю, что уже не сижу, а стою в нескольких шагах от этого звука. Повернувшись к его источнику, я обнаруживаю, что Франциско Беллини — насильник и проворовавшийся брокер по продаже недвижимости — прикован к стулу, его руки связаны за спиной, а лодыжки прикованы к толстым бетонным кольцам в земле. Это точная копия того момента, когда я убила его, вплоть до его дешевого и очень помятого костюма в полосочку. Его черные глаза-бусинки сосредотачиваются на моей фигуре, и он снова

смеется.

— Мы собираемся на второй заход, мисс Скарзи? — спрашивает он, гораздо более прямолинейно, чем мне хотелось бы.

— Похоже на то. Готов вернуться в ад? — рычу я, будучи возбужденной до предела от одного лишь его вида.

— Только если ты сможешь прикончить меня.

— Я уже сделала это однажды, Беллини, и сделаю снова.

— О, ну конечно, — усмехается он. — И как же? Каким оружием?

Смотрю вниз и убеждаюсь, что я безоружна. Единственное оружие, которое, как я помнила, у меня было, я оставила позади, прежде чем переступить порог комнаты.

Мои глаза встречаются с его глазами, и он одаривает меня наглой, самодовольной ухмылкой.

— Похоже, тебе придется буквально разорвать меня на части, если ты хочешь моей смерти, дорогуша.

— Что заставляет тебя думать, что я этого не сделаю?! — выпаливаю я.

— Твоя неопытность. В прошлый раз ты даже не смогла как следует помучить меня. Тебе пришлось пойти по легкому пути и пустить в меня несколько пуль.

Проклятье... Да что он...

— Ты сомневаешься не в той женщине.

Качаю головой и огибаю его кресло.

— Если ты не веришь в то, что я разорву тебя живьем, то тебя ждет неприятный сюрприз.

— Поверю в это, только когда увижу. Хотя, должен заметить, что ты правильно делаешь, держа меня на привязи.

Я удивленно вскидываю одну бровь, отходя от него.

— Почему же?

— Потому что ты выросла просто сногшибательной. Я бы не отказался прижать тебя к этой стене против твоей воли и полакомиться тобой в свое удовольствие.

В животе бурлит от отвращения, и я медленно наклоняюсь к нему.

— Ты омерзителен, — рычу я, и Франциско почти бесшумно хихикает.

— Меня называли и похуже, девочка. Парочка грубых обращений не сломает мне кости.

— Нет, но мой кулак сломает.

— Оооо, какая ты дерзкая.

В его голосе слышится возбуждение, от которого по моему позвоночнику пробегает дрожь.

— Давай, детка. Развяжи меня. И позволь мне показать тебе, как настоящий мужчина может взорвать твое сознание.

— Ты больной. Если бы у тебя оставалась хоть капля здравого смысла, ты бы захлопнул свой рот.

Он откидывает назад свою темную голову и разражается смехом, от которого едва не сотрясается пол.

— Почему бы тебе не заткнуть меня, дорогуша? Мой язык творит чудеса.

Мое лицо, искаженное отвращением, только подзадоривает его, и его губы кривятся в удовлетворении.

— Я удивлен, что такая дочь шлюхи, как ты, не жаждет, чтобы ее пи*ду хорошенько

обработали, — мурлычет он.

Пытаюсь дышать сквозь ярость, которая зарождается где-то в районе ног и поднимается вверх, надеясь, что счет до десяти сможет помочь...

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Не успеваю добраться и до десяти, как срываюсь, в голове включается щелчок, тот самый, который умиротворяет или пробуждает Молчаливого Жнеца, и внезапно все заволанивает красным туманом.

«За тобой топор», — произносит голосок в моей голове, и, не раздумывая, я разворачиваюсь и направляюсь в конец комнаты.

На стене вместе с остальным арсеналом Алессио — арсеналом, которого там не было еще несколько минут назад — висит блестящий, смертельно острый топор. Хватаю его одной рукой, он падает на пол под тяжестью своего веса, и я направляюсь обратно к Беллини, волоча за собой свое оружие. Скрежет металла о бетон усиливает момент, звуча как симфония инструмента, предназначенного для убийства. Смех Беллини раздаётся снова, и я вижу, что он считает мои усилия комичными, что, в свою очередь, только еще больше распаляет меня. Этот звук провоцирует мои инстинкты, и когда я подхожу ближе, щелкая каблуками по земле, мое дыхание учащается от потребности, которая не будет удовлетворена, пока он не умрет.

Сокращая расстояние между нами, я заносю топор за спину, как битую, и, бросив последний взгляд на его испуганное выражение лица — забавно, как быстро оно поменялось, не находите? — я размахиваюсь и вонзаю лезвие прямо ему в шею, и его истошный крик эхом разносится далеко за пределами этой комнаты.

А затем наступает тишина, за которой следует стук его головы, падающей на пол. Я делаю глубокий очищающий вдох, и меня охватывает чувство покоя. Однако этот покой недолговечен, потому что, бросив взгляд на отрубленную голову на полу, я понимаю, что это больше не голова Франциско...

А Ксандера...

Ксандер

Пронзительный крик Иден заставил меня резко очнуться около трех часов ночи. Вскочив с кровати, я бросился к ней в темноте и включил настольную лампу, потрясенный развернувшейся передо мной картиной. Она не просто кричала во всю мощь своих легких, но плакала, и при этом еще и брыкалась.

Что за черт?

В полусонном состоянии я не сразу сообразил, что делать, и окликнул ее по имени, но это не помогло разбудить ее и отвлечь от причины беспокойства. Я попытался снова, на этот раз немного громче, но результат был тем же.

Ее крик заполнил все пространство, и, честно говоря, звучал адски пугающе. Я никогда не видел и не сталкивался ни с чем подобным.

Что мне предпринять? Людей, страдающих от ночных кошмаров, вроде бы запрещается трогать? Или это относится только к лунатикам? Настоящий ли это ужас или обычный ночной кошмар, принявший жуткий оборот?

Не зная, как еще помочь, я накрыл ее тело своим, не давая ей причинить вред ни мне, ни себе, и как можно громче прокричал ее имя.

Получилось.

Голубые глаза распахнулись, в них плескался ужас, по щекам текли обильные потоки слез. Иден задыхалась, пытаюсь перевести дух от того, что атаковало ее в глубинах сознания.

— Ксандер?

Ее вопрос прозвучал с недоверием.

— Я здесь, все в порядке, это был просто...

Дрожащими руками она обхватила меня за шею, не давая мне договорить, и прижала меня к своему телу. Вздрагивая подо мной, она тихо всхлипывала мне в ухо, и капли слез от пережитого ужаса стекали по моему плечу.

Что, черт возьми, только что произошло?

Убирая с ее лица мокрые от пота пряди волос, я тихонько покачивал ее, пока она не начала успокаиваться.

— Все хорошо, я с тобой.

— Боже, я же думала, что ты...

Она отстранилась, обхватив мое лицо руками, большим пальцем нежно проводя по щеке.

Я задумался о том, что не ожидал почувствовать это снова: нежность ее прикосновений, шелковистость ее кожи, и то, как мое тело трепетало в ее присутствии. Мне не хватало этого больше, чем я предполагал.

— Ты думала, что я... что?

— Мертв...

— Это, — сглотнул я, — это именно то, что произошло в твоем сне?

Иден кивнула. Ее глаза метались между моими.

— Все началось не так, нет, но потом вдруг все закружилось, а когда наконец остановилось, я увидела фрагменты различных воспоминаний... А потом ты... Ты оказался

мертв...

Слезы вновь покатались по ее щекам, а руки еще крепче сжались вокруг моей шеи. Сердце разрывалось от отчаяния, которое она испытывала — от того, что всего несколько часов назад делало меня счастливым. По правде говоря, после того, как я поборол ярость, которая целиком охватила меня, я пожалел, что чувствовал себя таким удовлетворенным в то время, когда ей было больно. И вот теперь, мы были здесь, и ее боль цеплялась за меня, связывая нас какой-то невидимой нитью.

Перевернувшись на спину, я притянул ее к себе, обхватив руками. Она прильнула ко мне, вздохнув с облегчением, которое я прочувствовал до самой глубины своей души.

— Я никогда раньше не была так напугана, Ксандер. Никогда в жизни.

— Не нужно бояться, ангел, — сказал я, произнеся последнее слово по привычке. — Я здесь, цел и невредим. Это был просто кошмар, вот и все.

Она повернула голову и положила подбородок мне на грудь.

— Кошмар, который, меж тем, был слишком реальным.

— Худшие из них всегда кажутся такими. Сделай глубокий вдох и расслабься. Все уже позади.

— Ты...

Она заколебалась, и я вздрогнул, почувствовав ненависть к этому — к тому, что страх и вся эта ложь сделали с нами.

— Что я? — уточнил, заправляя прядь волос ей за ухо.

— Ты будешь обнимать меня, пока я снова не засну?

«Да», — подумал я, потому что, в конце концов, независимо от того, как сильно я зол, это самое меньшее, что я мог сделать для нее...

— Я могу.

— Спасибо, Ксандер, — прошептала она, прижимаясь ко мне.

Проведя пальцами по ее волосам, я почувствовал, как она погружается в дремоту, ее тело обмякает, и сон снова завладевает ей. Я молился всем сердцем, чтобы кошмары остались в стороне и позволили ей спокойно отдохнуть перед началом очередного трудного дня — дня, который мог приблизить нас к возвращению домой, или к приближению смерти к моим дверям.

— Не за что, — прошептал я в ответ, и тоже начал погружаться в сон. Грызущее чувство надвигающейся гибели — последнее, что я почувствовал перед тем, как все заволокло тьмой.

Но тьма длилась недолго.

Через пару часов я вынырнул из объятий Иден и отправился в бассейн, чтобы проплыть несколько кругов. Я почти не спал после того, как пробудил ее от того ужасного кошмара. Ужас закрадывался в каждый уголок моего сознания, и каким-то образом мне нужно было избавиться от него, пока он не сжег меня заживо. Я проплывал круг за кругом, от одного конца бассейна к другому, снова и снова, пока не почувствовал, что едва могу дышать. Но я все еще чувствовал его, раскалывающего мое подсознание, как топор дерево и ощущал угрозу смерти, которая была как никогда реальной. А когда вернулся в комнату, все стало только хуже.

Иден не спала, лежа, свернувшись клубочком на кровати, и ее тело сотрясали мучительные рыдания. Она не отвечала на мои вопросы и не смотрела на меня — все попытки взаимодействия были безрезультатны, а мои попытки утешить ее — безуспешными, и после часа, проведенного в атмосфере отчаяния, я больше не мог этого выносить.

Пройдя в ванную, я включил душ и положил два чистых полотенца на стойку, после чего вернулся в комнату и поднял Иден с кровати. Она не протестовала, когда я поставил ее на ноги и снял с нее пижаму — сначала майку, а затем маленький клочок материала, который именовался шортами. Даже в ее расстроенном состоянии между нами ощущалось напряжение. Ее тело взывало ко мне — это было так желанно, неотвратимо и волнующе. Но в тот момент ничего из того, что я делал, не имело сексуального подтекста. И не должно было иметь. Я утешал ее, используя единственное, что она не могла не осознать и не почувствовать — прикосновения.

Взяв ее лицо в руки, большими пальцами поглаживая ее щеки, залитые слезами, как она делала со мной посреди ночи, я заставил наши глаза встретиться.

— Иди в душ. Я присоединюсь через минутку, хорошо?

Иден кивнула, окончательно справившись со слезами, и обошла меня, пока я раздевался, отбрасывая свои все еще влажные плавки для бассейна в небольшую кучу одежды, разбросанную на полу ванной.

Присоединившись к ней под струей воды, я, не теряя времени, прижал ее спину к себе, кончиками пальцев скользя по бокам ее тела.

— Ш-ш-ш. Просто расслабься, — промурлыкал я ей на ухо, когда почувствовал, как она задыхается от прикосновения моих рук к ее коже.

Налив на ладонь немного шампуня, я медленно втирал его в ее волосы, совершая небольшие круговые движения от кожи головы до самых кончиков. Она стояла совершенно неподвижно, но ее благодарные стоны облегчения не остались незамеченными, побудив меня нанести кондиционер и повторить все сначала.

Затем я намылил небольшую губку и провел ею по изгибам ее тела, начиная со спины и прокладывая путь вниз, осыпая ее кожу мягкими поцелуями, опускаясь вниз к ногам. Не торопясь, я действовал медленно, стараясь тщательно намылить все, зубами машинально покусывая ее попку, разворачивая, чтобы вымыть ее и спереди.

Я уже много раз видел Иден обнаженной, но не был готов к тому зрелищу, которое ожидало меня, когда мой взгляд остановился на ней. На уровне моих глаз находилась ее интимная зона, капельки воды прилипали к ее коже, и мне пришлось отдышаться от прилива внезапного желания, охватившего меня, после чего я поднялся вверх.

— Повернись, — скомандовал я, бросая губку на пол в душе.

Она без колебаний согласилась, отвернувшись и снова оказавшись спиной ко мне. Откинув ее волосы на одну сторону, я намылил руки мылом и поднес их к ее плечам, пытаясь снять напряжение, а губами уделяя особое внимание ее шее. Она задрожала под моими ласками, и ее голова склонилась на одну сторону, предоставляя мне лучший доступ к моему любимому месту — к этому восхитительному изгибу. Нежно покусывая его, мои руки двигались сами по себе, крепко прижимая ее к моему телу, пока на нас каскадом лилась вода.

— Поговори со мной, — пробормотал я. — Скажи мне, что с тобой происходит.

— Не думаю, что смогу, — прошептала она.

— Попробуй. Сделай глубокий вдох и начни все с самого начала.

— Все это слишком, Ксандер. Слишком много чувств, слишком много эмоций, бурлящих на поверхности.

— Каких, например?

— Печаль, чувство вины, горе, страх...

— Страх чего? — спросил я, откидывая ее волосы на другую сторону.

— Что я потеряла тебя навсегда, и что мой отец никогда не простит меня.

— Это невозможно.

— Что именно? — тихо поинтересовалась она.

— Все, — ответил я.

Развернувшись в моих руках, Иден посмотрела на меня.

— Но как? Как это может быть невозможным? Разве ты не понимаешь? Все было напрасно. Все! Я согласилась на условия ЛеРу, посчитав, что, вернув отцу деньги, которые у него украли, я сделаю его счастливым. Но это последнее, что ему сейчас нужно. Он в ярости, от того, что я солгала о тебе, и от того, что уехала из города, не сказав ему ни слова.

— Он простит тебя, Иден. В конце концов, ты его дочь, и, судя по тому, что он говорил по телевидению, он любит тебя всеми фибрами своей души.

Она сокрушенно покачала головой.

— Этого недостаточно.

— Почему?

— Потому что даже если он простит меня, ты все равно будешь ненавидеть меня...

— Разве похоже на то, что я ненавижу тебя? — спросил я, взяв ее лицо в свои руки.

— Нет, но это только сейчас, потому что мне больно. А завтра ты вспомнишь что произошло, и все вернется в прежнее русло...

— Послушай меня, — сказал я, подталкивая ее спиной к стенке душевой кабины. — Я пытался ненавидеть тебя, пытался чертовски сильно, но даже в моменты самой неистовой ярости я не мог.

Ее глаза расширились.

— Почему?

— Потому что, несмотря на всю ложь и секреты, я не могу забыть то добро, которое ты сделала для меня.

— Какое добро, Ксандер?

— Для начала — ты пощадила мою жизнь. А кроме того, великодушно помогла мне собрать осколки прежней жизни. И даже увезла меня с собой из родного города, чтобы защитить.

— Как все это может затмить плохое? Тот факт, что я убивала людей, много людей?

— Это так, и я не знаю, смогу ли когда-нибудь принять то, чем ты занимаешься, но дело в том, ангел, что я вижу в тебе только хорошее, молящее о высвобождении.

Между нами воцарилась напряженная тишина, и единственным звуком был плеск воды на полу. Иден смотрела на меня с озадаченным выражением лица — в голове у нее явно усиленно крутились шестеренки. Тем временем я стоял, изо всех сил стараясь не выдать шок, который бушевал внутри меня. Она наконец-то признала это. Я не был ее первой меткой, отнюдь, и, очевидно, не был и последней. Теперь вся эта история с ЛеРу обрела смысл. Он использовал ее как пешку, как своего личного убийцу, а она шла на это, потому что хотела помочь своему отцу. Мне следовало бы бежать в страхе, но по какой-то необъяснимой причине я не мог. Не мог сдвинуться с места, не мог уйти от нее, не мог найти в себе силы бояться ее. Не тогда, когда ее намерения оказались направленными в правильное русло.

— Ты ошибаешься, — произнесла она через некоторое время.

— В чем ошибаюсь? — спросил я, прижимая ее к стене.

— Потому что, в конце концов, какой бы свет ты не видел во мне, правда в том, что в

момент убийства этих людей я получаю удовольствие.

— Это правда, или ты просто говоришь так, чтобы отпугнуть меня?

— Нет, это правда. Я имею в виду, что раньше...

— Я слышу ключевое слово — раньше — значит, я явно не ошибаюсь. Что изменилось?

— Ты.

Я откинул голову назад.

— Я? Что такого я сделал?

Она пожала плечами.

— Ты — это просто ты. Ты изменил все. Изменил меня. После того, как я пощадила тебя, я начала сомневаться во всем. Мне становилось все труднее и труднее, когда подавленные годами эмоции стали всплывать на поверхность, стремясь сломить меня. Но ты помог мне пройти через все это. Ты был моим светом, когда все вокруг меня было окутано тьмой.

Убежденность в ее словах заставила учащенно биться мое сердце, а грудь вздыматься, когда все сказанное Иден стало доходить до меня. После нашего отъезда из Манхэттена я без устали задавался вопросом, был ли я когда-либо дорог ей, и вот, она, наконец ответила на этот вопрос. Эта связь между нами, напряжение, бешеная энергия — все было реальным. Это невозможно остановить и от этого невозможно убежать. Иден могла быть убийцей, и когда-то ей нравилось это, но теперь это было не так. Была надежда для нее, для нас, и если я был светом, как она утверждала, то я собирался поглотить ее им.

Охваченный эмоциями и решимостью, я прижался губами к ее губам, руками обхватывая ее бедра и обвивая ее ноги вокруг моей талии. Я еще сильнее вдавил ее в стену, наслаждаясь ощущением ее рта на моем, и ее тела в моих объятиях. Сперва она заколебалась, но чем более пылкими становились мои поцелуи, тем больше она расслаблялась, обнимая меня за шею.

— Боже, как же я тосковал по тебе, — пробормотал я между поцелуями, выходя из душа с ней на руках, с водой, стекающей по нашим телам.

Я выключу все позже. Сейчас мне требовалось погрузиться в нее так глубоко, чтобы забыть, где начинаюсь я и заканчивается она. Бросив ее на кровать, я раздвинул ее ноги и навис над ней, а матрас прогнулся под моим весом. Она выглядела такой растерянной, но в то же время испытывающей облегчение, такой красивой и такой...моей. Опустив голову на ее шею, я осыпал ее мягкими поцелуями, а рукой пробрался между нашими телами, чтобы добраться до ее теплой и влажной киски.

— Как?

Ее вопрос прозвучал с придыханием, будучи отягощенным растерянностью и похотью.

— Как ты можешь все еще хотеть меня после всего, через что я заставила пройти тебя?

Дальнейшее не заставило себя ждать. Прижав головку члена к ее входу, я толкнулся бедрами и скользнул внутрь нее, застонав от ощущения того, как ее киска сжимает меня.

— Потому что ты — это ты, — сказал я, входя в нее глубокими, резкими толчками, от которых ее спина выгнулась дугой. — Ты — мой ангел.

И я собираюсь спасти тебя из ада...

Иден

Меня мучил единственный вопрос — как?

Как могла такая, как я, заслужить такого, как он? Того, кто был по-настоящему добр и имел чистое сердце. Как он мог считать, что я заслуживаю снисхождения? Как мог по-прежнему хотеть меня, несмотря на то, кем я являлась и что успела натворить?

Мои вопросы, хотя я и озвучивала их, оставались без ответа, и, в конце концов, удовольствие пересилило потребность искать ответы на них. Я была уверена, что никогда больше не почувствую этого — его и меня, связанных в единое целое любимым способом, в любом проявлении и форме.

Наблюдать за тем, как Ксандер нависает надо мной, сдвинув брови, и медленно и глубоко погружается в меня, было так непохоже на все предыдущие разы, когда мы были вместе. Сейчас все было не менее страстным, но безо лжи и секретов, служащих незримым барьером между нами — все было по-новому и намного откровеннее.

— Я близко. Чертовски близко, — пробормотала я сквозь рваные стоны, находясь на грани того, что, несомненно, должно было окончиться интенсивным, умопомрачительным оргазмом.

Ксандер зарычал мне в ухо и отстранился, выйдя из меня лишь для того, чтобы поставить на четвереньки и снова войти, заполнив собой до отказа. Просунув руку между моих ног, он поднес пальцы к клитору и стал совершать быстрые круговые движения, которые грозили разорвать меня на части еще раньше, чем ожидалось.

— Я кончаю... — простонала я, и, в свою очередь, мое заявление привело Ксандера в неистовство — каждый толчок стал жестче предыдущего, попадая по моей точке удовольствия со сладостной точностью, все ближе приближая к эйфории.

— Давай, ангелочек. Кончи для меня, — прохрипел он, запустив руку в мои волосы.

И у меня не было выбора, кроме как отпустить себя. Один резкий шлепок по заднице и еще два толчка завершили дело. Я безудержно стонала, зрение затуманилось, ноги дрожали, а затем...

Экстаз.

Чистый гребаный экстаз.

Я кончила с его именем на губах, и горячие импульсы в глубине моего тела молниеносно пронеслись по позвоночнику, а по коже пробежали мурашки. Ксандер продолжал двигаться, заставляя меня преодолевать одну волну удовольствия за другой, пока, наконец, он не замер и не застонал, и его освобождение хлынуло в меня так же стремительно, как он трахал меня.

Будучи полубессознательным куском вспотевшей плоти и жидких костей, оттраханным до беспомыслия, я рухнула на кровать, и Ксандер упал рядом со мной. Сквозь дымку я слышала, как он что-то бормочет, но не могла говорить — слишком уставшая, чтобы сделать хоть что-то, кроме как закрыть глаза. Его пальцы скользили по моей спине, а я все глубже и глубже погружалась в сон, который манил меня, и, хотя пыталась сопротивляться ему, боясь, что теперь, когда нам с Ксандером каким-то образом удалось воссоединиться, мне приснится еще один кошмар, это было бессмысленно. Мир вокруг меня померк, и вскоре я

уже крепко спала.

Я оставила Ксандера одного. Выскользнула из нашего номера незамеченной той ночью и в одиночку отправилась на очередную вылазку по заданию ЛеРу. Я сделала это по двум причинам. Во-первых, я знала, что Ксандер находится в безопасности, пребывая в состоянии глубокого успокоительного сна, из которого он не вернется до утра, благодаря целому дню, проведенному нами в постели, а во-вторых, еще одно имя из этого списка означало, что мы станем на шаг ближе к самому ЛеРу. Учитывая те обрывки информации, которые француз предоставил мне по этому поводу в текстовом сообщении ранее в тот же день, я была более чем рада выполнить эту работу на этот раз. Почему? Все дело в том, что Барри Донован был большим уродом. Худшим из всех больных уродов — охотником на детей.

Поэтому, когда я свернула на парковку бара, который Барри, очевидно, посещал по вечерам в среду, и увидела внутри суету и суматоху пьяных людей посреди рабочей недели, то почувствовала облегчение. В одно мгновение я превратилась в нее. За последний месяц Жнец вела себя очень сдержанно, даже когда я убивала, и я боялась, что не смогу направить ее в нужное русло сегодня вечером. Но сейчас она очень нужна мне, потому что Барри Донован заслуживал исключительно жестокой и ужасной смерти.

Волнение пронеслось через все мое существо, и по лицу расплзлась улыбка Чеширского кота, когда моя темная сущность проскользнула за руль, мысленно похлопывая меня по спине за то, что я позволила ей взять ситуацию под контроль. С ней рядом я была готова ко всему.

Припарковав «Гран Туризмо» под большим дубом у задней части здания, я выскользнул в прохладную октябрьскую ночь и прошлась по парковке в поисках потрепанного белого Ф-150 (прим.: модель пикапа «форд») с ржавым номерным знаком и помятой задней частью. Долго искать не пришлось — он был припаркован под другим большим дубом в противоположном конце парковки.

В темноте и уединении.

Идеально.

Быстро осмотрев окрестности, я убедилась, что нахожусь в одиночестве, и легкими, энергичными движениями приблизилась к этой консервной банке и через окно взломала замок проволочной вешалкой, как учил меня Маттео, когда сам овладевал этим ремеслом. Это потребовало нескольких минут возни, но как только из машины донесся звонкий щелчок, я взялась за ручку и нырнула на заднее сиденье, чтобы дождаться своего «друга».

Я ждала. И, в итоге, прождала более двух часов, играя в дурацкие игры на своем телефоне, которые, вероятно, разъели мой мозг, прежде чем Барри наконец, сильно пошатываясь, вышел из бара и направился к своему пикапу. Пока я наблюдала за тем, как он приближается к машине, моя кровь забурлила в жилах, а каждый его шаг приближал меня на грань эйфории — туда, где Молчаливый Жнец мог подпитываться происходящим. К тому времени, как Барри справился с замком и опустился на водительское сиденье, я была уже сильно на взводе.

Набросив ему на голову длинную нить металлического шнура, я затянула ее у него на шее и прижала его к подголовнику. Старый метод, а точнее, один из любимых папиных, но он делал свою работу. И неплохо с ней справлялся.

— Закричишь, и я прострелю тебе голову. Усек? — процедила я.

Барри сглотнул, и я почувствовала это — точнее ощутила, как шнур дрогнул в моих руках от глубины его глотка. Он судорожно кивнул и прижался к сиденью, чтобы было легче дышать.

А я затянула шнур потуже.

Сучий поступок, я знаю, но мне было наплевать. Ублюдок заслужил это и многое другое, по правде говоря. Алессио устроил бы ему настоящий фестиваль, если бы дело имело отношение к нашей семье.

— У меня для тебя сообщение от Гаспара ЛеРу.

Извращенец задохнулся, как и все они, когда я упоминала французского дельца.

— Итак, вот как все будет происходить, — начала я, склонившись ближе к его уху. — Я собираюсь убить тебя. Во-первых, потому что должна это сделать. Но также потому, что ты — ошибка человечества. Что за зверь будет выманивать малолетних детей из Интернета и насиловать их на камеру, записывающую весь процесс?

Он не издал ни звука, и я продолжила:

— Ненормальный, психически неуравновешенный и презренный, вот кто. И так получилось, что этот «кто» — ты, вот почему устранение твоего гнусного присутствия на этой земле будет честью для меня. Забудь о своих проступках перед французом, который подослал меня. Я отправляю тебя прямиком в ад на вечные муки за всех невинных детей, которых ты изнасиловал. И за всех тех детей, которых ты убил. Будет последнее слово, Донован?

— Н-нет, ты в-все неправильно поняла. Я-я и-изменился! — заикался он, брызгая слюной изо рта от силы моего захвата, а его тело билось о сиденье, как те наборы клацающих зубов, которые мы в детстве покупали в магазине игрушек.

Это было комично, если не сказать больше.

Я мрачно усмехнулась и еще немного натянула шнур, полностью перекрыв ему доступ воздуха. Он задыхался уже не от шока, а от слабых попыток наполнить легкие драгоценным воздухом.

— Твое время вышло, Барри. Закрой глаза и сосчитай до десяти.

Но я не дала ему досчитать до десяти. На самом деле, я не дала ему досчитать даже до двух. Двигимая злобным чудовищем внутри себя, я тянула шнур к себе сантиметр за сантиметром, каждый раз с чуть большей силой, пока не услышала, не почувствовала и не увидела, как лопается его кожа. Капли крови брызнули на стекло перед ним, и когда я услышала рваный хрип, вырвавшийся из его рта, и его выпученные глаза, наблюдавшие за мной через зеркало заднего вида, я поняла, что моя работа здесь закончена.

— Официальные лица опознали тело пятидесятивосьмилетнего Барри Донована — человека, который был включен в реестр сексуальных преступников в штате Делавэр. Они также заявили, что не было обнаружено никаких следов борьбы до того, как мистер Донован сел в машину. Остальные подробности, однако, пока остаются невыясненными. Поскольку во время убийства не было свидетелей, правоохранительным органам практически не на что ориентироваться. Мы будем следить за ходом расследования и сообщим вам о развитии событий в ближайшие несколько часов. Для канала «WBOC16» я — Брэнди Дюбуа.

Я застыла рядом с кроватью, обернув полотенце вокруг тела, а с моих мокрых волос стекала вода прямо на ковер под ногами. Громкость телевизора уменьшилась до нуля, и через зеркало, висевшее на стене, я поймала задумчивый взгляд Ксандера.

— Это сделала ты? — спросил он, и его тон был ровным, в нем не было слышно ни следа гнева или страха.

Моей первой реакцией было солгать, чтобы защитить его от тьмы, которую порождала Молчаливый Жнец, но потом я вспомнила, что он все знает. Ну, почти все. Он все еще не знал, что я — это она, Молчаливый Жнец. Я не знала, когда, где и при каких обстоятельствах я собираюсь сказать ему об этом, но сейчас он точно понял бы, что я лгу, и, если я не хочу повторения событий последнего месяца, с моей стороны было бы глупо поступать так.

Поэтому я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Он не вздрогнул, ничего не сказал, и даже не моргнул. Через пару минут тишины он выключил телевизор и встал рядом со мной, обхватив руками мое лицо.

— Как по мне, так он заслужил это.

Мои глаза расширились от шока.

Действительно ли он только что сказал это, или мне все привиделось?

— Да... эм, заслужил, — согласилась я, потому что действительно не знала, что еще сказать.

Не то чтобы это неправда. Барри Донован заслужил все, что получил, и даже больше. Ему еще повезло, что у меня не было времени расчленить его тело и использовать его в качестве дров для костра.

— Я собираюсь принять душ, прежде чем мы отправимся в путь, хорошо? — сказал он, мягко поцеловав меня в губы, прежде чем стянуть через голову свою футболку и уйти в ванную.

Излишне говорить, что я была озадачена до глубины души, и все это прокручивалось в моей голове, пока я одевалась для предстоящего дня.

Что, черт возьми, происходит?

Я открыто призналась, что убила кого-то, а он лишь сказал, что Донован заслужил это. Либо он действительно имел это в виду, либо использовал это заявление, чтобы скрыть то, что он действительно почувствовал. Я так и не спросила его об этом, в основном потому, что когда Ксандер вышел из душа, то выглядел совершенно так же, как и тогда, когда вошел, но также и потому, что было бы неправильно давать ему повод для колебаний.

Через сорок минут мы ехали по грунтовой дороге, по которой Гаспар приказал нам следовать, пока мы не добрались до заброшенной церкви. Очевидно, мой следующий объект поселился там после того, как на деньги француза приобрел необходимые для бомбы компоненты. ЛеРу тогда еще не знал об этом, но Джим Хозье собирался перевернуть его мир с ног на голову.

— Ты, должно быть, уже близко, — произнес Ксандер рядом со мной.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, отмечая, что пейзаж вокруг нас оставался неизменным с тех пор, как мы свернули с главной дороги. — Я пропустила знак или что-то в этом роде?

— Нет, я имею в виду, что ты, должно быть, близка к тому, чтобы завершить список ЛеРу. Обычно он заставляет тебя ждать несколько дней между заданиями, но он дал тебе одно вчера и одно сегодня.

Ксандер был прав. Я и не заметила, пока он не сказал об этом, слишком занятая всем

тем, что произошло за последние сорок восемь часов.

Может ли он оказаться прав? Была ли эта выдача заданий вплотную связана с тем, что я приближалась к концу? ЛеРу обещал, что все это продлится недолго.

— Не знаю, — ответила я, как раз когда в поле зрения появилась заброшенная церковь. — Но я спрошу его, когда мы вернемся в отель. Хорошо?

Ксандер кивнул, и небольшая улыбка заиграла в одном уголке его рта.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОАННА

ОСН. 1919

Старая деревянная вывеска, потускневшая и обветшавшая по углам, находилась за обсидиановыми воротами, ограждавшими периметр. Двери висели лишь на одной петле, оставляя вход открытым. Когда мы свернули на подъездную дорожку, за нами взметнулись грязь и камни. Я подъехала к ряду грузовых автофургонов и припарковалась за самым дальним. Их водители числились без вести пропавшими, что означало, что они либо находились внутри, либо Хозяе убил их.

Я чувствовала на себе взгляд Ксандера. Беспокойство накатывало на него волнами. Он потянулся и взял меня за руку, заставив перевести взгляд на него.

— Будь осторожнее. Пожалуйста, ангел, — сказал он, делая ударение на слове «пожалуйста».

— Хорошо, — пообещала я, слегка сжав его руку. — Что с тобой? Ты всегда так спокоен во время подобных ситуаций.

— Может быть, я и вел себя так, но всегда волновался за тебя.

Это поразило меня в самое сердце. Даже в гневе он беспокоился обо мне и моем благополучии.

Подавшись вперед, я обвила руками его шею и притянула к себе.

— Обещаю, что вернусь целой и невредимой. Просто подожди здесь, откинь сиденье, если хочешь. Я постараюсь сделать все быстро.

— Я серьезно, Иден. Будь чертовски осторожна, пожалуйста. Что-то здесь не так.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила я, отстраняясь, и мои брови сошлись вместе, когда беспокойство начало распространяться и по моим венам.

— Я чувствую это с тех пор, как мы свернули на эту грунтовую дорогу полчаса назад.

Я тоже.

Но я не сказала Ксандеру об этом. А просто кивнула головой в знак понимания и обхватила его лицо, прижавшись крепким поцелуем к его губам. Что-то в этом было похоже на прощание, и от этой мысли на глаза навернулись слезы печали. Но я сдержала их, не желая, чтобы Ксандер увидел, насколько трудновыполнимой была для меня эта миссия.

— Скоро вернусь, — сказала я, чмокнув его губы в последний раз, прежде чем выскользнуть из машины и крадучись направиться к церкви, гадая, что я найду в этих священных стенах, которые так взволновали и Ксандера, и меня.

Ксандер

Наблюдение за тем, как Иден отходит от машины, было не менее мучительно, чем весь последний месяц. Но, как я уже сказал ей, что-то в сегодняшнем задании ощущалось... не так. Я не уверен, связано ли это с ее признанием в отеле о Барри Доноване или нет, но тревожился больше, чем обычно.

И для протокола: Барри действительно заслужил то, что получил. Это была карма в ее лучшем проявлении, завернутая в красивую маленькую упаковку, которой являлась Иден Скарзи. Я надеялся, что он гниет в аду после того, что сотворил со всеми этими детьми.

Вытащив телефон, я набрал номер единственного человека, который, как я знал, сможет отвлечь меня, хотя бы ненадолго. Мама.

Она ответила после третьего гудка, и ее голос дрожал, как и всегда в последнее время.

— Привет, мам.

— Как ты сегодня? — спросила она, убавив громкость на телевизоре.

— Я в порядке. Иден, гм, отправилась по делам одна, и я беспокоюсь.

— О чем ты беспокоишься?

— Не знаю, — сказал я, проводя рукой по лицу. — О ней.

— О, детка. Я уверена, что с ней все будет в порядке. Она не может попасть в слишком большие неприятности, разыскивая свою маму, верно?

Я сморщился, все еще ощущая себя дерьмом за то, что солгал маме. Но мне пришлось. Туманная история «я помогаю другу» не продержалась слишком долго, и мне нужно было рассказать ей что-то по существу, поэтому я поведал ей о маме Иден и о том, что она наконец-то готова разыскать ее. Мама была не в восторге от моего отсутствия, но, к счастью, это хорошо сочеталось с тем, что информация о нашей пропаже без вести разлетелась по всей стране.

— Верно, — согласился я уныло.

— Ты знаешь, где она, Ксандер? — спросила мама после недолгого молчания.

— Да.

— Тогда иди к ней. Я знаю тебя. Ты будешь сидеть там, в отеле, и изводить себя, пока не удовлетворишься, что с ней действительно все в порядке. Избавь себя от печали и иди к ней. В любом случае, ты можешь ей понадобиться.

Это то, что я хотел сделать, но при этом должен был оставаться в машине. Я обещал Иден сидеть в чертовой машине, и если бы пошел за ней, то мог бы сорвать все ее прикрытие. Из-за меня ее могут убить, потому что я не способен усидеть на заднице и дожидаться ее, как она того просила.

— Не могу, мама. Она сказала, что хочет сделать все сама. Я должен уважать ее решение.

Мама вздохнула, и я понял, что она щиплет переносицу.

— Я горжусь тобой за это, детка. Но если чувство тревоги станет невыносимым, пожалуйста, отправляйся за ней. Никогда не знаешь, что может произойти.

— Обязательно.

— Ты уже знаешь когда...

— Не знаю, — перебил я, потому что прекрасно понял, каким будет вопрос.

К сожалению, пока что все оставалось по-прежнему.

— Хорошо. Звони, если тебе что-нибудь понадобится. А я пока поставлю кастрюлю с чили и буду ждать Нэнси.

Мой желудок заурчал, несмотря на тревогу, пронизывающую меня. Мы не ели ничего, кроме фастфуда, и мысль о большой миске чили со сметаной, сыром и чипсами из тортильи представлялась мне раем.

— Оставишь мне немного? — спросил я и почувствовал, как она улыбнулась.

— Я приготовлю тебе свежую порцию, когда ты вернешься.

— Звучит как хороший план. Передавай привет Нэнси от меня.

— Передам, детка.

— Я люблю тебя, ма.

— Я тоже тебя люблю, Ксандер.

Закончив разговор с тяжелым вздохом, я бросил телефон в подстаканник и улегся на сиденье, глядя на грозное небо через лобовое стекло. Когда мы выезжали, оно было солнечным, но сейчас стало каким-то зловещим. Ноющее, ужасное чувство надвигающейся гибели словно навалилось прямо на мои плечи, усиливая тяжесть переживаний. Мама права. Я буду сидеть здесь и переживать, пока не удостоверюсь, что с Иден все в порядке, а убедиться в этом представлялось невозможным, пока я не увижу ее своими глазами. Я не хотела нарушать ее личное пространство и, более того, подвергать риску, но не мог оставаться здесь ни секунды дольше.

Три...

Два...

Один...

Поехали.

Выйдя на гравийную дорожку, я как можно тише закрыл за собой дверцу и выглянул из-за фургона, загораживающего «Гран Туризм» от посторонних глаз. На многие километры вокруг не было ни души, но из церкви доносились слабые звуки музыки. Осторожными шагами я подобрался к входным дверям, при этом музыка становилась все громче, и взлетел по мощеным ступеням по две за раз, прижимаясь к стене. Я заглянул в окна, но разноцветные витражи, покрытые слоем пыли, не давали никакого представления о том, что находится внутри. Придется рискнуть и просто войти внутрь.

Сделав глубокий вдох, я схватился за латунную ручку и открыл дверь, войдя в церковь с колотящимся в груди сердцем. Через встроенные динамики лилась песня «Аллилуйя», усиливая и без того жуткую атмосферу. Внутри, как и снаружи, не было ни одного человека, а каждая скамья была пыльной, и похоже, ими не пользовались десятилетиями. Ковер бордового цвета, тянувшийся вдоль прохода, был испачкан, покрыт разводами и истерт в разных местах. Единственным источником освещения здесь были свечи, скопление которых располагалось на столике у алтаря, освещая статую Иисуса на кресте прямо за ним.

Пройдя вперед, я осмотрелся, задаваясь вопросом, куда мне идти, и, что более важно, где могу найти Иден. Справа у самого входа была еще одна дверь, но я предположил, что она служила еще одним выходом на парковку. Также была еще одна дверь в глубине помещения, и я задумался, не ведет ли она на задний двор или куда-то еще.

Сейчас мы это выясним...

Я продолжил идти к алтарю, двигаясь осторожно, высматривая малейшее движение.

Подойдя к нему, я почувствовал, что мне необходимо осенить себя крестом, и, делая это, мысленно помолился о том, чтобы все закончилось хорошо. И тут услышал это. Бах! И последовавший за грохотом протяжный вой. Оба звука донеслись из-за той самой двери, к которой я направлялся.

Бл*ть.

Подбежав к ней, я взялся за ручку и медленно повернул ее. Кровь стучала у меня в ушах. Я просунул голову внутрь, но открывшееся передо мной зрелище заставило меня замереть на месте. Мужчина стоял на коленях на полу, и кровь стекала с одного его колена. Он был весь в поту, а по щекам струились слезы. Иден стояла перед ним, крепко сжимая в руках огнестрельное оружие, ствол которого был направлен на его окровавленную ногу.

— Говори правду, Хозье, или я прострелю тебе второе колено. Зачем ты взорвал ту школу? — прорычала она голосом, который я не узнал.

— Я уже сказал тебе... Это был не я! — проскулил он.

— Это. Был. Ты. Когда ты вошел в школу, с тобой больше никого не было. Так что спросу тебя снова — зачем ты сделал это?

— Это был не...

В ту секунду, когда она передернула затвор и указала на противоположное колено, он поднял руки в знак капитуляции и крепко зажмурил глаза.

— Ладно, ладно! Моя дочь была изнасилована там, бесчисленное количество раз, одним из ее учителей. Никто ей не верил, а когда она наконец рассказала мне, и я отправился туда, преподаватели тоже не восприняли меня всерьез. Сказали, что учитель — человек Божий. Я обратился к властям, но они ничего не нашли в его доме, что, в свою очередь, выставило меня безумцем, обвинившим его. Так что я разнес этот гадюшник в пух и прах за то, что ему сошло с рук преступление, из-за которого пострадала моя маленькая девочка.

— Какая, бл*ть, жалость — прошипела Иден. — Ты взорвал школу, убив несколько десятков невинных людей, включая детей, потому что тебе не поверили? Разумнее было бы довести дело до суда, а не мастерить чертову бомбу.

— Почему ЛеРу так расстроился из-за этого? Я же расплатился с ним. Он пообещал мне, что я буду свободен от него, как только выплачу все.

— Потому что его сын учился в той школе. Его единственный ребенок, пуф, и сгинул в мгновение ока, из-за тебя.

— Я не знал... не з-знал, что его сын ходил в ту школу. Я вообще не знал, что у него есть с-сын! — начал заикаться мужчина.

— Да не в этом дело! — закричала Иден, и ее голос эхом разнесся по маленькому помещению. — Неужели ты действительно не осознаешь, ЧТО натворил?

— Эта школа искалечила моего ребенка. Им нужно было преподать урок!

Что за на хрен?

В этот момент даже моя голова склонилась назад от удивления.

Этот человек сейчас серьезно?

Я понимал, что он мог быть в ярости из-за того, что случилось с его дочерью, но полагать, что массовое убийство — это хороший способ преподать кому-то урок? Это же чистой воды безумие.

Иден усмехнулась, и звук получился низким и мрачным.

— А теперь урок будет преподнесен тебе. Чтоб ты сгнил в аду, месье Хозье.

Первый выстрел угодил ему в колено. Он взвыл от мучительной боли и рухнул на пол, а

из раны на ковер под ним хлынула багровая кровь. Второй выстрел послал пулю в его голову — в самый центр его чертовой башки. Мой рот приоткрылся, и я почувствовал, что бледнею, когда свет в его глазах потух, а лицо навеки застыло.

Я только что стал свидетелем чьей-то смерти. Чьей-то смерти от рук женщины, ради которой билось мое сердце...

— Ксандер?

Я услышал, как она вдруг обратилась ко мне, заставив меня посмотреть туда, где она стояла.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— Я-я не мог избавиться от неприятного ощущения, что что-то должно произойти, поэтому п-пришел сюда.

— Как давно ты находишься здесь?

— Достаточно давно, — признал я, опустив взгляд на мертвого мистера Хозье.

— Иисус, гребаный Христос, — пробормотала Иден, убирая пистолет в кобуру на поясице. — Я объясню тебе все, что захочешь, но нам нужно поскорее сваливать отсюда, хорошо?

Я кивнул, сглатывая желчь, подкатившую к горлу.

— Просто вернись в машину и жди меня там. Мне нужно вытащить его наружу.

— Зачем?

— Потому что я не оставлю его гнить здесь. Он заслуживает того же конца, который уготовил всем тем людям.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Бабах.

Ее руки воспроизвели этот звук.

Мои глаза снова расширились, но, тем не менее, я без слов подчинился, отступая от двери на дрожащих ногах. Спотыкаясь, прошел через церковь, и та же песня, что и тогда, когда я вошел, эхом отражалась от стен, вызывая мурашки на коже. Я пытался выбраться оттуда достаточно быстро, поскольку мой желудок мучительно сокращался, и я понимал, что меня сейчас вырвет. Выскочив за двери и спустившись по ступенькам, я сложился пополам, как только мои ноги коснулись земли, и изверг из себя содержимое своего завтрака. Раз за разом все выплескивалось наружу, но этим дело не ограничилось, нет. Желчь, которую я проглотил не далее как три минуты назад, мстительно подступила к горлу.

Когда уже ничего не осталось, по телу прокатилась дрожь, и я, пошатываясь, направился к машине в полном оцепенении. Я видел, как она убила его, и наблюдал за тем, как он умирает. Как и Донован, Хозье заслужил это, но, черт возьми, я не был готов к этому морально. И не думаю, что когда-либо буду готов к чему-то подобному. А ведь Иден сделала все это, не дрогнув. Как?

Бросившись в машину, я плюхнулся обратно на сиденье, а мои мысли крутились в голове с бешеной скоростью.

Срань господня, срань господня, срань господня...

Я чувствовал себя парализованным, когда шок сменился страхом, а образы того момента, когда она лишила его жизни, воспроизводились в режиме бесконечного повторения. Я очень хотел, чтобы все прекратилось, но этого не происходило. Повторяясь снова и снова, снова и снова.

На фоне моего внутреннего смятения Иден скользнула на водительское сиденье и тут

же завела машину. Двигатель взревел в тишине, окружавшей нас.

— Держись крепче, — велела она.

Мы выехали с парковки так быстро, как только позволяла гравийная дорога, и помчались к воротам, а когда приблизились к выезду, Иден начала отсчет.

— Пять... Четыре... Три... Два... Один...

Тишина, а потом... БАБАХ.

Иден

— Прощу, скажи что-нибудь, — настороженно произнесла я, не в силах больше выносить молчание.

Я вцепилась обеими руками в руль, а костяшки пальцев побелели от напряжения. Ксандер не сказал ни слова с тех пор, как мы забрались в машину, а это было почти тридцать минут назад. Мой самый большой страх разворачивался прямо на моих глазах, и я ничего не могла поделать с этим. У меня было чувство, что пути назад уже не будет. Он знал правду о том, кто я, но того, что он увидел в той церкви, было достаточно, чтобы отпугнуть любого. Не имело значения, что я говорила или делала — наблюдение за мной в действии, скорее всего, уничтожило все его чувства ко мне.

Проведя рукой по лицу, он глубоко вздохнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Я не знаю, что сказать, Иден.

— Что угодно. Даже «я ненавижу тебя» было бы лучше, чем молчание.

— Я не ненавижу тебя, я просто... перевариваю увиденное.

— Могу ли я сделать хоть что-то, чтобы помочь тебе в этом? — спросила я, сглатывая болезненный комок в горле.

В машине снова воцарилась тишина, которая продолжалась, казалось, целую вечность, прежде чем он наконец заговорил.

— Ответь мне вот на какой вопрос — как?

— Как что?

Он повернул голову в мою сторону.

— Как ты можешь сидеть здесь так спокойно после того, что только что сделала?

Я пожалала плечами, не сводя глаз с дороги.

— Меня готовили к этому почти всю мою жизнь. Все они — плохие люди, Ксандер. Так или иначе, они заслужили это.

— Ты действительно веришь в это?

— Да, верю. Это одна из причин, почему я не смогла убить тебя. Ты не заслуживал этого, ни в малейшей степени.

— Ты когда-нибудь щадила кого-нибудь до меня?

— Нет, — резко ответила я.

— Могу я спросить тебя еще кое о чем?

Кивнув, я переключила передачу и нажала на газ, желая поскорее уехать с этой богом забытой грязной дороги. Жутковатое предчувствие все еще преследовало меня, и я не могла понять, было ли оно связано с Ксандером или нет.

— Скольких людей ты убила?

— Я... — я взглянула на него на долю секунды — ... не уверена, что ты захочешь узнать ответ на этот вопрос.

— Неважно, хочу ли я этого, Иден. Мне нужно знать это, чтобы лучше понять, как ты смогла разнести этому человеку колени, а затем голову, и даже не вздрогнуть при этом.

— Не считая работы, которую я проделала для ЛеРу, — я сделала паузу, — триста девяносто семь.

— Триста девяносто семь... Ангел, берегись! — крикнул Ксандер, напрягшись от того, чего я сама никак не ожидала.

Секундой позже на машину обрушился сильный удар сзади, от которого нас отбросило на несколько метров вперед. Я попыталась не запаниковать, но мы ехали так быстро, что я не смогла восстановить контроль над машиной, судорожно нажимая на тормоза и поворачивая руль, в надежде выровнять положение. Но мне это не удалось, и мы начали кружиться, а мир вокруг нас превратился в сплошное пятно. Казалось, мы кружились вечно, пока вдруг передняя часть автомобиля не врезалась в дерево, в результате чего мы полностью остановились, а задняя часть «Гран Туризмo» приподнялась, а затем быстро опустилась обратно. При ударе сработали подушки безопасности, и моя ударила меня прямо в лицо, но вместо того, чтобы потерять сознание, я потеряла зрение — оно затуманилось белой дымкой. Это было жутко. Я все слышала, но ничего не видела. Ощупав себя, потянулась к тому месту, где сидел Ксандер, и почувствовала, как он схватил меня за руку.

— Ты в порядке? — спросил он дрожащим голосом.

— Я ничего не вижу, — пролепетала я, задыхаясь.

— Просто расслабься, ангел. Сделай глубокий вдох. Это все из-за подушки безопасности.

Я кивнула и сделала, как он сказал, сжимая его руку, а моя собственная рука дрожала от страха. Если это и есть слепота, то я никому ее не пожелаю.

Медленно, но верно, белая дымка рассеивалась, и мое зрение пришло в норму, открыв мне вид на аварию. Из капота валил дым, а лобовое стекло полностью расколосось. Я не почувствовала этого при ударе, но боковые стекла, как мое, так и Ксандера, были разбиты, и их остатки разбросало по машине, включая мои колени. Подушка безопасности, теперь сдутая, свисала с рулевого колеса, как и подушка безопасности со стороны пассажира. Затем я повернула голову в сторону Ксандера. К счастью, он был цел и невредим — без серьезных повреждений, кроме разбитой губы. Облегчение мгновенно нахлынуло на меня, но, черт возьми, оно было недолгим.

Наши двери распахнулись одновременно, и в мгновение ока нас вытащили из машины. Я узнала мужчин, тащивших Ксандера к внедорожнику. Это были Ричи и Фрэнк — два самых здоровенных папиных бойца. Он использовал их исключительно для запугивания, и часто именно они убирала за мной. Переведя взгляд на мужчину, тянущего меня в том же направлении, я поняла, что это тоже один из папиных парней — Мигель.

Почему они делают это? Как они узнали, где я...

Я задохнулась, когда ответ осенил меня, потому что это было единственное правдоподобное объяснение. Они отследили телефон Ксандера. Точнее, папа отследил его. Я чувствовала себя до смешного глупо, что не подумала об этом после того, как увидела репортаж в новостях. Но страх быстро сменился смятением, когда Ричи занес руку назад и ударил кулаком прямо в лицо Ксандера.

— НЕТ! — завопила я, дергаясь в сторону от Мигеля в попытке освободиться, но его хватка была слишком сильной даже для меня.

Следующим был Фрэнки, который ударил Ксандера с такой силой, что его голова отлетела назад, а из носа и рта брызнули капли крови.

— Нет! Остановитесь! — закричала я, пытаюсь, но, к сожалению, безуспешно, в очередной раз прийти ему на помощь.

Мигель усилил свою хватку десятикратно, и все, что я могла делать, это смотреть, как

они усыпляют Ксандера, прикладывая тряпку к его рту, пока он не потерял сознание у них на руках.

Слезы катились по моим щекам, как два потока чистой агонии, в то время как мое сердце треснуло прямо посередине и разорвалось на миллионы крошечных кусочков.

Следующей была я. Мигель провел тряпкой по моему лицу, стараясь одновременно закрыть нос и рот, и после очередной попытки вырваться я почувствовала это — ощутила головокружительный эффект хлороформа, проникающего в мое тело. Мои конечности становились все тяжелее, а зрение все темнее, темнее и темнее, пока, наконец, мрак не поглотил меня целиком.

Ксандер

Я застонал, и моя голова запульсировала в знак протеста, пока я медленно приходил в себя. Открыв глаза, попытался осмотреть окружающую обстановку, но голова была тяжелее камня. Еще одна болезненная пульсация пробежала от одного виска к другому, и я подался вперед, ударившись подбородком о грудь. Снова застонал, и этот звук эхом отразился от стен того места, где я находился. Затем я почувствовал, что на моих запястьях застегнуты кандалы. Они были слишком тугими и впивались в кожу, когда я попытался пошевелить руками.

— Приятно наконец-то познакомиться с вами, мистер Ройс, — произнес глубокий голос, который я не узнал.

Его звучание стало мгновенным сигналом к пробуждению, благодаря которому я смог наконец поднять голову. Мой взгляд упал на темноволосого мужчину, сидящего на стуле. Он был, вероятно, примерно моего возраста и одет в темно-синий костюм.

При этом он зловеще ухмылялся, сузив темные глаза.

— Кто вы? — спросил я, вглядываясь в декорации происходящего кошмара.

Традиционный красный кирпич облицовывал все четыре стены. Здесь не было окон, и единственный свет исходил от одинокой лампочки, висевшей в центре комнаты. Позади мужчины находилась стена, увешанная оружием — целый арсенал, наполненный клинками, огнестрельным оружием и даже электроинструментами. У стены стоял стол, но на нем не было ничего, кроме полупустой бутылки пива.

— Алессио Скарзи, — представился он, снова привлекая к себе внимание.

— Вы — Алессио?

Я недоверчиво посмотрел на него.

— Единственный и неповторимый. Моя дорогая сестренка успела рассказать обо мне, пока вы вдвоем колесили по штатам? — мрачно усмехнулся он.

Я задохнулся от тревоги, и мое сердце заколотилось в груди при одном только упоминании ее имени.

— Где Иден?

Алессио вскинул подбородок в сторону рядом со мной. Я повернул голову быстрее, чем следовало, и еще один болезненный импульс пронзил меня, заставив крепко зажмурить глаза. Я захрипел от боли, делая глубокие вдохи через нос и выдыхая через рот в попытке облегчить ее. Когда боль утихла, я снова открыл глаза и увидел, что Иден спит на импровизированной койке. Она не была ранена, и не была прикована к стене, как я. Я облегченно вздохнул и повернулся обратно к ее брату, а гнев быстро поднимался на поверхность.

— Что тебе нужно? — спросил я, хотя с секундным опозданием понял, что это был не тот вопрос, который следовало задавать человеку, о котором я слышал множество ужасающих историй.

Он снова мрачно усмехнулся и покачал головой.

— Для начала, я бы хотел, чтобы ты сдох, как и должно было случиться уже довольно давно. Но, прежде чем мы закончим то, что не сумела сделать она, я хотел бы выслушать и ее

версию. Так что давай-ка разбудим ее.

— Оставь ее в покое, — прорычал я, вопреки собственному здравому смыслу.

— О, не волнуйся. Она упокоится и даже не одна, когда я вытащу вас на улицу и брошу в дробилку вместе с ее машиной, — усмехнулся он.

Я должен был испугаться, но еще одна угроза моей жизни ничего не значила, в то время как этот человек явно был полон желания навредить своей сестре — своей родной крови.

— Иден! — окликнул он ее по имени, но она не шелохнулась.

Вероятно, она была в глубокой отключке, находясь под действием наркотиков, так же, как и я.

Он попытался снова, на этот раз тряся ее за руку, но все было безрезультатно. Она была абсолютно неподвижна, и от вида ее — такой безжизненной и уязвимой, мне стало чертовски не по себе.

— Иден! — вновь крикнул он, тряся ее за плечи, и после того, как он выкрикнул ее имя еще раз, она наконец пришла в себя, так же медленно и со стоном, как и я.

Застонав в знак протеста, она поднесла руку ко лбу и открыла глаза, сначала взглянув на потолок над собой, а затем повернув голову. При виде нависшего над ней брата у нее вырвался тяжелый вздох.

— Где Ксандер?

Этот вопрос сорвался с ее губ быстрее, чем брат успел поприветствовать ее.

— Иисус гребаный Христос, что это с вами двумя? Он там, — сказал он, указав пальцем на меня, и его голос был пропитан ядом.

Иден проследила за его рукой, и ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела, что я прикован к стене. У нее перехватило дыхание, и она поспешно вскочила на ноги, но споткнулась и упала в нескольких шагах от меня. Испуганные голубые глаза метнулись к тому месту, где я сидел, и слезы навернулись на глаза, измазанные растекшейся тушью. Они скатились по ее щекам не успев задержаться там, оставив после себя черные полосы.

— Мне так жаль! — воскликнула она, проползая остаток пути ко мне.

Трясущимися руками она обхватила меня за шею, и ее тело содрогалось от агонии, раздиравшей ее изнутри.

— Не плачь, ангел, — прошептал я, опустив голову на ее шею.

Только так я мог попытаться утешить ее, поскольку не мог прикоснуться к ней.

— Что значит «не плачь»? Я подвела тебя, Икс. Я, бл*ть, подвела тебя!

— Нет, не подвела... Эй, посмотри на меня, — позвал я ее.

Она немного отстранилась, и наши взгляды встретились.

— Все будет хорошо.

— О, ради всего святого, хватит разыгрывать драму! — вмешался Алессио, будучи более чем раздраженным.

Мы одновременно повернули головы и увидели, как он смотрит на нас, а в его темных глазах сверкает убийственный блеск, видимый даже с небольшого расстояния.

— Иди на х*й, Алессио, — прошипела Иден, отстраняясь от меня и поднимаясь на ноги, загоразивая меня от его взгляда.

— Да, да, добро пожаловать домой, сестренка. Я тоже рад тебя видеть.

— Кончай с этим дерьмом, брат. Какого черта тебе нужно?

— Ты действительно нуждаешься в ответе?

— Учитывая, что здесь стоит не папа, да, я чувствую себя обязанной спросить об этом.

Какого. Бл*ть. Хрена. Тебе. Нужно? — прорычала она, сжимая руки в кулаки.

— Папа сейчас занят. Я уверен, что он скоро спустится сюда. А пока, раз уж ты ведешь себя столь враждебно, почему бы тебе не присесть рядом со своим грязным маленьким секретом и не успокоиться, прежде чем начать все с самого начала.

Иден сделала несколько торопливых шагов вперед, ткнув пальцем ему в грудь.

— Я ни хрена тебе не должна. Может, ты и старше меня, Алессио, но ты не папа. Я не буду подчиняться твоим приказам.

— Будешь, если хочешь, чтобы он пережил эту ночь.

— Ты не посмеешь.

Она подошла ближе, заставив его отступить на несколько шагов.

Очевидно, Алессио не понравилось, что его сестра угрожает ему, и он, не раздумывая, схватил ее за руку и швырнул в мою сторону. Она упала на задницу, ударившись о стену спиной и головой.

Мое сердце подскочило к горлу, когда она застонала, и ярость охватила меня быстрее, чем когда-либо прежде. Я открыл рот, чтобы выразить свое возмущение, но стоявший впереди мудака не дал мне произнести ни слова.

— Хорошенько подумайте, прежде чем сказать что-либо, мистер Ройс, — произнес Алессио, направляя пистолет прямо на меня, подходя к месту, где мы с Иден сидели вместе.

Присев на корточки, он надел подходящие кандалы на запястья Иден и подтянул цепи, чтобы обеспечить их надежность.

— Я не хотел этого делать, Иден, но пока ты не научишься быть вежливой, тебе придется оставаться здесь.

— Вежливой?! Ты хочешь, чтобы я была вежливой?! Неужели ты не понимаешь, что прямо сейчас вытворяешь по отношению к своей собственной сестре? — спросила она в недоумении.

— Ты имеешь в виду сестру, которая солгала своей семье, а затем сбежала с человеком, которого должна была убить, в какое-то авантюрное путешествие по Восточному побережью?

— Это не было гребаным путешествием! Я преследовала ЛеРу! Он неожиданно появился на работе у Лианы и выдвинул мне свои требования. Все, что мне нужно было сделать, это разобраться с несколькими именами в его списке, за что он пообещал вернуть каждый цент, который задолжал папочке!

— Какая увлекательная история...

Он утрированно покивал головой.

— Если бы это было действительно так, не думаешь, что было бы разумнее сообщить папе, что ты собираешься заняться этим?

— Для чего? Чтобы он запретил мне ехать? Ты же знаешь, что после того, что случилось, все, что связано с Гаспаром — это стопроцентное «нет»!

— И все же, Иден. Ты должна была что-то сказать ему. Он волновался несколько дней подряд, непрерывно набирая твой номер, в надежде услышать тебя. И только когда я заглянул на работу к мистеру Ройсу, чтобы восстановить картину твоих передвижений, я узнал, что происходит на самом деле. Знаешь, как трудно было вернуться сюда, чтобы сообщить нашему отцу, что ты не только солгала об убийстве мистера Ройса, но и сбежала вместе с ним? Почему ты солгала, Иден? — спросил он, и его тон был жестким и желчным.

Она повернулась ко мне, и на ее лице промелькнули все эмоции, какие только

существуют на свете. Гнев, печаль, чувство вины, и еще много других — они навалились на нее все разом, и все, что я хотел сделать, это заставить их исчезнуть и заменить на счастье. Я многое бы отдал в тот момент, чтобы увидеть ее улыбку...

Иден

— Я задал тебе вопрос, — прорычал Алессио, заставив меня оторвать взгляд от Ксандера.

Несмотря на то, что я подняла глаза на разъяренного брата и невольно задалась вопросом, кем является человек, стоящий передо мной. В этот момент он был не моим братом, а незнакомцем с дурными намерениями. Независимо от того, что сделала, я не могла понять, как это оправдывает подобное обращение. Разве мои мотивы не были очевидны для него? Неужели моих усилий по возвращению нашему отцу денег, украденных ЛеРу, было недостаточно, чтобы перечеркнуть мою неосмотрительность? Я внимательно наблюдала за ним несколько секунд, прежде чем смогла выпрямить позвоночник и обрести голос.

— Потому что я люблю его, — твердо ответила я.

Глаза Алессио расширились, в тандеме с почти неуловимым вздохом Ксандера позади меня.

— Любишь его? — с отвращением выплюнул он. — Ты вообще знаешь, что такое любовь, Иден?

— Я только что сказала, что люблю его, не так ли? Совершенно очевидно, что я очень хорошо знакома с этим чувством.

— Хорошо знакома или нет, но как ты можешь любить того, кто обманул нашего отца? Разве его воровство не...

— Он не вор! — оборвала я его, подавшись вперед настолько, насколько позволяли кандалы на моих запястьях.

Алессио стоял невозмутимо, застыв на месте на другом конце помещения, не обращая внимания на мои попытки угрожать ему. Разумеется, он был невозмутим, ведь это я прикована к гребаной стене. Хотела бы я посмотреть, как он сохранит спокойствие, если я не буду лишена свободы...

Его глаза сузились еще больше, а грудь затряслась — в ней зародился мрачный, издевательский смешок.

— Какой же безрассудной ты стала, сестренка.

— Полагаю, «просветленная» — это то слово, которое ты хотел использовать, брат, — прорычала я.

— «Просветленная» — нет. А вот «зablуждающаяся», кажется, вполне подходит. Если ты считаешь, что, пощадив мистера Ройса, ты навсегда усмиришь тьму, живущую внутри тебя, то ты сильно ошибаешься. Можешь думать, что сумеешь проявлять сдержанность, но со временем потребность проливать кровь возьмет верх над всем этим.

— Не умаляй достоинств моего интеллекта, Алессио. Я прекрасно знаю, что я могу и чего не могу. Эта часть моей души больше не властвует надо мной. Мне больше не нужно убивать, чтобы чувствовать себя живой.

Алессио откинул голову назад и разразился таким громким смехом, что я была уверена, что он пронесся по всему подвальному помещению.

— Продолжай повторять себе это. Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать через несколько дней, когда мистера Ройса больше не будет рядом, чтобы занимать все твои

мысли.

— Ты не причинишь ему вреда. Я не позволю тебе.

— И как же ты собираешься остановить меня? — спросил он, забавляясь.

Молчание.

Он был прав. Как я собиралась остановить его без помощи рук?

— Вот именно, — продолжал насмехаться он. — Мне стоит приковать тебя к этому самому стулу и заставить смотреть, как я отпиливаю бензопилой его конечности. Что ты об этом думаешь?

— Ты же это не серьезно...

— О, нет. Я предельно серьезен. Это послужит тебе ценным уроком, ты не находишь?

Я отвернулась, не желая отвечать ему. Он вел себя как гребаный монстр, находящийся в нескольких секундах от того, чтобы сорваться в очередной припадок, и хуже всего было то, что у меня не было никакого желания пытаться уговорить его. Зачем мне делать это, если он так сильно стремился причинить мне боль?

— Теперь, когда я вспоминаю все, что произошло за последний месяц, хочешь знать, что еще показалось мне странным? — неожиданно спросил он, и я ответила ему лишь полным ненависти взглядом. — Лука выглядел очень расстроенным, когда ты исчезла. Ты случайно не знаешь, почему?

— Знаю, — огрызнулась я.

— И почему же?

— Потому что я трахалась с ним, — процедила я, вовремя подняв голову, чтобы увидеть, как его глаза вылезают из орбит.

— Ты ЧТО?

Его голос стал опасно низким.

— Я. Трахалась. С. Ним, — повторила я, четко проговаривая каждое слово.

— Ты спала с Лукой?

Он был искренне изумлен, и на краткий миг я почувствовала удовлетворение.

— «Спала» — это еще мягко сказано. Скорее, я трахалась с ним до потери пульса, два года подряд.

Я ожидала, что он полностью выйдет из себя после моего признания, но он просто стоял на месте, прожигая дыру в моей голове. Прошло несколько минут, прежде чем он принялся вышагивать по комнате, а его грудь вздымалась все быстрее с каждым шагом. Тогда-то это и произошло. Схватив стул, стоявший довольно близко к столу, он швырнул его через всю комнату, злобно рыча, и тот, ударившись о кирпичную стену, раскололся пополам и с грохотом упал двумя отдельными кусками на пол. Следующей была бутылка пива, стоявшая на столе. Он швырнул ее в сторону двери, и от удара осколки стекла разлетелись на десятки кусочков.

— А-а-а! — прорычал он, запустив руки в волосы. — Какого х*я, Иден! Ты, бл*ть, реально спала с моим лучшим другом?

— Я только что ответила на этот вопрос.

— Зачем? Зачем ты это сделала? — спросил он, в ярости.

— Почему бы тебе не спросить об этом Луку. Это он сделал первый шаг.

— Но ты позволила ему сделать этот шаг!

— Да, черт возьми, позволила, — раздраженно ответила я.

Я бы продолжала и дальше, чтобы еще больше задеть его, но тут глаза Алессио

вспыхнули гневом, и через мгновение он уже несся ко мне. Опустившись на ноги, он вставил ключ в кандалы на моих запястьях и открыл замки, быстро вытащив меня за руку на середину комнаты.

— Хочешь играть грязно? Отлично. Мы будем играть грязно. Видишь этот нож, — сказал он, доставая из кармана клинок, и легким движением руки высвобождая его из ножен. — Ты возьмешь его и будешь кромсать своего дружка до тех пор, пока я не велю тебе остановиться.

Я усмехнулась и скрестила на груди руки.

— Только в твоих гребаных мечтах, Алессио. Я не буду заниматься подобной херней.

— Ты бы предпочла, чтобы это сделал я? — рявкнул он, делая несколько шагов ближе к Ксандеру.

Мое сердцебиение участилось при виде лезвия, протянутого в его сторону.

— Нет! Нет, не делай этого!

— Тогда иди сюда и возьми его.

Его тон был бесстрастным, но я все равно замешкалась, что еще больше разозлило его.

— Что не так, сестренка? Не хочешь, чтобы он увидел, какое ты чудовище на самом деле? Как клинок заставляет тебя чувствовать себя сильной и несокрушимой?

— Это не имеет никакого отношения к делу! Он все обо мне знает!

— Правда? Неужели? — усмехнулся мой брат. — Ты могла сообщить ему, что ты жестокий убийца, но знает ли он масштабы этого? Известно ли ему, что ты — Молчаливый Жнец?

Я задохнулась, в неверии вытаращились на брата. Он только что раскрыл меня. Моя собственная плоть и кровь только что выдала меня мужчине, которого я любила, и было совершенно очевидно, что он наслаждался этим, в особенности учитывая мою реакцию. Я боялась посмотреть на Ксандера, опасаясь, что в его карих глазах вновь загорится страх — страх, который гарантировал бы, что он больше никогда не захочет иметь со мной ничего общего.

— Теперь известно... — произнесла я, испытывая опустошение.

— Это ни черта не меняет, — разнесся по комнате твердый голос Ксандера.

— Прошу прощения? — огрызнулся Алессио. — Я что, с тобой разговаривал?

— Нет, но ты спросил ее, рассказала ли она мне эту информацию, намереваясь застать меня врасплох и вывернуть все в свою пользу, и я заявляю тебе... это ничего не меняет. Возможно, ты и представляешь ее именно такой, но я прекрасно знаю, что она теперь совсем другой человек.

Брат рассмеялся, но это длилось недолго.

— Похоже, тебе тоже требуется испытание реальностью. Пошли, Иден. Быть может, когда он увидит тебя в деле, это докажет ему, что он ошибается.

Я перевела взгляд на Ксандера, и он кивнул, уверенно и без страха. Как ему удавалось всегда быть таким мужественным? Слезы наполнили мои глаза, когда я шагнула вперед и протянула ладонь, зажмурившись от ощущения клинка, когда брат опустил его мне в руку. Он был холодным, тяжелым и, что хуже всего, острым.

— А теперь приступай к работе. Посмотрим, сколько ударов мы сможем нанести, прежде чем он истечет кровью.

— Почему ты так поступаешь? — с недоумением спросила я.

— Потому что тебе нужна основательная корректировка реальности, сестренка. А

теперь давай. Режь его, — потребовал он.

На шатких ногах я медленно продвигалась вперед, не сводя глаз с Ксандера. Он наблюдал за мной с тем же стоическим выражением лица, на котором прочно застыло выражение покер-фейс, призванное уберечь его от уязвимости.

Присев перед ним с затуманенным от непролитых слез зрением, я уловила его слова:

— Все в порядке.

Я покачала головой, мои губы дрожали, и он снова кивнул, а его глаза опустились на руку с ножом и вернулись к моему лицу в безмолвном призыве, который Алессио не мог увидеть.

— Приступай к делу, Иден, — сказал мой брат позади меня, как будто все же уловил самоотверженный жест Ксандера. — Если ты не проведешь лезвием по его коже в течение следующих пяти секунд, да поможет вам Бог, я перестану сдерживать себя и сам займусь этим, как и обещал. Сейчас или никогда. Выбирай.

— Прости, — пробормотала я Ксандеру, и он снова кивком указал на свою руку, явно воспринимая угрозу Алессио всерьез.

— Пять... четыре...

Время вышло. Я должна сделать это, иначе все станет намного, намного хуже. Как обычно, Алессио не играл ни по чьим правилам, кроме своих собственных, и было как никогда очевидно, что его не волнует, причиняет ли это боль члену его семьи или нет. Закрыв глаза, я выполнила требование, прежде чем смогла убедить себя в обратном, быстро проведя рукой по верхней части его бицепса. Шипение Ксандера от боли ударило мне прямо в сердце и резко оборвало обратный отсчет Алессио, не дойдя до «один».

Когда я распахнула глаза, то чуть не закричала. Крови было не очень много, как и следовало ожидать, но, тем не менее, она была — чья-то кровь, которую я никогда, никогда больше не хотела видеть.

Наклонившись вперед, я прижалась поцелуем к его губам, сдерживая желание разрыдаться. Все, что я могла сделать, это надеяться и молиться, чтобы все поскорее закончилось, хотя с Алессио, ведущим себя так, как он вел сейчас, вероятность этого невелика.

— Еще раз, Иден. Давай, — сказал он раздраженно, а затем снова запустил обратный отсчет, поэтому я снова сощурила глаза и взмахнула запястьем, задевая другую руку.

На этот раз шипение Ксандера было значительно громче, и я почти сразу же открыла глаза. Я задела внутреннюю сторону его руки, где кожа была намного чувствительнее, а не верхнюю, как на другой руке. Мое сердце защемило еще сильнее, когда я поняла, что боль, которую он испытывал, была вызвана мной. Человек, которого я любила всеми фибрами своего существа, страдал из-за меня. Обхватив его лицо, я снова поцеловала его, бормоча извинения ему в губы. Это было более мучительно, чем все, что я когда-либо испытывала.

— Дальше! Шевелись, сестренка. Мое терпение на исходе, — огрызнулся Алессио, но я не была уверена, что смогу сделать это снова.

Двух раз было более чем достаточно.

— Алессио, прошу тебя, — взмолилась я, вставая на ноги. — Хватит уже. Я ранила его дважды, по одному порезу на каждую руку. Ему больно, и больно мне. Я все поняла — ты злее, чем сам черт. Прости меня, мне чертовски жаль.

— Ему больно? Ты думаешь, ему больно? — спросил он, наклонив голову на одну сторону, а его глаза превратились в крошечные щели от ненависти.

Я кивнула, мое дыхание участилось, и тут он сделал то, чего я не могла предположить — сцена передо мной разыгралась, будто в замедленной съемке. Он достал свой «глок», направил его на моего мужчину и нажал на курок. Ксандер взвыл в тот же самый момент, а я задохнулась от ужаса, упав перед ним на колени. Пуля прошла сквозь его руку, прямо под порезом, который я сделала. Багровая струйка непрерывно стекала на его джинсы, пропитывая их насквозь.

— Вот теперь ему больно, и, если ты не хочешь, чтобы я сделал это снова, предлагаю тебе перестать просить меня прекратить. Я сам скажу тебе, когда будет достаточно, Иден.

— Алессио, пожалуйста, — умоляла я его.

Почему он делает это? Неужели он не понимает, насколько все это ужасно? Я была его родной кровью, его сестрой, малышкой, которая цеплялась за него, как за второго отца, той девочкой, которая смотрела на него, как на рыцаря в сияющих доспехах. Неужели все это ничего не значило для него? Неужели я ничего не значила для него?

— Я выстрелю снова, — предупредил он, снова поднимая «глок». — И на этот раз целься в лицо. На руках уже есть две раны.

— Только не лицо, пожалуйста!

— Я могу отстрелить ему его, если ты так предпочитаешь.

— Нет!

Я бросилась на Ксандера. Если он собирался стрелять, то сначала должен был попасть в меня.

— В таком случае. Режь. Его. Лицо. За дело! — крикнул он, и звук отразился от стен вокруг, подстегнув меня к действию.

Я никогда не боялась Алессио и суровости его методов, но сейчас, в этот момент, я была в оцепенении от страха. Поднеся дрожащую руку к лицу Ксандера, я отклонила его от себя и прикрыла ему глаза, потому что не могла вынести того момента, когда боль снова поглотит его. Но это оказалось моей самой большой ошибкой, потому что, когда я провела лезвием по его щеке, прямо над линией бороды, я почувствовала, как его глаза сжались под моей ладонью.

Я вздрогнула и уронила нож на пол, все мое тело затряслось от горя. Всхлипывая, я обхватила Ксандера, глубоко вдыхая его запах, пытаюсь успокоиться.

Хватит, я больше не могу. Если это означает, что я в нескольких секундах от того, чтобы сделать свой последний вдох, то так тому и быть.

— Выравнивай счет, сестра. Теперь, с другой стороны, — прорычал Алессио, но я покачала головой.

— Я не могу, Алессио.

Мой голос дрожал.

— Не могу.

— Сделай это, — прохрипел он.

— Нет.

— Сделай. Это.

— Нет! — выкрикнула я, цепляясь за Ксандера изо всех сил.

— Сделай. Это! — закричал он во всю мощь своих легких.

И тут дверь с грохотом распахнулась, ударившись о кирпичную стену. Я повернула голову на звук и увидела, что на пороге стоит мой отец. Его руки были засунуты в карманы, пока он рассматривал состояние помещения и все происходящее вокруг. Осторожно, чтобы

не наступить на стекло, он обошел разбитую бутылку пива и подошел к Алессио, не сводя с меня глаз.

— Иден, — произнес он в знак приветствия.

Не Fiore (прим.: с итал. Цветок), не Лепесток, не малышка. Просто Иден.

— Папочка, пожалуйста, заставь его остановиться.

Поджав губы, отец проницательно посмотрел на меня.

— Пожалуйста, папочка. Я люблю его, — произнесла я, и по моим щекам потекли потоки слез от душевной боли.

Но он покачал головой, а на его лице появилось мрачное выражение.

— Мне жаль, Иден. Это должно быть сделано. Алессио, отведи ее в дом. Я бы хотел переговорить с мистером Ройсом.

Мои глаза расширились от его слов, и я крепче обхватила шею Ксандера. Алессио дернул меня за руки, и я вывернулась, но он снова схватил меня, на этот раз гораздо крепче, и я уже не смогла освободиться.

— Нет! — закричала я, борясь с ним, когда он принялся вытаскивать меня из комнаты, подальше от Ксандера.

Измученные, полные боли карие глаза смотрели, как меня уводят, и одна слезинка скатилась по его щеке, как будто он молча попрощался с тем, чего не хотел признавать мой отец.

Он был жив. Я слышала обрывки тихого разговора папы и Алессио в коридоре возле библиотеки, и с этой утешительной мыслью вернулась в свою комнату и придумала план. Я ни за что на свете не позволила бы своей семье держать его взаперти в камере, как какое-то дикое животное. Достаточно того, что они заставили меня обращаться с ним как с животным. Вот почему в четыре часа утра я кралась по дому, как преступница, на цыпочках пробираясь по коридорам с сумкой, перекинутой через плечо, и направляясь в подвал.

«Почему в подвал?» — спросите вы.

Туннель.

Подземный туннель длиной более километра, который соединял дом моей семьи с резиденцией. В детстве папа говорил мне, что подвал предназначен для чрезвычайных ситуаций, но в шестнадцать лет я узнала правду, когда Алессио ушел в запой. За прочным стеллажом, встроенным в стену, скрывался проход в этот туннель. Если бы кто-то случайно спустился сюда, то ничего не заподозрил бы — полки были заставлены коробками и ящиками, как в любом другом подвале Америки.

Вернув стеллаж на место, а вслед за этим закрыв дверь, я воспользовалась фонариком на своем телефоне, чтобы ориентироваться на местности, и вприпрыжку побежала к человеку, ожидавшему меня на другой стороне. Мои шаги эхом отдавались в подземелье, с каждым шагом все быстрее и быстрее разгоняя мою кровь. Алессио не вернется сюда до утра, и папа тоже, но времени было в обрез. Нам нужна была фора, если мы хотели получить хоть малейший шанс на спасение. Я не представляла, куда мы направимся, но это должно быть очень, очень далеко отсюда.

Когда впереди показался тусклый желтоватый свет, я поняла, что уже близка, и в

желании освободить Ксандера и двинуться с ним в путь, приложила еще больше усилий. Подбежав к двери, я вставила ключ в замок и отперла его, протиснувшись через такой же стеллаж в подвал комплекса. Здесь было темно и ужасно тихо, что усиливало прилив адреналина в десятки раз. Охрана сюда не спускалась, но то, как мы выберемся из подвала и поднимемся на второй этаж здания, чтобы оказаться снаружи, должно сыграть решающее значение.

Едва не запнувшись перед дверью, отделявшей меня от Ксандера, я достала из кармана булавку и как можно быстрее взломала замок, ворвавшись в помещение, как только услышала характерный щелчок. Темно-карие глаза были устремлены на дверь, и у меня перехватило дыхание при виде того, что меня ожидало. Ксандер упирался головой в кирпичную стену, его колени были согнуты, а руки по-прежнему скованы гребаными кандалами. Я была вне себя от ярости. Мне было так больно, что мой брат так поступил со мной, с человеком, которого я люблю. Как он мог оставить его в таком состоянии? Запертым. Скованным. Раненым. Одиноким. Но у меня не было времени заикливаться на этом — нам нужно скорее убираться отсюда.

— С тобой все в порядке?

Я подбежала к нему и упала на колени, бросив сумку рядом с собой.

— В полном, — отшутился он, тихо посмеиваясь.

Порезы, которые я оставила, каким-то образом оказались чистыми, но его рубашка была забрызгана и местами насквозь пропитана засохшей кровью.

— Я серьезно, — сказала я, осматривая его на предмет других ран, кроме тех, что Алессио заставил меня нанести на его руках, и единственного пулевого отверстия, которое теперь было замотано бинтом. — Ты в порядке? Они снова ранили тебя?

— Я в порядке, ангел. Тебе не следовало появляться здесь.

Откинув голову назад, я ответила ему:

— Я должна была быть здесь все это время. Что тебе сказал мой отец?

— Он не сказал ни слова, а просто смотрел на меня, расхаживая по комнате. Сначала я тоже не собирался, но потом не смог сдержать рвущихся наружу слов.

— Что ты ему сказал? — настороженно спросила я, ковыряясь в замках кандалов на его запястьях.

— Что люблю тебя.

Я задохнулась, мир вокруг меня остановился на долю секунды.

Он любит меня? Вернее, тоже любит — так следует сказать? И он сказал об этом моему отцу?

— Ты сошел с ума? — спросила я в недоумении, обхватив его лицо.

— Да, самую малость, но он должен был об этом узнать. И, прежде чем ты спросишь, нет, он не сказал ни слова в ответ. Просто посмотрел мне в глаза и через несколько секунд вернулся к тому, чем занимался.

— Это он привел тебя в порядок?

Ксандер кивнул, потирая болевшие запястья, когда освободился.

— Удивительно, но да.

Бросившись к нему, я втянула его запах, а он обнял меня своей здоровой рукой. Я была несказанно благодарна за то, что он жив и что папа каким-то образом задействовал свое сердце и помог ему.

Если бы он... Я не могла даже думать об этом.

— Посмотри на меня, — потребовал он, и я отстранилась, переведя взгляд на него.

— Я тоже люблю тебя, — сказал он с убежденностью, и, клянусь, мое сердце забилося так сильно, что я думала, оно разорвется.

Прижавшись к его губам, я поцеловала его со всей силой, вложив в поцелуй всю свою душу. Его большие руки запутались в моих волосах, удерживая меня на месте, и он целовал меня в ответ с таким же пылом. Все, чего я хотела, это остановить время и наслаждаться моментом, но это желание было настолько недостижимым, что я знала, что мы не сможем реализовать его, пока это место не останется в прошлом.

Я вырвалась из его объятий.

— Мы должны выбираться отсюда.

— А что потом?

Его брови сошлись вместе.

— Ты же знаешь, что они будут преследовать нас.

— Пусть. У нас будет фора.

Он вздохнул, молча наблюдая за мной, а в его глазах плескалась усталость.

— Ты уверена, что хочешь сделать это?

— Чтобы быть с тобой? — спросила я. — Да, черт возьми, уверена.

— И каков план?

— Кроме как уехать отсюда далеко-далеко, я пока ничего больше не придумала.

— Боже, это разобьет маме сердце... — прошептал он, ущипнув себя за переносицу.

— Знаю, Ксандер, но...

— Но мы должны это сделать, — решительно добавил он. — Я бы сбежал с тобой куда угодно, если бы это означало, что мы можем быть вместе и подальше от всего этого дерьма.

С роем бабочек, порхающих в глубине моего живота, я поднялась на ноги и перекинула сумку через плечо, протягивая руку к тому месту, где он сидел подо мной. Вложив свою руку в его, я помогла ему встать, и, поцеловавшись в последний раз, пока нашей безопасности ничего не угрожало, мы отправились в путь, чтобы выбраться из комплекса.

Ориентироваться в подвале было легко, но, когда мы поднялись по лестнице, ведущей на второй этаж, мое сердце снова начало сильно колотиться. Я прижалась ухом к двери, прислушиваясь к любому признаку движения по ту сторону. Но ничего не было — только лишь мертвая тишина.

— Готов? — прошептала я, и Ксандер сжал мою руку.

Глубоко вдохнув, я толкнула дверь и оглядела коридор в обе стороны. Все чисто — ни души на виду. Я надеялась, что охрана собралась у входа, но если это так, то ненадолго. Каждый из них по очереди патрулировал периметр каждый час или около того.

Взяв Ксандера за руку, я повернула направо и повела нас к двери в самом конце коридора, выходящей на большую парковку сбоку здания. Мы шли по коридору молча, мои глаза были прищурены, а уши напряженно прислушивались к малейшему движению. Когда мы добрались до конца без происшествий, я вздохнула с облегчением и открыла выход, а прохладный октябрьский воздух ударил в лицо.

— Эй! — крикнул низкий голос у нас за спиной, и волосы на моем затылке встали дыбом.

Бл*ть!

— Бежим!

Я снова потянула Ксандера за руку, и мы вместе быстро спустились по ступенькам и

пересекли парковку — к месту, где стоял внедорожник моей семьи. Достав из кармана брелок, я разблокировала двери и бросилась к водительскому сиденью, пока Ксандер бежал к пассажирскому. Оказавшись внутри «Тахо» (прим.: внедорожник «шевроле»), я вставила ключ в замок зажигания и переключила передачу, как раз в тот момент, когда к нам подбежал охранник, размахивая руками.

Не сегодня, Сатана.

Нажав на газ, я выехала с парковки, проскочив мимо охранника, и помчалась в сторону гавани.

— Куда ты направляешься? — спросил Ксандер, пристегиваясь ремнем безопасности.

— Мы не сможем выбраться через главный проезд. Они ни за что нас не выпустят.

— Тогда как же мы выберемся?

— Придется объезжать, — сказала я, подбочившись. — Держись крепче, будет ухабисто.

Ксандер взял меня за руку.

— У меня такое чувство, что все это приключение будет ухабистым.

Мой взгляд переместился на него, а после вернулся к дороге.

— Мне тоже.

— Ты уверена, что готова к этому?

— На сто процентов.

— Что ты думаешь насчет пляжей? — спросил он, и все, что я могла спросить, это «что?»

— Что они мне нравятся? — ответила я, хотя это прозвучало скорее как вопрос.

— Тогда направляйся прямо к аэропорту Кеннеди. У меня есть план.

У него есть план?

У него был план.

И я слепо подчинилась, потому что доверяла ему. И потому что любила.

Теперь все, что я могла делать, это стоять плечом к плечу вместе с Ксандером, пока мы готовились к битве всей нашей жизни.

Потому что когда мой отец поймет, что я натворила, мы превратимся из охотников...

В добычу.